

DOCUMENTS OF THE HELSINKI
WATCH GROUP IN THE USSR

NUMBER SIX

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

ОБЩЕСТВЕННОЙ ГРУППЫ СОДЕЙСТВИЯ
ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ

ВЫПУСК ШЕСТОЙ

KHRONIKA PRESS
NEW YORK, 1979

**DOCUMENTS OF THE HELSINKI
WATCH GROUP IN THE USSR**

NUMBER SIX

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

**ОБЩЕСТВЕННОЙ ГРУППЫ СОДЕЙСТВИЯ
ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ**

ВЫПУСК ШЕСТОЙ

Составитель Л. Алексеева

**KHRONIKA PRESS
NEW YORK, 1979**

Documents of the Helsinki Watch Group in the USSR

Copyright © 1979 by Khronika Press

Published by: KHRONIKA PRESS 505 8th Ave., New York, N.Y. 10018

Manufactured in USA

СОДЕРЖАНИЕ

Документ № 22. К проблеме эмиграции немцев	5
Документ № 57. О кассационных судах Ю. Орлова и В. Слепака	9
Документ № 58. Десять лет спустя	10
Документ № 59. Процесс члена Украинской группы "Хельсинки" Левко Лукьяненко	12
Документ № 61. О нарушении права заключенных на творческую деятельность	17
Документ № 62. Бесчеловечные условия содержания заключенных	21
Документ № 65. Пропагандистская кампания дискредита- ции правозащитного движения в СССР	27
Документ № 66. 30 октября — День политзаключенного СССР	29
Документ № 67. О медицинском обслуживании заключенных	33
Документ № 68. О переписке заключенных	40
Документ № 69. 30 лет Всеобщей декларации прав человека	43
Документ № 74. О выступлении представителя госдепар- тамента США Х. Картера	46
Документ № 75. О спецсудах	48
Документ № 76. Преследования лиц, пытающихся создать независимые ассоциации для защиты трудовых прав . . .	51
Документ № 77. Движение в защиту прав инвалидов в СССР — под угрозой репрессий	58
Документ № 78. Новые репрессии	60
Документ № 79. Преследования групп "Хельсинки"	64
Документ № 80. Преследование врача Семена Глузмана . .	67
Документ № 81. Заявление по поводу казни Степана Затикяна и двух других лиц	68
Документ № 82. Еще одна волна репрессий	69
Документ № 83. Суд над Иосифом Зисельсом	72
Документ № 84. О преследованиях Петра Винса	74

Документ № 85. Нарушение социально-экономических прав человека в СССР	77
Документ № 86. Угроза новых репрессий за свободное слово .	82
Документ № 87. О положении заключенных в лагерях СССР	84
Документ № 88. Жизнь политзаключенного Игоря Огурцова в опасности	106
Документ № 89. О злоупотреблении психиатрией в политических целях	109
Документ № 90. Новая угроза А.Д. Сахарову	112
Документ № 91. Об эмиграции из СССР	113
Документ № 92. Преследования редакции журнала "Поиски" продолжаются	116
Документ № 93. Свободу всем заключенным членам групп "Хельсинки" в СССР	117
Документ № 94. Продолжается преследование участников независимых ассоциаций для защиты социально-эконо- мических прав трудящихся	119
Документ № 95. Преследования верующих	122
Документ № 96. Запрет на квалифицированную работу правозащитникам	125
Документ № 97. В защиту политзаключенного С. Ковалева .	127
Документ № 98. Политические процессы над рабочими . . .	132
Документ № 99. Репрессии по идеологическим мотивам . . .	134
Заявление в связи с пятилетней годовщиной ратификации Советским Союзом Пакта о политических и гражданских правах	143
Заявление для прессы о положении приемного сына А. Гинзбурга Сергея Шибаяева	144

К ПРОБЛЕМЕ ЭМИГРАЦИИ НЕМЦЕВ ИЗ СССР В ФРГ

Многие проживающие в СССР немцы хотят уехать в ФРГ. Власти, грубо нарушая гарантированные советскими законами права, а также права, декларированные в ратифицированных Советским Союзом Пактах, — препятствуют эмиграции. Выехать удастся далеко не всем желающим, и тысячи людей годами не могут добиться разрешения на выезд. Участники эмиграционного движения подвергаются различным административным и судебным преследованиям.

По имеющимся сведениям, в настоящее время только в ОВИРе Киргизской ССР лежит около 10 тысяч неудовлетворенных заявлений-просьб о разрешении выехать из СССР в ФРГ. (К этим заявлениям приложены требуемые ОВИРом документы, в том числе вызовы от родственников из ФРГ.) Бывают случаи, когда в ОВИРе даже отказываются принимать такие заявления. Мотивировки отказов в разрешении на выезд — если они вообще даются — абсурдны: одному отказывают потому, что приславший вызов родственник является недостаточно близким; у другого родственник близкий, но другие его родственники, близкие или дальние, остаются в СССР и т.д. и т.п.

В мае-июне 1976 года несколько сотен немцев, проживающих на территории Киргизии и Казахстана и уже давно безрезультатно ходатайствующих о разрешении выехать из СССР, — совершили решительную и рискованную в условиях нашей страны акцию: отказались от советского гражданства и сдали свои паспорта (!), одновременно оплатили государственную пошлину за отказ от советского гражданства (500 рублей за каждого человека старше 16 лет). Заявления об отказе от гражданства и последующем выезде из СССР на постоянное место жительства в ФРГ, а также документы об оплате государственной пошлины и о сдаче паспортов (в МВД) направлены в Президиум Верховного Совета республики.

Осуществляя эту акцию, немцы опирались на советские законы, в частности, на Постановление Совета Министров СССР (от 2 сентября 1970 г., вступившее в силу 1 января 1971 г.):

Любому лицу, не связанному с государственной и военной тайной, секретной документацией и оборонной промышленностью, гарантируется выход из гражданства с последующим выездом за пределы СССР.

Вот как описывается реакция властей на эту акцию.

... Мы все отдали свои паспорта в МВД, но нам все-таки не разрешают покинуть пределы СССР. Положение наше после сдачи паспортов еще более осложнилось. ... пенсионерам не выплачивают пенсию, всех привлекают к административному взысканию — денежный штраф (через горсоветы, сельсоветы) ... Кроме этого официальные представители органов власти заявляют, что против каждого сдавшего паспорт будет возбуждено уголовное дело. ... В Алма-Атинской области гражданам, сдавшим паспорта, не выплачивают зарплату, создают невыносимые моральные условия. ...

Приглашены на "беседы" к председателю г. Иссык — в присутствии начальника КГБ и его заместителя, зам. прокурора Энбекши-Казахского района и других — Артур Клинк, 1905 года рождения, Виктор Клинк (сын А. Клинка). Их оскорбляли, угрожали, настаивая, чтобы они взяли назад свои паспорта. После бесплодных бесед Клинк А. и Клинк В. были осуждены в мае 1976 г. на 15 суток (заключения) — за то, что они якобы высказали недовольство по поводу советских эмиграционных законов. За это же получил 15 суток (заключения) Веймар Яков. ...

Процитирован фрагмент "Обращения", написанного в конце 1976 года; под "Обращением" более 300 подписей.

В "Обращении" рассказывается о гонениях и преследованиях, которым подвергались в течение последних десятилетий и подвергаются сейчас немцы в СССР. Сообщается, в частности, что в августе 1976 активисты немецкого эмиграционного движения Виктор Клинк и Артур Клинк снова были арестованы: Виктор, инвалид 2-й группы, осужден на 6 месяцев лишения свободы в лагере строгого режима; Артур, 69 лет, — на 3 месяца лишения свободы. (Ранее, в 1973 г., Виктор Клинк был осужден на 2 года лишения свободы по статье 170-1 УК Казахской ССР — "распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй".)

В сентябре 1976 г. (3-5 сентября) в г. Алма-Ата Каз. ССР состоялся суд над активистами немецкого эмиграционного движения Лилей Фурман и Генрихом Реймером. Инкриминировались заявления-обращения в Комитет защиты прав человека при ООН и к правительству ФРГ с просьбой оказать содействие в выезде из СССР. (В этих заявлениях, перехваченных КГБ, есть слова, что в СССР к немцам относятся как к гражданам второго сорта и т.п. На основании этих заявлений было возбуждено уголовное дело по обвинению в "распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй".)

Председательствующий на суде, издеваясь над десятками находившихся в зале суда немцев, говорил: "Езжайте, кто вас держит". ...

В этот же день начальник ОВИРа г. Алма-Ата полковник Шапоров на глазах у посетителей рвал заявления (об эмиграции) на 4 части и складывал их на край стола. ...

— Из названного выше "Обращения".

В заключительной части "Обращения" говорится:

Все эти суды преследуют конкретную цель — не дать возможности желающим гражданам немецкой национальности выехать в ФРГ. ... Мы убеждены, что только Ваше вмешательство ... мы еще раз просим Вас направлять адвокатов для защиты наших товарищей и нас, так как мы не уверены, что нас не постигнет та же участь ... мы обращаемся к Вам с просьбой поставить вопрос перед ООН, а также перед государствами, подписавшими Заключительный Акт Хельсинкского Совещания

* * *

Отдельные лица, из тех, кто долго и безуспешно пытается реализовать — законными путями! — свое право на эмиграцию, добиваются иногда до Москвы, во Всесоюзный ОВИР (при МВД СССР), в Президиум Верховного Совета СССР, в ЦК КПСС. Здесь они также не получают ни доброжелательного приема, ни, тем более, положительного решения своего вопроса.

Попытки обратиться за участием и помощью в посольство ФРГ в Москве оканчиваются неудачей ...

Так, например, долго и безуспешно добиваются разрешения на выезд проживающие в Киргизской ССР Елизавета Гейдебрехт, 1946 года рождения, Роман Церр, 1942 года рождения, Федор Михель, 1932 года рождения, Петр Гиш, 1929 года рождения, Г. Изаак, 1942 года рождения. В феврале 1977 года после очередных безрезультатных ходатайств в высокие советско-партийные органы они обратились с заявлениями также в Группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Аналогичные заявления в Группу содействия поступили в феврале 1977 г. от проживающих в Литве и много лет ходатайствующих о выезде в ФРГ Сучкова Вальдемара Косто, 1932 года рождения, и Гасконе Сина С. Адольфо, 1941 года рождения. (К настоящему документу прилагаются эти заявления или краткое их переложение.)

* * *

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР обращает внимание на то, что описанное в настоящем документе поло-

жение с эмиграцией — препятствия, чинимые лицам, ходатайствующим о выезде из СССР в ФРГ, а также запугивание, административные и судебные преследования этих лиц — является явным и недопустимым нарушением гуманитарных статей Хельсинкских соглашений, а также нарушением ратифицированных Советским Союзом (и вступивших в полную юридическую силу на территории СССР с марта 1976 года) Пактов о гражданских и политических правах. Одновременно нарушаются и формально существующие в СССР законы об эмиграции.

Группа содействия считает желательным создание независимой компетентной международной комиссии для проверки заявленных нарушений, а также рассмотрение этого вопроса на встрече в Белграде, посвященной выполнению странами — участниками Хельсинкских соглашений взятых на себя обязательств.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:

Мальва Ланда, Юрий Мнюх, Петр Григоренко, Елена Боннэр, Владимир Слепак

26 марта 1977 г.

Приложения *

1. "Обращение", подписанное более 300 немцами Киргизии и Казахстана, конец 1976 г. (фрагменты).
2. Краткое переложение адресованных в Группу содействия заявлений В. Сучкова и С. Гасконене; заявление Э. Путинса.
3. Копии заявлений (в Группу содействия) от семей Церр, Михель, Гирш, Изаак, Гейдебрехт.
4. Список лиц, сдавших свои паспорта. (Недавно стало известно, что арестовано несколько немцев, сдавших свои паспорта: Абрам Шулиц, Яков Петерс, Иван Тойрер ...)

* Приложения здесь не приводятся — Ред.

Кассационные суды членов Московской группы "Хельсинки" Юрия Орлова и Владимира Слепака подтвердили вынесенные им противозаконные приговоры.

18 июля Верховный суд РСФСР рассматривал кассационную жалобу Юрия Орлова — основателя и руководителя Московской группы "Хельсинки", обвиняемого в "антисоветской агитации и пропаганде". Интересы Орлова никто не представлял; сам он не был допущен на суд, зачитывались фрагменты его жалобы. Орлов указывает на допущенные на его суде серьезные нарушения законности: отказано почти во всех заявленных им ходатайствах, в частности, в вызове в суд названных им свидетелей; инкриминируемые ему документы квалифицировались — без анализа их содержания — как "антисоветские клеветнические"; судья неоднократно отводил его вопросы свидетелям, грубо прерывал его и его адвоката, лишая возможности высказаться. Расследование велось явно тенденциозно.

Верховный суд подтвердил вынесенный Юрию Орлову приговор: 7 лет лишения свободы в лагере строгого режима и 5 лет ссылки.

20 июля Московский городской суд рассмотрел кассационную жалобу Владимира Слепака — известного участника еврейского эмиграционного движения, активного члена Московской группы "Хельсинки", обвиняемого в "злостном хулиганстве". В качестве такового суд квалифицировал то, что Слепак, стоя на балконе своей квартиры, держал плакат — требование разрешить ему и его семье выезд в Израиль.

Где и когда подобные действия рассматривались как преступление?!

Московский городской суд подтвердил вынесенный Владимиру Слепаку приговор: 5 лет ссылки. (Владимир Слепак находится в тюрьме и будет этапирован под стражей к месту ссылки.)

Ида Нудель, известный участник еврейского эмиграционного движения, много помогавшая многим несправедливо гонимым евреям и не-евреям, осужденная за те же действия, что и Слепак, вообще не пожелала участвовать в таком фарсе, как советский кассационный суд. (Сейчас она, страдающая тяжелой язвенной болезнью желудка, находится на этапе, на пути в ссылку.)

Решения кассационных судов — еще одно подтверждение того, что вопиющие противозаконные и противоправные приговоры Юрию Орлову, Владимиру Слепаку, Иде Нудель определены высшими советскими инстанциями.

20 июля 1978 г.

Московская группа содействия выполнению
Хельсинкских соглашений в СССР:

*Е. Боннэр, С. Каллистратова,
М. Ланда, Н. Мейман, В. Неки-
пелов, Т. Осипова, С. Поликанов*

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Более десяти лет тому назад многие советские граждане с изумлением и надеждой узнали о Чехословацкой весне.

Куцые сообщения советских газет не позволяли поначалу понять происходящее. Можно было только догадываться, что события в этой маленькой стране с высокой культурой — не по нутру советскому руководству. Позже стало ясно, что в Чехословакии действительно началась перестройка человеческих отношений на новой, либеральной основе. Бесспорно было одно: жить так, как жили раньше, граждане этой страны больше не желают, идут активные и не стесняемые властями поиски новых форм самоорганизации общества. Происходит духовное возрождение нации, 20 лет подвергавшейся советизации.

Появилась надежда, что либерализация Чехословакии вызовет к жизни аналогичные процессы и в других странах советского блока, либерализацию и в нашей стране.

Вторгшиеся в Чехословакию 21 августа 1968 года советские войска, советские танки подавили и возрождающуюся свободу этой страны, и нашу свободу под аккомпанемент громких заявлений о "братской помощи", "интернациональном долге" и т.п.

Семь человек в нашей стране отважились открыто, выйдя на Красную площадь, заявить свой протест: Руки прочь от Чехословакии! Ваша свобода — наша свобода! На горсточку демонстрантов бросили мощь госбезопасности и милиции. Красная площадь была моментально очищена от не соответствующих советскому строю лозунгов и людей. Потом были суровые суды: годы ссылки, лагеря, психиатрические больницы специального типа.

... Москва силой оружия отменила либерализацию ЧССР. Казалось, что все и все безнадежно зажато, подавлено. Но сопротивление не прекращалось. "Хартия-77" показывает, что народ Чехословакии не сломлен, не утратил воли к сопротивлению, воли отстаивать свои права и свободы. Один из тысячи поставил свою подпись под Хартией. Это огромный процент в условиях режима, карающего малейший идеологический неконформизм.

Мы желаем правозащитному движению в Чехословакии выдержать испытания и приобрести еще большую поддержку внутри страны и за ее пределами.

Либеральное движение в Чехословакии и в Советском Союзе имеет много общего. Оно не является политическим в узком смысле этого слова. Оно не оформлено организационно, не имеет программы. Оно не отражает интересов какого-либо определенного слоя общества и, по существу, выражает интересы каждого, кто осознает необходимость основных прав и свобод для достойной жизни человека и нации.

Репрессивный характер советского режима не изменился после подписания Хельсинкских соглашений. Правозащитное движение, нашедшее опору в гуманитарной части этих Соглашений, — подавляется, искореняется особенно жестоко и вызываясь демонстративно. Упорное стремление скрыть правду и дискредитировать это движение, не брезгуя самыми грязными методами, отражает моральный уровень защитников советского "порядка" и их страх перед распространением либеральных умонастроений.

За вашу и нашу свободу!

Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений:

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Мальва Ланда, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Сергей Поликанов.

Присоединяемся:

Вячеслав Бахмин, Юрий Ярым-Агаев, Леонард Терновский, Татьяна Великанова, Ирина Жолковская, Наталия Бузырева-Федорова, Александра Поликанова, Юрий Гастев, Александр Лавут, Решат Джемилев, Мустафа Джемилев, Раиса Лерт, Петр Егидес, Юрий Гримм, Татьяна Лавут, Юлия Закс, Ольга Иофе, Ирина Орлова, Валерий Прохоров, Августа Романова, Вера Сереброва, Сергей Ходорович, Надежда Шатуновская, Вадим Шеглов, о. Глеб Якунин, Виктор Капитанчук, Людмила Агапова, Борис Альтшуллер, Александр Иванченко, Михаил Кукобака, Дмитрий Михеев, Григорий Токаюк, Нина Строкатова.

16 августа 1978 г.

**ПРОЦЕСС
ЧЛЕНА УКРАИНСКОЙ ГРУППЫ "ХЕЛЬСИНКИ"
ЛЕВКО ЛУКЬЯНЕНКО**

Процесс Левко Лукьяненко принципиально аналогичен процессам Ю. Орлова, А. Гинзбурга, В. Пяткуса, А. Щаранского, суды над которыми окончились за несколько дней до начала суда над Л. Лукьяненко (они охарактеризованы в документе № 56 Московской группы "Хельсинки" от 15 июля с.г.), а также процессам ранее осужденных членов Украинской группы "Хельсинки" М. Руденко, О. Тихого, М. Матусевича, М. Мариновича, П. Винса, процессу осужденного в апреле с.г. участника правозащитного движения литовца Балиса Гаяускаса и других правозащитников.

Суд над Левко Лукьяненко, обвиненным в "антисоветской агитации и пропаганде", проходил с 18 по 22 июля в г. Городня (Украина). Ему инкриминируются написанные им статьи и открытые письма, а также документы Украинской группы "Хельсинки", декларативно определяемые как "клеветнические антисоветские" и "клеветнические буржуазно-националистические"; при этом указывается, что Лукьяненко высылал их в газеты и журналы (имеются в виду официально издающиеся в СССР!), а также — "в разные адреса" "своим единомышленникам" (т.е. друзьям и знакомым, с которыми переписывался Лукьяненко); в обвинении говорится, что эти материалы — "попали на Запад" и там "используются нашими врагами" в целях "империалистической пропаганды", "для распространения клеветы" о том, что в СССР "нет свободы слова и печати", "ущемляются права граждан", "нет равенства прав верующих и неверующих", "не выполняются Хельсинкские соглашения"; говорится также, что инкриминируемые материалы "порочат государственный и общественный строй СССР", КПСС, органы советской власти, советское правосудие и используются "в провокационных целях против СССР", "для подрыва престижа Советского государства", "для подрыва национального единства" и т.д. и т.п. Лукьяненко вменяется в вину и то, что он — "стал членом так называемой Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений".

(Следует отметить, что в обвинениях Ю. Орлова, А. Гинзбурга, А. Щаранского, суды над которыми проходили в Москве или сравнительно недалеко от Москвы, Группа "Хельсинки" вообще не называется; до-

кументы Группы инкриминируются, не будучи названы таковыми; суд делает вид, что Группы вообще не существует.)

Вот примерный перечень инкриминируемых Л. Лукьяненко материалов.

Документы Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений: Декларация Группы, восемь меморандумов Группы, "Манифест правозащитного движения", "Обращение к Белградскому совещанию".

Тексты, автором которых является Л. Лукьяненко: "Год свободы", "Открытое письмо профессору Киевского университета Рубану" (было направлено в "Литературную газету"), "Проблемы инакомыслия", заявление в Президиум Верховного Совета СССР — с просьбой разрешить уехать из СССР, письмо Совету Министров СССР, "Открытое письмо Экзарху Филарету", "Письмо завязатым атеистам", статья "Остановить неправый суд" ("Зупиніть кривосуддя").

Л. Лукьяненко инкриминируются также устные высказывания в частных разговорах, определяемые судом как клеветнические антисоветские. Для дачи показаний о высказываниях Лукьяненко и о его "поведении" в суд были вызваны его бывшие сослуживцы, 5 или 6 человек. (Л. Лукьяненко, юрист по образованию, работавший до первого ареста в 1961 году по специальности, после освобождения в 1976 г. вынужден был работать электриком при больнице с почти минимальным окладом — около 60 руб. в месяц.) Эти сослуживцы-свидетели показали на суде, что Лукьяненко отказался подписать Стокгольмское воззвание; некоторые свидетели путали и называли воззвание "Хельсинкским". (Сбор подписей под Стокгольмским воззванием проводился по указанию руководящих органов СССР.) Они показали также, что Лукьяненко не принимал участия "в общественной жизни" (в том, что эти свидетели и те, кто их допрашивает, понимают под общественной жизнью), не ходил на демонстрации.

Прокурор в обвинительной речи также коснулся "демонстраций": по его словам, Лукьяненко "клеветал", будто на праздничные демонстрации людей заставляют идти в обязательном порядке.

... Допрошенная в качестве свидетеля жена Левко Лукьяненко сказала, обращаясь к судье и прокурору, что Хельсинкский акт — это провокация для таких наивных людей в СССР, как ее муж.

Прокурор читал обвинительную речь около часа. Его речь была похожа на политическую лекцию. Он потребовал приговорить Л. Лукьяненко к максимальному по данной статье наказанию: 10 лет лишения свободы в лагере особого режима и 5 лет ссылки (ст. 62 ч. 2 УК УССР = ст. 70 ч. 2 УК РСФСР).

* * *

На процессе Левко Лукьяненко, как и на процессах других правозащитников, были многочисленные нарушения законности. В частности,

была нарушена гласность судопроизводства; были проведены противозаконные мероприятия для затруднения и предотвращения прибытия желающих к месту суда.

Так, дата начала и место суда не были сообщены. Некий свидетель из Львова, получивший почти накануне суда повестку явиться в суд 19-го (оказалось, что это не первый, а второй день суда), позвонил об этом в Москву одному известному правозащитнику, а тот, в свою очередь, сообщил западным корреспондентам. Родственники Лукьяненко узнали о том, что начинается суд, из сообщений зарубежного радио; они смогли добраться до места суда с опозданием на несколько часов.

Городок Городня, в котором проходил суд, находится в 50 км от Чернигова и в 200 км от Киева. Л. Лукьяненко жил до ареста в Чернигове (без права выезда оттуда). Большая часть вызванных в суд свидетелей — из Чернигова и из Киева.

Автобусы, ехавшие в дни суда в Городню, милиция останавливала, далеко не доезжая до этого городка, пассажиров высаживали, и тем, кто ехал к суду (или подозревался в этом), не имея на то "оправдательных" документов, — ехать дальше не разрешали.

Вернули с полпути ехавшую из Киева 70-летнюю Оксану Мешко, члена-основателя Украинской группы "Хельсинки".

Возле здания суда дежурило множество сотрудников госбезопасности.

В зал суда впустили только жену и родителей Лукьяненко. Остальная публика являлась специально ангажированной.

Левко Лукьяненко в самом начале заявил, что считает этот суд незаконным. Он также заявил протест против того, что суд проводится в Городне, и против того, что его друзья и товарищи по Группе "Хельсинки" не имеют возможности присутствовать на суде.

Он заявил, что не желает присутствовать на таком суде, и настаивал, чтобы его увели из зала суда. Его оставили. Он объявил голодовку.

Инкриминируемые Л. Лукьяненко материалы в суде не зачитывались. Не было ни анализа текста, ни доказательства наличия клеветы.

Настойчивые просьбы Л. Лукьяненко — зачитать тот или иной документ — не были удовлетворены. В частности, он неоднократно просил, чтобы ему дали возможность зачитать свою статью "Остановить неправый суд", по факту распространения которой допрашивались многие свидетели.

Л. Лукьяненко не имел адвоката. Защитительную речь он произносил сам в течение 3-4 часов. Судья то и дело прерывал его, запрещал зачитывать какие бы то ни было тексты, мотивируя это тем, что суду они и так известны.

Суд признал Левко Лукьяненко особо опасным государственным преступником — рецидивистом и приговорил к 10 годам лишения сво-

боды в исправительно-трудовой колонии (лагере) особого режима и 5 годам ссылки.

* * *

Левко Лукьяненко 50 лет. Пятнадцать лет, с 1961 г. по 1976 г., он провел в заключении; не менее половины этого срока — во Владимирской тюрьме и во внутрिलाгерных тюрьмах ...; в 1961 году он, осужденный к высшей мере, три месяца находился в камере смертников. Его здоровье сильно подорвано; он страдает язвенной болезнью желудка, холециститом и другими болезнями.

Новый приговор — условия, в которых ему предстоит отбывать срок лишения свободы, — может оказаться для него смертельным.

15 лет жена Л. Лукьяненко ждала своего мужа. Менее 2-х лет им довелось быть вместе, пользуясь весьма урезанной свободой, под постоянным гласным надзором милиции и негласным надзором госбезопасности. В течение предстоящего 10-летнего срока мучений и лишений Л. Лукьяненко и его жена смогут иметь личное свидание не более одного раза в год — если и это единственное свидание не будет отнято в качестве дополнительного наказания.

Подвергавшийся после освобождения в 1976 г. постоянным преследованиям, лишенный возможности нормально жить, общаться с людьми, передвигаться, лишенный возможности заниматься тем, к чему он считает себя призванным, Левко Лукьяненко, всей душой преданный своей родине Украине, — ходатайствовал о разрешении уехать, покинуть родину. Власти не дали ему разрешения на эмиграцию, как не дают его многим другим украинцам, бывшим политзаключенным, узникам со-
вести.

Левко Лукьяненко хорошо знают его бывшие соузники. О нем отзываются с восхищением, как о человеке, который достойно прошел через тягчайшие испытания. У него сохранился высокий интеллект, живой пылкий ум, чувство юмора, чувство справедливости, доброта, отзывчивость и расположение к людям.

У тех, кому довелось знать Левко Лукьяненко, он пользуется большим моральным авторитетом.

В 1961 году "особо опасное государственное преступление" Л. Лукьяненко и нескольких его друзей состояло в том, что они, основываясь на Конституции, хотели добиваться — мирными законными способами — самоопределения Украины. За это их обвинили и в "измене родине", и в "антисоветской агитации и пропаганде".

Сейчас "особо опасное государственное преступление", "рецидив" Левко Лукьяненко заключается в том, что он — основываясь на подписанных правительством СССР международных соглашениях и пактах — написал или подписал литературные произведения, документы, содержащие не конформные правящей идеологии мнения и информацию.

Блжостители социалистического порядка квалифицируют эти произ-

ведения как "клеветнические", "клеветнические антисоветские" именно потому, что они идеологически не конформны, потому, что в них сообщается о фактах и явлениях, о которых, по неписанным советским канонам, — положено молчать. Под "антисоветской клеветой" на советском языке подразумевается именно правда о советской действительности, об укорененных в режиме пренебрежении к человеческой личности, бесчеловечности и жестокости.

* * *

Процесс Левко Лукьяненко, характер предъявленного ему обвинения, назначенное ему суровое наказание и те нечеловеческие жестокие условия, в которых ему предстоит отбывать это наказание, — все это находится в вопиющем противоречии с международными правовыми нормами, а также с гуманитарной частью Хельсинкских соглашений.

Мы требуем предать гласности все материалы состоявшегося в июле с.г. суда над Л. Лукьяненко — обвинительное заключение, приговор, протоколы судебных заседаний; эти материалы должны быть доступны каждому, кого они интересуют. Того же мы требуем в отношении материалов судов над другими правозащитниками. Мы требуем также предать гласности материалы суда над Л. Лукьяненко в 1961 году.

Мы требуем пересмотра процесса Л. Лукьяненко и процессов других правозащитников — в условиях полной гласности и на основе международно признанных прав человека.

Мы убеждены в полной незаконности осуждения Левко Лукьяненко и требуем его освобождения.

Мы надеемся на поддержку наших требований международной общественностью; надеемся на поддержку независимых юристов, "Международной Амнистии", писателей, ученых, спортсменов, независимых профсоюзов, всех людей доброй воли.

Члены Московской группы "Хельсинки":

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Сергей Поликанов

20 августа 1978 г.

О НАРУШЕНИИ ПРАВА ЗАКЛЮЧЕННЫХ НА ТВОРЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В тюрьмах и лагерях Советского Союза находится в настоящее время немало ученых и творческих работников. Среди них физик Юрий Орлов, биолог Сергей Ковалев, философ Евгений Пронюк, поэт Микола Руденко и другие.

Не говоря здесь о противоправности лишения свободы этих людей, репрессированных за открытое высказывание своих убеждений, неотделимое от свободы научного и художественного творчества, и за различные аспекты правозащитной деятельности, мы обращаем внимание на недопустимость условий, в которых они находятся.

Недостаточное и неполноценное питание, обеспечивающее лишь биологическую выживаемость (см. документ № 3), ведет к ослаблению памяти и снижению творческой потенции. Способствует этому и тяжелый принудительный труд.

Все записи, рисунки, художественные поделки заключенных подвергаются досмотрам, часто в отсутствие владельца, почти всегда они безвозвратно отбираются. Заключенным запрещено иметь принадлежности для рисования — краски, кисти, даже цветные карандаши. Возмущение у мировой общественности вызвало изъятие в 1976 году у талантливой украинской художницы Стефании Шабатуры (Мордовский лагерь ЖХ-385/3-4) свыше 150 рисунков. Тем не менее факты творческой дискриминации продолжаются. В феврале-марте 1978 г. у художника Юлия Рыбакова были отобраны и сожжены на его глазах рисунки (в основном это были портреты родных). У известного украинского писателя Миколы Руденко в мае изъяты написанные им стихи. Это заставило тяжело больного человека пойти на отчаянный при его состоянии здоровья шаг — объявить голодовку протеста. С января по март 1977 г. в Ленинградской тюрьме "Кресты" четырежды изымалась рукопись книги стихов Юлии Вознесенской (как у нее, так и у тех, кто пытался передать книгу на волю). У Паруйра Айрикяна регулярно изымаются рукописи его песен, стихов, прозы. Неоднократно изымались записи и стихи у филолога, поэта, переводчика Василя Стуса. В последний год заключения (1977-й) у него изъято около 300 собственных стихотворений и переводов из Гете, Бодлера, Рильке.

Тотальные изъятия личных записей и творческих работ производятся перед этапами. Администрация Лефортова перед отправкой в Пермь изъяла у Ю.Ф. Орлова научные статьи, которые он написал в тюрьме. В 19 Мордовском лагере перед этапированием был тщательно обыскан В. Лисовой (акцией руководил работник КГБ Чепкасов), у него отобрали многолетний труд — макет "Философского словаря" на украин-

ском языке. Лисовой — кандидат философских наук, работал до ареста в Институте философии АН УССР. У В. Абанькина перед этапированием из Владимирской тюрьмы изъяты 5 тетрадей с сочиненными им научно-фантастическими рассказами. Администрацией тюрьмы рассказы охарактеризованы как "тенденциозные" и "антисоветские".

Особенно тяжелым является положение научных работников. Если поэт или писатель все-таки может творить (хотя бы мысленно), у него лишь отнимаются плоды его труда, то для ученого пресекается сама возможность творческой деятельности.

Администрация политических лагерей Перми и Мордовии пресекает подобные контакты между заключенными даже одного лагеря, одного отряда, организацию внутрилагерных научных и творческих семинаров и дискуссий.

Жесткий режим переписки (2 письма в месяц для лагеря строгого режима, одно — для особого, одно письмо в 2 месяца — для строгого режима во Владимирской тюрьме) лишает заключенных возможности обмена научной информацией даже через близких родственников. Да такие письма могут быть попросту изъяты. По этой же причине практически невозможна переписка с научно-исследовательскими учреждениями, редакциями, коллегами по науке и культуре даже в пределах СССР. Ученый не может опубликовать своих трудов ни в одном отечественном издании и уж тем более за рубежом.

Лагерные и тюремные библиотеки убоги, заключенные не могут пользоваться межбиблиотечным абонементом. Мы не знаем, в какой еще стране заключенным нельзя посылать книги и журналы, это ограничение — одно из самых нелепых и жестоких. Советские узники могут приобретать литературу лишь через магазины "Книга — почтой", которые, как правило, нужных изданий не имеют и заказов не выполняют.

В лагере в личных вещах разрешается хранить не более 5 книг, остальное сдается на склад. Очень трудно подписаться на научные и литературные журналы, особенно на национальных языках. Так, во Владимирской тюрьме отказывают в выписке украинской периодики (даже таких изданий, как "Перець" и "Друг читача"). Совершенно невозможно подписаться на зарубежные научные журналы по специальности. Посылаемые из-за границы книги, как правило, не доходят. Нам известен лишь один случай "либерализма". В мае 1977 г. администрация 36 Пермского лагеря дала на несколько минут в руки С. Ковалеву присланную на его имя из ФРГ книгу (материалы научного симпозиума). На вопрос Ковалева, получит ли он эту книгу, начальник лагеря Журавков ответил, что это не полагается, да и неизвестно, что в этой книге. Позднее Ковалеву объявили, что книга послана на перевод, дабы решить вопрос о возможности ее выдачи. В марте 1978 г. книга еще не была выдана владельцу.

Подобные жесткие и ничем не оправданные ограничения приводят к тому, что ученый, лишенный возможности получать научную информацию, не говоря уже о собственном творчестве, за долгие годы заклю-

чения безнадежно отстает от современного уровня науки и в итоге профессионально дисквалифицируется.

Таким образом, условия заключения в лагерях и тюрьмах Советского Союза причиняют дополнительные моральные страдания работникам науки и искусства и ведут к существенному обеднению как отечественной, так и мировой науки и культуры. Они нарушают статью 15 Пакта об экономических, социальных и культурных правах: "Участвующие в настоящем пакте государства признают право каждого человека на: а) участие в культурной жизни; б) пользование результатами научного прогресса и их практического применения; с) пользование защитой моральных и материальных интересов, возникающих в связи с любыми научными, литературными и художественными трудами, автором которых он является, ... и т.д."

Обращаем внимание на то, что изложенные в этой статье права ничем не могут быть ограничены.

5 сентября 1978 г.

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор
Некипелов, Татьяна Осипова, Сергей
Поликанов*

Приложение

Список ученых и творческих работников — политзаключенных

Последовательно указаны статья УК и срок заключения

1. Руденко Николай Данилович, писатель — ст.70; 7 стр. 5 ссылки.
2. Волков Олег Николаевич, художник — "дело о лозунгах", 7 стр.
3. Шабатура Стефания Михайловна, художница — 70; 5 стр. 3 ссылки.
4. Рубан Петр Васильевич, резчик по дереву — угол.ст.; 6 стр. 3 ссылки.
5. Окулова (Вознесенская) Юлия Николаевна, поэтесса — 190-1, 2 общ.
6. Рыбаков Юлий Андреевич, художник — "дело о лозунгах", 6 усил.
7. Калинец Игорь Миронович, поэт — 70; 6 стр. 3 ссылки.
8. Стасив-Калинец Ирина Онуфриевна, поэтесса — 70; 6 стр. 3 ссылки.
9. Осадчий Михаил Григорьевич, писатель — 70 ч.2; 7 особ. 3 ссылки.
10. Караванский Святослав Иосифович, поэт, филолог — 64, 70; 30 особ.
11. Сверстюк Евгений Александрович, филолог, литературный критик — 70; 7 стр. 5 ссылки.
12. Светличный Иван Алексеевич, литературовед — 70; 7 стр. 5 ссылки.
13. Суперфин Габриэль Гаврилович, литературовед — 70; 5 стр. 2 ссылки.
14. Марченко Валерий Вениаминович, журналист, переводчик — 70; 6 стр. 2 ссылки.

15. Барладянн Василий Владимирович, искусствовед – 190-1; 3 общ.
16. Мороз Валентин Яковлевич, историк – 70 ч.2; 9 особ. 5 ссылки.
17. Казачков Михаил Петрович, физик – 64, 88; 15 стр.
18. Пэнсон Борис Соломонович, художник – 64; 10 стр.
19. Осипов Владимир Николаевич, журналист – 70 ч.2; 8 стр.
20. Болонкин Александр Александрович, киберн., доктор техн. наук – 70, угол.; 3 стр.
21. Гольдштейн Григорий Абрамович, метеоролог, канд. техн. наук – 209; 1 общ.
22. Ковалев Сергей Адамович, биолог, канд. биол. наук – 70; 7 стр. 3 ссылки.
23. Пронюк Евгений Васильевич, философ, канд. философ. наук – 70; 7 стр. 5 ссылки.
24. Орлов Юрий Федорович, физик, проф., чл.-кор. АН Арм.ССР – 70; 7 стр. 5 ссылки.
25. Лисовой Василий Семенович, философ, канд. философ. наук – 70; 7 стр. 5 ссылки.
26. Костава Мераб, музыковед – 70; 3 стр. 3 ссылки.

БЕСЧЕЛОВЕЧНЫЕ УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

ПОД УГРОЗОЙ ЖИЗНЬ КИРИЛЛА ПОДРАБИНЕКА И ПЕТРА ВИНСА

Условия содержания политзаключенных были охарактеризованы в документах Группы № 3 и № 17, изданных в июне 1976 и январе 1977. Они освещались также в ряде других правозащитных документов, в частности, в обращениях Инициативной группы защиты прав человека в СССР в период 1969-1976 гг., в издающейся с 1968 г. "Хронике текущих событий" с девизом "Движение в защиту прав человека в СССР продолжается" и др. Эти условия были и посейчас остаются бесчеловечными и жестокими. Новые инструкции и приказы направлены на еще большее ужесточение; в частности, это относится к положению о наказаниях заключенных (см. Приложение 3). Все более жестокой становится и практика обращения с теми, кто репрессирован по политическим мотивам, каковы бы ни были формально предъявленные им обвинения.

В настоящем документе мы обращаем внимание на особо жестокие, разрушающие здоровье и угрожающие самой жизни "меры воздействия", применяемые к Кириллу Подрабинеку и Петру Винсу.

В приложениях приводятся также эпизоды избияния политзаключенных офицерами в лагере особого режима; указываются некоторые специфические особенности этого лагеря — каторжной тюрьмы для "особо опасных государственных преступников", "рецидивистов", где отбывают наказание около 15 узников совести, в том числе осужденные в 1977-78 гг. Олекса Тихий (член-основатель Украинской группы "Хельсинки") и Балис Гаяускас; 1 сентября сюда привезли Александра Гинзбурга и должны привезти члена-основателя Украинской группы "Хельсинки" Левко Лукьяненко.

Мы сообщаем также о чрезвычайно тяжелых условиях и бесчеловечном обращении с заключенными во время этапирования. В приложениях дается описание отдельных эпизодов этапов В. Слепака, Ю. Орлова, Б. Ребрика и других.

Мы напоминаем, что продолжается блокирование официально разрешенной переписки многих узников совести. Такому блокированию подвергается, в частности, переписка Сергея Ковалева (см. Приложение 4).

Кирилл Подрабинек

Арестованный в канун 1978 г. и осужденный — по надуманному и сфальсифицированному обвинению в хранении оружия — к 2,5 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии (лагере) общего режима 25-летний К. Подрабинек в апреле с.г. был этапирован из тюрьмы (г. Электросталь Московской области) к месту отбывания наказания; с 12 мая находится в уголовном лагере в г. Тобольске — ИТК-16 или "учреждение 34/16"Д" — в 2000 км от Москвы. (Обычно осужденных по аналогичным обвинениям направляют в "учреждения", расположенные значительно ближе к их прежнему месту жительства.)

Напоминаем, что Кирилл Подрабинек был репрессирован как *з а л о ж н и к* — с целью шантажа его 24-летнего брата Александра Подрабиника, который активно участвовал в деятельности неофициальной Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях и составил изданную на Западе книгу "Карательная медицина"; материалы Комиссии и книги разоблачают злоупотребления психиатрией в СССР. Власти "предлагали" Ал. Подрабинеку эмигрировать вместе с родственниками; в случае отказа Александра — *угрожали арестом его брата Кирилла* ... Кирилл Подрабинек является автором циркулирующего в самиздате (и недавно опубликованного за рубежом) очерка "Несчастные" — об условиях прохождения военной службы в Советской армии, написанного на основании личного опыта. Однако на суде Кириллу ни этот очерк, ни другие его произведения не инкриминировались.

О чрезвычайно жестоком, угрожающем его жизни обращении, которому подвергается К. Подрабинек в лагере — почти непрерывное содержание в ШИЗО (карцере), и о переводе его из лагеря в тюрьму (!) пишет в своем заявлении в Московскую группу "Хельсинки" отец Кирилла Пинхос Подрабинек:

... 26 августа с.г. я приехал к нему на свидание. Начальник ИТК-16 майор Хвостов, разрешил мне лишь 5-минутную встречу с Кириллом, т.к. он в это время отбывал наказание в ШИЗО. Из беседы с Хвостовым, а затем с сыном в присутствии Хвостова я узнал следующее:

Кирилл прибыл в ИТК-16 12 мая. Вскоре он отказался по состоянию здоровья (заболевание сердца) от предложенной ему непосильной работы. За это был помещен в ШИЗО на 15 суток. Объявил голодовку; через 12 дней было начато принудительное кормление через зонд (всего Кирилл держал голодовку более 3-х недель). За голодовку был наказан еще 15 сутками ШИЗО.

Выпущенный в зону, пошел на предоставленную ему усиленную работу. В отсутствие уехавшего в отпуск Хвостова замещающий его начальник по режиму Глухих вновь посадил Кирилла в ШИЗО. Основание — поступающие на него анонимные заявления (очевидно, о высказываемых им взглядах).

23 июля по представлению администрации ИТК-16 сына судил Тобольский горнарсуд. Судья Коновалов, прокурор Солгиреев, один из заседателей — Исаков. Показаниями служили анонимные письма, зачитанные капитаном Новоселовым. В защите Кириллу было отказано. По определению суда за то, что он "злостно нарушает установленный в колонии режим, отрицательно воздействует на других осужденных," приговорен к переводу на тюремный режим общего типа на весь оставшийся срок заключения.

К моменту моего свидания с Кириллом он находился в ШИЗО уже 50-е сутки, а в общей сложности — три месяца, из менее чем четырех месяцев пребывания в ИТК-16. Ему предстоит отбывать там до перевода в тюрьму, который неизвестно когда состоится.

Кирилл землисто-бледный, истощен, крайне слаб. Его медленно убивают голодом и удушьем. Призываю вас приложить возможные усилия, чтобы вырвать его из тяжелого положения.

4.09.78 г.

П. Подрабинек

Напоминаем, что ШИЗО — штрафной изолятор в лагере (точнее, во внутрелагерной тюрьме) аналогичен карцеру в стационарной тюрьме. Подробное описание карцера и ШИЗО приведено в документе Группы № 3. Здесь заключенного подвергают пытке голодом и другим физическим мучениям, к каковым относятся холод и невозможность мало-мальски нормального сна, вынужденное нахождение на ногах большую часть суток и др. (заключенного помещают в карцер в легкой хлопчатобумажной одежде, лишают всех постельных принадлежностей, включая матрац и одеяло; для сна ему предоставляются только голые нары — доски, окованные железом, пользоваться которыми можно только ночью, не более 8 часов в сутки; в карцере обычно холодно и сыро; уснуть в таких условиях почти невозможно). Заключенный лишен также свежего воздуха и света; на прогулку из ШИЗО или карцера не выводят. В карцере запрещено курить. Не положено ни читать, ни писать (перед водворением в карцер переодевают, обыскивают с заглядыванием во все щели тела, изымают все запрещенные предметы, в том числе письменные принадлежности, включая огрызок карандаша, и т.п.).

Первое с момента ареста письмо от Кирилла Подрабиника было получено в июне. Из этого письма удалось узнать о его местонахождении

(адрес), а также о том, что он уже наказан лишением очередного личного свидания с родственниками; иносказательно сообщалось и о другом наказании: "писать буду редко" — значило, что он подвергнут наказанию, включающему запрет писать (и отправлять) письма. Большие, вплоть до настоящего времени, от Кирилла писем не приходило.

Начальник лагеря майор Хвостов разъяснил отцу К. Подрабинека, что Кирилла наказывали и наказывают — "за отказ работать и призыв к тому же других заключенных". Кирилл во время их длившейся несколько минут встречи сообщил отцу, что он отказывался только от непосильной для него работы, а не от работы вообще. (При невыполнении нормы на непосильной работе Кирилла все равно подвергали бы тем же наказаниям.)

К. Подрабинека страдает инфекционным миокардитом; есть подозрения на миокардит ревматический. С этим заболеванием он в 1976-77 гг. в течение 3-4 месяцев находился на стационарном лечении в больнице г. Электросталь Московской области. В начале 1978 г., когда он уже находился в тюрьме под следствием и держал голодовку (протест против ареста его как заложника), его направили в городскую больницу (г. Электросталь) с диагнозом: прединфарктное состояние. Здесь снова был подтвержден диагноз — миокардит. Соответствующие документы родственники передали в суд.

"Боже, до чего изменился, как худ, бледен, слаб. Арестантские шмотки висят на нем мешком. Череп из каких-то бугров. Нос длиннющий. Бросаюсь к нему, мы обнимаемся, я тычусь губами в его щеки, шею, под руками его бледное изможденное тело, огромные ребра" ... — рассказывает отец Кирилла Подрабинека.

Петр Винс

Арестованный в феврале с.г. и осужденный — по надуманному и сфальсифицированному обвинению в "паразитическом образе жизни" или "тунеядстве" — к одному году лишения свободы в лагере общего режима член Украинской группы "Хельсинки" 22-летний Петр Винс с 13 мая находится в лагере возле ст. Рафаловка Ровенской области, "учреждение ОР-318/76".

В течение первого месяца пребывания в этом лагере П.Винс трижды был избит сотрудниками лагеря — офицерами МВД.

Первый раз при выдаче ему лагерной одежды ("формы") П. Винса избил ногами, повалив на землю, прапорщик Фурлет. 2-й раз, 10 июня, старший лейтенант жестоко избил Петра за то, что тот отказался вскапывать так называемый предзонаник — запретную зону, входящую

в систему ограждения лагеря. Избитого водворили в ШИЗО, где держали с 10 по 18 июня. Он держал голодовку протеста.

В ШИЗО Петр Винс был избит надзирателями.

Протестуя против издевательств над П. Винсом и в знак солидарности с ним держал голодовку также находящийся в этом лагере Василий Барладяну, арестованный в начале 1977 года (г. Одесса) и осужденный — по надуманному обвинению в распространении "заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй" — к 2,5 годам лишения свободы в лагере общего режима. Администрация лагеря препятствует общению П.Винса и В. Барладяну, настраивает против Барладяну других заключенных, наказывает его.

Во второй половине июня, узнав (окольными путями) об избиениях Петра Винса, его родственники направили телеграммы-заявления в целый ряд официальных советских инстанций (Прокуратура СССР, МВД и т.д.).

В первое время пребывания в лагере П.Винс должен был работать в карьере каменоломни, с очень большой, непосильной нормой выработки; работать здесь приходится в воде (вода из карьера почти не откачивается), нет условий для сушки одежды. Затем П. Винса по состоянию здоровья перевели на другую работу (в мастерские).

У П. Винса еще в детстве была вырезана часть кишечника (перенес несколько операций Гиршпрунга); он страдает частыми и тяжелыми желудочно-кишечными заболеваниями. По состоянию здоровья был освобожден от службы в армии. (Однако следствие и суд отказались рассматривать и даже приобщить к делу документы о здоровье П.Винса. Если бы эти документы были приняты во внимание, одно это освободило бы его — официально — от обвинения в "тунеядстве".) Зимой 1977-78 г., во время 30-суточного заключения в условиях, близких к карцерным, у 22-летнего П.Винса появились боли и спазмы в сердце. (Он был арестован тогда на 15 суток по сфальсифицированному обвинению в хулиганстве. Держал голодовку протеста, за что арест был продлен еще на 15 суток.) В июне с.г. во время пребывания П. Винса в ШИЗО состояние сердца значительно ухудшилось.

Родные П. Винса, которые в конце июня имели с ним кратковременное свидание, говорят, что он сильно по с е д е л .

* * *

Арест и осуждение Петра Винса и Кирилла Подрабинека — в ряду огромного числа нарушений прав человека и Хельсинкских соглашений в СССР.

Жестокое обращение с ними в "исправительно-трудовых учреждениях" разрушает здоровье и угрожает самой жизни этих достойных молодых людей.

Мы призываем международные правозащитные организации, "Международную Амнистию," международные религиозные организации, независимых юристов, всех людей доброй воли — не прекращать усилия в защиту Кирилла Подрабинека и Петра Винса. Срок заключения Винса должен окончиться в феврале 1979 г. Подрабинеку предстоит еще почти два года тюрьмы. Состояние здоровья и бесчеловечные условия, в которых они отбывают наказание, заставляют опасаться, что они не выдержат назначенные им сроки.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда,
В. Некипелов, Н. Мейман, Т. Осипова*

9 сентября 1978 г.

Приложения (составила М. Ланда) *

1. Этапы Вл. Слепака, Игоря и Ирины Калининцев, Вячеслава Черновола, Иды Нудель, Габриэля Суперфина, Григория Гольдштейна, Юрия Орлова.

Избиения офицерами и конвоирами в этапе и в лагере (особого режима) Богдана Ребрика и др.

Заявление группы политзаключенных лагеря особого режима.

2. Особый режим.

3. Ужесточение режима.

4. Блокирование переписки политзаключенных. Сергей Ковалев.

* Приложения здесь не приводятся — Ред.

ПРОПАГАНДИСТСКАЯ КАМПАНИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ ПРАВООЗАЩИТНОГО ДВИЖЕНИЯ В СССР

Власти ведут усиленную и все более расширяющуюся кампанию дискредитации правозащитного движения в нашей стране, используя в этих целях ложь и клевету.

Формально открытые суды над правозащитниками — Руденко, Тихим, Гаяускасом, Винсом, Орловым, Гинзбургом, Шаранским, Пяткусом, Слепаком, Лукьяненко, Подрабинекон и другими — проводились закрыто, и ни об одном из них не появилось отчетов в официальной прессе. Но в то же время официальная пропаганда — ТАСС, пресса, радио, телевидение, партийные пропагандисты, офицеры КГБ и даже судьи — распространяют ложные измышления о правозащитниках и правозащитном движении в целом. Искажаются — в сторону усугубления и добавления обвинений и еще большего опорочивания осужденных — даже приговоры отнюдь не объективных судов.

Эта кампания особенно интенсифицировалась с середины нынешнего года. По имеющимся у нас, по-видимому — далеко неполным, данным в ней участвовали: "Правда", "Известия", "Литературная газета", "Комсомольская правда", "Неделя", журналы "Огонек" и "Новый мир", "Знамя" (газета Калужской области), "Литературная Украина" (и еще не менее 7 газет, издающихся в Киевской области), "Ленинская молодежь" (газета Львовской области), "Ленинский прапор" (Пустомытский район Львовской обл.), "Ленинское знамя" (Тенькинский район Магаданской обл.), горьковская газета, литовские газеты: "Голос Родины" и "Вести с Украины" (издающиеся в СССР газеты для эмигрантов, не поступающие в широкую продажу в нашей стране).

Повторяя вымыслы официозов и ложь, распространяемую следственными органами, добавляя новую клевету, брань и угрозы террористическими актами, один за другим следуют анонимные "меморандумы", идет поток анонимных писем, преимущественно порнографического содержания, и телефонных звонков.

В конце сентября в эту кампанию своими открытыми письмами включился известный в СССР и на Западе историк и "диссидент" Рой Медведев.

В наших руках имеются десятки писем и заявлений, индивидуальных и коллективных, разоблачающих и опровергающих эту клевету. Советская пресса такие документы не публикует. Нам известно также о десятках заявлений, направленных в прокуратуру и в суды, в частности от политзаключенных, с просьбами дать им возможность выступить

на суде в качестве свидетелей — с опровержением обвинений, которые, очевидно, будут выдвинуты против правозащитников, с показаниями об их человеческих достоинствах (такое заявление было направлено, в числе многих других, известным правозащитником, узником совести Сергеем Ковалевым). Ни одно из этих заявлений не было удовлетворено.

Примеры, характеризующие кампанию опорочивания правозащитного движения в СССР, недавно осужденных правозащитников, а также других узников совести, отбывающих или уже отбывших наказание, и близких к ним лиц приведены в приложении к настоящему документу.

Мы сочли необходимым вскрыть сущность этой клеветнической кампании прежде всего потому, что большинство лиц, против которых она направлена, находятся в заключении в полной изоляции.

18 октября 1978 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда, Н. Мейман, В. Некипелов, Т. Осипова

Приложения*

1. "Голос Родины" № 37 (сентябрь 1978 г.), "Разговор начистоту".
2. "Правда", "Известия", "Комсомольская правда" и др., 15 июля 1978 г., "По заслугам".
3. Судья Сидорков (суд над Александром Гинзбургом) — иностранным корреспондентам.
4. Анонимный "меморандум" (за подписью "Всероссийское межидеологическое объединение").
5. Рой Медведев "Открытое письмо Р.Б. Лерт", 23 сентября 1978 г. (два различных текста).
6. "Литературная Украина", 15 августа 1978 г., "Заокеанская птичка из оуновского гнезда".
7. "Ленинское знамя" (Тенькинский р-н Магаданской обл.), июль 1978 г., "Друзья и враги Василя Стуса", А. Супряга.
8. "Голос Родины" № 37, "Разговор начистоту" (другие примеры из цитированной выше статьи).

* Приложения здесь не приводятся — Ред.

30 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО СССР

С 1974 года по инициативе политзаключенных 30 октября отмечается День политзаключенного СССР. Политзаключенные заявляют о том, что они — есть. В заявлениях и обращениях в Верховный Совет СССР (и другие высшие советско-партийные органы) требуют признания наличия в стране политзаключенных, утверждения и соблюдения Статуса политзаключенных. В поддержку своих требований десятки политзаключенных Уральских и Мордовских лагерей и Владимирской тюрьмы держат в этот день голодовки.

30 октября 1974 г. в Москве (на квартире лауреата Нобелевской премии Мира академика Андрея Сахарова) группой правозащитников была проведена первая посвященная Дню политзаключенного СССР пресс-конференция. Западным корреспондентам были переданы заявления, открытые письма и другие документы, составленные самими политзаключенными, — материалы, попавшие на волю вопреки жестоким мерам администрации, пресекающим информацию.

Особо интересный документ, переданный на первой пресс-конференции, — текст заочного "Интервью", в котором 11 политзаключенных Уральского лагеря № 35 поставили и содержательно ответили на ряд вопросов о том, почему и как они оказались "осужденными", о своем отношении к происшедшему с ними, о взаимоотношениях между политзаключенными лагеря, об администрации и представителях КГБ в лагере и др.

Участники этого "Интервью" Владимир Балахонов и Семен Глузман находятся в заключении и сейчас. Многократно подвергались жестоким наказаниям. Балахонов провел три года во Владимирской тюрьме. Глузман сейчас находится во внутрилагерной тюрьме (ПКТ). Здоровье их подорвано. Летом у 30-летнего Глузмана было нарушение мозгового кровообращения ... Двое других участников "Интервью" — Шахвердян и Светличный. Баграт Шахвердян после 5-летнего заключения и Иван Светличный после 7-летнего заключения, оба с сильно подорванным здоровьем, весной с.г. этапированы в ссылку. (И. Светличный болен гипертонической болезнью, страдает нарушениями мозгового кровообращения, незадолго до отправки в ссылку заболел сывороточным гепатитом.)

Один из организаторов и участников первой пресс-конференции 30 октября Сергей Ковалев менее чем через два месяца после этого

был арестован по обвинению в "антисоветской агитации и пропаганде"; пункты его обвинения включают и подписанное им в День политзаключенного обращение Инициативной группы защиты прав человека в СССР, и переданные на пресс-конференции материалы, в частности, названное выше "Интервью". Сергей Ковалев с тех пор сам является политзаключенным (отбывает 7-летний срок лишения свободы, после которого ему предстоит 3 года ссылки), находится в Уральских политлагерях, подвергался и подвергается здесь жестокому бесчеловечному обращению и издевательствам, аналогичным тем, о которых рассказывается в инкриминируемых ему материалах...; с мая с.г. С. Ковалев помещен на 6 месяцев в ПКТ; уже более года от него нет ни одного письма.

В 1975-76 годах среди участников пресс-конференций в День политзаключенного были Юрий Орлов, Александр Гинзбург, Анатолий Щаранский, Владимир Слепак. Сейчас они сами являются политзаключенными. Единственная причина осуждения каждого из них — участие в борьбе за права человека в нашей стране.

В числе инкриминируемых Гинзбургу, Орлову и Щаранскому "преступных" деяний — составленные Группой "Хельсинки" документы об условиях содержания политзаключенных.

Предполагая вероятность таких обвинений, многие политзаключенные Уральских и Мордовских лагерей и Владимирской тюрьмы направили в суды и в прокуратуру заявления, где выражают желание свидетельствовать об истинном положении. Один из направивших такое заявление — Сергей Ковалев. Никто из этих людей в суд вызван не был.

* * *

В День политзаключенного в 1975 г. западным корреспондентам была передана копия проекта Статуса политзаключенных, поддержанного более чем 70 политзаключенными Урала, Мордовии и Владимирской тюрьмы. Нам известно, что этот проект был направлен также политзаключенными Владимирской тюрьмы в Верховный Совет СССР ("Хроника-Пресс", Нью-Йорк, 1975 г.).

Основные положения — требования Статуса политзаключенных:

— Отмена принудительного труда.

— Не должны использоваться как средства наказания или "перевоспитания" ограничения питания, одежды, спальных принадлежностей и т.д. Недопустимы наказания-пытки голодом, холодом, отсутствием сна и намеренное причинение других физических и моральных страданий.

— Медицинская помощь (или, наоборот, лишение таковой) не должна использоваться как средство поощрения или наказания ...

Поддерживая положения Статуса, мы считаем, что они должны распространяться не только на политзаключенных, но обязательно на всех заключенных.

В то же время мы обращаем внимание на особые условия, в которых находятся именно политзаключенные. Чтобы "перевоспитать" узника совести, принудить его изменить самому себе, отказаться от своих духовных ценностей используется не только весь арсенал "мер воздействия", предусмотренных Исправительно-трудовым законодательством (дополнительные ограничения питания, пытка карцером, лишение свидания, изменение лагерного режима на тюремный и др.), но и многие не предусмотренные этим законодательством средства (неоказание медицинской помощи, конфискация корреспонденции, преследования родственников и др.).

Особое внимание мы обращаем также на то, что преследования политзаключенных не прекращаются после отбытия ими срока наказания: дискриминация в отношении выбора места жительства и работы, гласный надзор милиции.

* * *

Мы особо подчеркиваем: большая часть политзаключенных СССР — узники совести, не совершившие вообще никаких преступлений.

Возможности привлечения к уголовной ответственности за реализацию права на свободу убеждений (статья 19 Всеобщей декларации прав человека) безусловно способствует существование таких противоправных статей Уголовного кодекса как "антисоветская агитация и пропаганда" (ст. 70 УК РСФСР и соответствующие ей статьи УК союзных республик), "распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй" (ст. 190-1 УК РСФСР); широкие возможности привлечения к уголовной ответственности и сурового осуждения — за реализацию прав на свободу убеждений и выбор страны проживания — представляет часть статьи "измена родине" (ст. 64 УК РСФСР и соответствующие ей статьи УК союзных республик).

Реализация международных обязательств, зафиксированных Хельсинкским Актом, требует отмены ст.ст. 70, 190-1 и той части ст. 64, которая дает возможность преследования за убеждения и попытку покинуть страну.

Все осужденные по ст. ст. 70 и 190-1 (или соответствующим им статьям УК союзных республик), а также по указанной части ст. 64 — должны быть освобождены.

* * *

До сих пор в СССР в лагерях и тюрьмах находятся лица, осужденные на сроки до 25 лет до введения нового законодательства, определяющего максимальный срок лишения свободы 15-ю годами. Как шаг гуманности — необходима амнистия этих лиц.

Без освобождения политзаключенных — узников совести — все гарантии прав человека, выраженные в Пактах о правах и в Хельсинкском Акте, будут оставаться только словесной декларацией.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда,
Н. Мейман, В. Некипелов, Т. Осипова.*

Присоединяемся:

*А. Сахаров, Н. Строкатова (Караванская),
А. Лавут, Т. Великанова, о. Г. Якунин,
В. Капитанчук, Л. Бойцова (Ковалева),
И. Валитова (Орлова), И. Жолковская
(Гинзбург), Н. Бузырева (Федорова), Г. Влади-
димов, Л. Терновский, Ю. Ярым-Агаев,
В. Бахмин, А. Хлгатын.*

30 октября 1978 г.

Приложения*

1. Список (неполный) лиц, репрессированных по политическим мотивам.
2. Основные положения Статуса политзаключенных (и сравнение с существующим положением).

* Приложения здесь не приводятся — Ред.

О МЕДИЦИНСКОМ ОБСЛУЖИВАНИИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР считает необходимым информировать государства, подписавшие Заключительный Акт Соглашений, организации "Международная Амнистия", "Красный Крест", медицинские организации, мировую общественность о состоянии медицинского обслуживания в лагерях и тюрьмах Советского Союза.

Заключенные получают питание, почти полностью лишенное белков, витаминов; тяжелый труд, частые наказания — приводят к тому, что среди з/к практически нет здоровых людей. Это делает проблему медицинского обслуживания особенно важной.

Определяющим фактором является то, что медицинское обслуживание в лагерях и тюрьмах относится не к ведомству Министерства здравоохранения, а к ведомству Министерства внутренних дел и подчиняется его инструкциям и секретным приказам. Это делает медицину составной частью карательной системы, а врача — или пособником этой системы, или пассивной фигурой, подчиненной лагерной администрации, это же приводит к постоянному, планомерному ухудшению медицинского обслуживания, ставшего в последние полтора-два года катастрофическим.

Особенно тяжелое положение во Владимирской тюрьме (Угодин — начальник тюрьмы, полковник С.С. Казаков — начальник медслужбы УВД Владоблисполкома, майор Заливина — инспектор медслужбы УВД, Елена Николаевна Бутова — начальник санчасти тюрьмы, Зинаида Семеновна Замовская — корпусной врач, Титова — корпусной врач, Сукачева — корпусной врач, В.Л. Рогов — психиатр при тюрьме).

До 1977 г. врачи обладали значительными правами: в карцер могли отправить только с разрешения врача, они могли своей волей освободить заключенного из карцера, госпитализировать, назначать диетпитание. С 1977 г. отправка в карцер происходит без санкции врача. Освободить из карцера по состоянию здоровья может только начальник учреждения. В ноябре 1977 г. в карцере № 5 находился з/к Дудин Николай, который мучился от удушья и, моля о помощи, захлебывался кровью, которая шла горлом. Все стены и пол карцера были в крови. Вместо помощи ему только периодически бросали тряпку — вытирать кровь. Находившийся в соседнем карцере Ю. Бондарь стал стучать ногами в дверь карцера, требуя немедленно кого-либо из врачей. Проходивший фельдшер сказал: "Не лезьте не в свое дело". Осматривавшая

затем Дудина врач сказала, что она не вправе, к сожалению, освободить Дудина из карцера, хотя он в этом остро нуждается, и посоветовала досидеть оставшиеся несколько суток. Но вместо этого к концу истекших 15 суток Дудину в карцер прислали новое постановление и сказали: "Продолжение следует. Это тебе 15 суток за крики и стуки в дверь". (Иного способа вызова надзирателя не существует — звонка нет.)

ПЗК Здоровый не был освобожден из карцера несмотря на то, что он потерял сознание и при падении расшиб себе голову.

Егор Давыдов, больной ревмокардитом и радикулитом, находился в камере с температурой воздуха + 11°. Он обратился к корпусному врачу Замовской с просьбой разрешить ему пользоваться дополнительной парой нижнего белья. Та обещала переговорить с начальством. "Причем тут начальство, — удивился Давыдов. — Вы врач, вам и решать". — "Это режимный вопрос, " — ответила Замовская. Через несколько дней Давыдову ответили, что по соображениям режима ему в просьбе отказано. Тогда же подтвердили запрет пользоваться меховыми рукавицами и противорадикулитным поясом.

Раньше достаточно было решения врача дать голодающему в карцер топчан для круглосуточного пользования (топчан в карцере выдается только на ночь). Теперь врач только пишет соответствующий рапорт, а решение принимает начальник. В Федоренко за время голодовки получил 15 суток карцера за попытку отправить письмо, минуя тюремную цензуру, затем этот срок был продлен еще на 15 суток. Топчан Федоренко выдали лишь на 22 день пребывания в карцере. Почти все время, проведенное в карцере, его принудительно кормили только раз в пять дней. Лишь в конце карцерного срока стали кормить через день. (Искусственное питание, которым принудительно кормят голодающих, не соответствует установленным нормам: в жидкую манку часто не добавляют положенных сахара, мяса, яиц; масло заменяют другими жирами.)

Бондаренко, инвалид II группы, получил 15 суток карцера за карикатуру на начальника санчасти Бутову, отказывающую ему в лечении. Бондаренко настолько истощен, что не в силах был вносить в карцер на ночь топчан и спал на цементном полу (конец срока у Бондаренко в 1991 году). В июне 1978 г. отказано в помещении в больницу больному радикулитом Приходько Г.А.

В апреле 1977 г. при участии представителей администрации тюрьмы был избит Омар Асханов. Он и другие заключенные потребовали "снять побои" (т.е. зафиксировать их следы медицинским актом). Медсестра корпуса отказалась это сделать: "Разрешил начальник — снимем". Только после дружного стука в двери нескольких камер Угодин распорядился вызвать врача. Начальник медсанчасти Бутова "сняла побои", но медицинской помощи не оказала, сказав, что ничего страшного нет. Между тем Асханов был покрыт кровоподтеками и харкал кровью (Асханов — туберкулезный больной, в феврале его по распоряжению оперчасти сняли с диетпитания).

С осени 1977 г. перестали выдавать так называемое профилактическое питание язвенникам (два весенних и два осенних месяца диетическое питание по норме 5) в рацион включается молоко — 500 г., масло — 30 г., мясо, сахар — 40 г., белый хлеб — 400 г (кстати, продукты, по приказу министра внутренних дел — второсортные), рисовые и манные каши. Теперь же "язвенное питание" дают при обострении язвенной болезни и только в случае госпитализации осужденного. Продолжают получать диетпитание лица, состоящие на туберкулезном учете. Их только соединяют в камеры, специально отведенные для этих больных (по устройству ничем не отличаются от обычных). Окна камер закрыты щитами (вновь введены с декабря 1977 г.), в некоторых корпусах это сплошные металлические пластины 5 мм толщиной, воздух может проходить только через боковые щели, шириной около 10 см. Туберкулезных больных водворяют в карцер на общих основаниях (психически больных — тоже), могут переводить на строгий режим: с пониженным питанием, с сокращением прогулки до 30 минут, — в том числе и содержащихся в тюремной больнице.

Существует еще одна норма питания, отличающаяся от язвенной количеством молока в день (250 г.), так называемая "слабая". Раньше эту норму получить было довольно просто, сейчас — практически невозможно: ее могут получить с 1978 г. лишь 3% осужденных.

Общее состояние камер Владимирской тюрьмы, как правило, антисанитарное, т.к. часто засоряется канализация, в камерах вонь. В камерах 2 корпуса — лагерной больницы — нет унитазов и водопроводных кранов.

Согласно инструкции № 125 (от 1/X-75 г.) — о медучреждениях МВД, о медобслуживании в ИТУ— заключенные, находящиеся в медучреждении МВД и нарушающие режим, могут подвергаться всем мерам воздействия, предусмотренным ИТК РСФСР (ст. 53) вплоть до карцера, ШИЗО и ПКТ.

Во Владимирской тюрьме лечение осужденного на время водворения его в карцер прерывается (хотя это и противоречит соответствующим актам), если он получал диетпитание или был в больнице, диетпитание не восстанавливается и в больницу он не возвращается (кроме больных туберкулезом). В карцере после туберкулезных больных дезинфекция не делается, часто даже не выносятся параша.

Жалобы заключенных на медобслуживание отправляются администрацией исключительно в соответствующие подразделения МВД и в прокуратуру. Перед отправкой жалобы и заявления рассматриваются медперсоналом (для составления справок, сопровождающих жалобы).

На очень низком уровне находится медицинское обслуживание и в лагерях. Врачи, которые по их же словам "прежде всего работники МВД", никак не реагируют на то, что условия в лагерях — нормы питания (особенно в ШИЗО и ПКТ), тяжелый труд, часто непосильный для физически ослабленных людей, бытовые условия (зимой в бараках температура доходит до 8°) — прямо направлены на подрыв здоровья

заклоченных. Медицинское обслуживание является одним из средств давления на з/к с целью его "перевоспитания". Нередки случаи, когда тяжело больным не дают освобождения, ставят на тяжелую работу, выполнять которую они не в силах, отказывают в госпитализации.

Иван Светличный, работавший в 35 лагере пожарным, после перевода в 36-й без медицинского осмотра и знакомства с медицинской картой лишен инвалидности (у него в результате несчастного случая с детства не хватает пальцев на обеих руках). Он поставлен на тяжелую работу, где ему приходится таскать ящики, бревна, выполнять другую непосильную для него работу. За невыполнение нормы — наказывают. У Светличного кроме того большое сердце, но ему отказывают в лечении. Несколько политзаклоченных потребовали восстановить Светличному инвалидность и перевести на легкую работу.

Большой циррозом печени Сартаков П.Г. был наказан за то, что во время приступа не мог встать перед представителем администрации. Его ставят на непосильную работу, а за отказ от нее поместили на 6 месяцев в ПКТ. И Светличный, и Сартаков — "не вставшие на путь исправления".

В. Лапенис полтора месяца находился в больнице, ему дали 3-ю группу инвалидности. 17 февраля начальник лагеря заявил Лапенису, что комиссия признала его трудоспособным, и назначил кочегаром. Лапенис отказался от работы, как непосильной, и был наказан 7 сутками ШИЗО и лишением ларька на месяц. Лапенису 72 года, у него радикулит, большое сердце, низкое давление.

У Е. Пронюка туберкулез легких. До ареста часть легкого была вырезана, и это остановило туберкулезный процесс, но в лагере состояние здоровья резко ухудшилось, открылась каверна во втором легком. Родственники Пронюка подавали просьбу о помиловании по состоянию здоровья, но им отказали, сославшись на "отрицательную характеристику из исправительно-трудового учреждения".

Здоровье Барладяну, подорванное голодовкой, во время которой он был до потери сознания избит надзирателями, ухудшилось, но лечения он не получал. Его жалобы по этому поводу Генеральному Прокурору СССР администрация лагеря не отправила. Только после протестов родственников Барладяну направили в областную больницу МВД. Там ему поставили диагноз: гипертония 1 степени с отеками и кровоизлияниями в мозг. В медицинском заключении сказано, что работы в каменоломне (которыми занимаются з/к лагеря) ему противопоказаны. Администрация лагеря пыталась скрыть это заключение от Барладяну и снова поставить его на работу в карьер. Когда это не удалось, Барладяну перевели в цех сколачивать ящики. Лечение он по-прежнему не получает. (В лагере вши. В карцере, где работают заклоченные, практически нет откачки воды, при этом выдается одна пара сапог в год.)

Нередки случаи, когда диагноз ставится не по медицинским, а по оперативным соображениям. Так, например, Ю. Литвин, отбывавший в ИТУ-25 3-летний срок, попросил представить его к "условному освобож-

дению с обязательным привлечением к труду", но его оставили в лагере на основании медицинского заключения врача Фроловой: "Литвин не может быть направлен на стройки, так как имеет трудоустройство и болен". Через две недели Фролова отказала Литвину в диетпитании (у него язва), написав, что он "абсолютно здоров". Из-за диагноза Фроловой, объявившей его симулянтом, он оказался при смерти (прободение язвы, случившееся в ШИЗО, куда его поместили за "симуляцию" и где его продержали, тем не менее, все назначенные 10 суток). В письме в обком Коми АССР Литвин описал обстоятельства смерти 29-летнего заключенного, умершего от сердечного приступа без какой-либо медицинской помощи.

Система лагерных наказаний – ШИЗО (хлеб и вода, горячее – через день), ПКТ (пониженное питание на срок до 6 месяцев) – губительна для заключенных, многие из которых страдают желудочно-кишечными заболеваниями. На вопрос з/к: "Когда прекратится преднамеренное разрушение здоровья заключенных?", – сотрудник КГБ Борода ответил: "Не надо было попадать в ПКТ".

Айрикян, Черновол, Осипов длительное время находились в сыром и холодном помещении лагерной тюрьмы, где по распоряжению администрации они были лишены теплого белья и спали на холодных досках. В результате утрения температура в течение нескольких месяцев держалась у них около 37,2, а вечерняя поднималась до 38-40. (У Черновола хронический тонзиллит, язвы во рту, у Осипова – туберкулез.) Все трое побывали в больнице на обследовании, но лечения им не назначили – выдали заключение "здоров". После выхода из ПКТ по-прежнему температурили, но лагерная санчасть не оказывала им помощи. В таком состоянии Черновол был взят на этап в ссылку, Осипов переведен в цех с вредными условиями труда. В мае 1978 г. Таратухин, находясь в ПКТ, объявил "сухую" голодовку. На 6-е сутки у него вместо мочи пошла кровь, голодовку он снял. Врач у Таратухина не был ни разу.

На 15 суток в ШИЗО была отправлена Надежда Усоева за отказ от принудительного труда по религиозным мотивам. В это время она еще была больна после предыдущей отсидки.

Даже тяжело больным нелегко бывает добиться помещения в больницу. (В каждой зоне имеется своя санчасть, кроме того по Мордовским лагерям больница в поселке Барашево, в Пермских лагерях – на ст. Всесвятская.) Очень редки случаи помещения политзаключенных в центральные тюремные больницы. Например, Ковалев, добиваясь помещения в Ленинградскую больницу для операции, голодал больше месяца. В декабре 1977 г., также добиваясь отправки в больницу, длительную голодовку держал Иван Гель. Николаю Будулак-Шарыгину, страдающему тяжелой гипертонией, долго не давал освобождения от работы и направления в больницу начальник санчасти Сексясов. Наконец, Будулак-Шарыгин был отправлен в больницу в очень тяжелом состоянии. Нередко больных не госпитализируют по прямому запрету

администрации. В июне 1977 г. врачи хотели отправить в больницу Нийоле Садунайте, но администрация 3 лагеря отказалась это сделать. Абанькин дважды терял сознание от болей в желудке, но не был госпитализирован, т.к. у него в деле есть красная полоса — склонность к бегу.

Михаил Слободян в 1977 г. был отправлен в больницу в крайне тяжелом состоянии. Накануне его, больного, начальник лагеря майор Федоров заставил таскать бревна на лесопилке, не дав возможности обратиться в санчасть. У Слободяна кровоточащая язва желудка. Весной 1978 г. здоровье Слободяна вновь резко ухудшилось, но лечения он не получает, не госпитализируется, за невыполнение нормы выработки наказывается. Основной мотив — Слободян, бывший работник МВД, "не встал на путь исправления". В середине марта в лагере была проведена массовая голодовка с требованием госпитализировать Слободяна.

В лагерной санчасти, как правило, нет нужных лекарств, а присылать медикаменты запрещено инструкцией (иногда разрешается в виде исключения). Бывают случаи, когда больным по оперативным сообщениям не выдают лекарств, имеющихся в санчасти (например, Светличному). По свидетельству пзк 1 Мордовского лагеря (особый режим), "в лагерной аптеке годами нет ничего, кроме аспирина". И это в лагере с самыми тяжелыми условиями содержания. За последние три года в лагере умерло 6 заключенных моложе 50 лет. Обстоятельства смерти Пехарева особенно трагичны. Его иногда отправляли в больницу, но всякий раз возвращали, не проведя серьезного обследования. Однажды во время работы он не смог стоять и выполз во дворик. Заключенные потребовали, чтобы ему была оказана помощь, но фельдшер Надюшкин сказал, что Пехарев притворяется. Только когда тот уже позеленел, ему был сделан укол. На смерть Пехарева з/к — 20 человек — ответили голодовкой, требуя устранения причин высокой смертности.

В 35 лагере умерли Строгонов и Межалс.

И в Перми, и в Мордовии больница находится далеко от лагерей, специальный медицинский транспорт отсутствует, больных перевозят в воронке. Сильная тряска при перевозке причиняет больным невыносимые страдания, приводя порой к трагическому концу. Дорогу лагерь — больница заключенные пермских лагерей называют "дорогой смерти".

Несмотря на госпитализацию, многие больные не получают необходимого лечения, так как в больнице, как и в лагере, часто нет нужных лекарств (например, больной пиелонефритом Федоров не получал в больнице ничего кроме витамина С). Из-за плохой стерилизации инструментов В. Пидгородецкий после операции грыжи был выписан с гноящейся незаживающей раной, Светличный и Исмагилов заболели сыновроточным гепатитом. Больные подвергаются наказаниям ШИЗО и ПКТ на общих основаниях.

14 марта 1977 г. в ожидании операции желудка скончался А. Плейш. Присутствовавшие в одной камере при его мучениях два туберкулезных больных Д. Демидов и А. Сергиенко отказались от дальнейшего пребывания в этой ужасной лечебной камере. Несмотря на то, что у них нашли активную форму туберкулеза, их привезли в лагерь и поместили в ШИЗО на 15 суток. На заявления Сверстюка в областную медицинскую инстанцию УВД о преступности содержания таких больных в карцере последовал ответ начальника ВС-389 Микова о том, что они наказаны обоснованно.

Черновол и Осипов в наказание за участие в "белградской" голодовке 4 октября были отправлены из больницы обратно в зону. В наказание за участие в "белградской" голодовке А. Сергиенко был лишен диетпитания и лечения фтивазином.

Политзаключенные постоянно обращаются в различные официальные инстанции как с индивидуальными, так и с коллективными жалобами и протестами по поводу медицинского обслуживания в лагерях, голодовками протеста добиваясь лечения своих товарищей. С. Глузман, убедившись в том, что медицинское обслуживание входит в карательную систему МВД, отказался от звания врача. Одно из требований статуса политзаключенных — улучшение медицинского обслуживания.

Группа заявляет, что в лагерях и тюрьмах постоянно и преднамеренно нарушается ст. 1 ИТК: " ... Исполнение наказания не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства."

Мы призываем добиваться инспекции тюрем и лагерей представителями Международного Красного Креста. Мы призываем сделать все возможное, чтобы остановить преднамеренное разрушение здоровья заключенных.

28 октября 1978 г.

Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда, Н. Мейман, В. Некипелов, Т. Осипова

Группа считает необходимым обратить внимание общественности на совершенно бесправное положение заключенных в области переписки: ИТК РСФСР позволяет заключенным, находящимся на строгом режиме, отправлять лишь два письма в месяц, на особом режиме — одно письмо, на усиленном — три и лишь на общем режиме — без ограничений. Однако даже этих суровых, на наш взгляд, ограничений оказывается недостаточно. В статье 22 ИТК говорится, что корреспонденция заключенного подвергается цензуре. Однако содержание заключенного регламентируется не только ИТК, но и многочисленными приказами МВД (большой частью секретными). Один из таких приказов — № 040/56 — вводит "Инструкцию по цензуре". Согласно этой инструкции, письма проглаживаются утюгом, обрабатываются химическими реактивами, просматриваются под марками. Параграф 29 этой инструкции (см. Приложение № 1) определяет возможные причины конфискации исходящей и входящей корреспонденции (ИТК о возможности конфискации дипломатично умалчивает). Данная инструкция практически оставляет вопрос конфискации на усмотрение лагерной администрации (ведь любое письмо можно объявить, например, "подозрительным по содержанию"). Но даже такие широкие полномочия оказываются порой не достаточными для лагерной администрации. Известно, например, и такое "нововведение" — конфискация "тенденциозных" писем. (Так записано в акте конфискации письма Э. Саркисяна в марте 1978 г.) В некоторых, достаточно многочисленных, впрочем, случаях администрация и вовсе не затрудняет себя объяснением причин конфискации. Так, например, в 1977 году администрация Мордовских лагерей прямо заявила участникам проходившей тогда "стодневной кампании за статус пзк", что все их заявления будут изыматься. В мае 1977 года из Владимирской тюрьмы не пропускали никаких жалоб кроме направленных в Прокуратуру. Осенью 1977 г. не были отправлены в прокуратуру (!) УССР и СССР жалобы на отсутствие медицинской помощи от тяжело больного В. Барладяну.

"Причины" конфискации иногда бывают и совершенно абсурдными. Скажем, письмо З. Антоюка в 1976 году было конфисковано потому, что содержало выдержки из Геродота на украинском языке. (Вначале ему сказали, что письмо отправлено.) 1 ноября 1977 года Р. Руденко написала в своем заявлении, адресованном правительствам стран-участниц Белградского совещания, что письмо ее мужа к ней не было пропущено лишь потому, что было написано по-украински.

Практически во всех случаях недопустимо превышаются сроки цензуры (три дня) писем, написанных не по-русски. Делается это, как правило, под предлогом отсутствия переводчика. Так, письма А. Здороваго из Владимирской тюрьмы шли к родным по два-три месяца. В марте 1978 года И. Грабанс указал в своем заявлении, направленном в адрес ПВС СССР, что его письма в Латвию идут по 50-60 суток.

Кроме перечисленных в инструкции используется иногда и такой мотив, как "недозволенные вложения" — такими вложениями оказываются, например, чистые конверты (в перечень предметов, запрещенных к хранению, они не входят).

В случае конфискации письма, отправляемого заключенным, ему должны предъявить акт конфискации с указанием ее причин. Однако этого не всегда можно добиться. Если же конфискуется входящее письмо, то это вовсе не означает, что заключенный узнает хотя бы о том, что на его имя приходило письмо. Закон обязывает администрацию лишь отвечать на запросы корреспондентов заключенного о судьбе посланных ими писем. Не исключена даже такая возможность, что отправителю придет уведомление о вручении, а заключенному письмо вручено не будет. Такой случай в 1975 году стал одной из причин голодовки В.В. Петрова в Пермском лагере № 35. Петрову не вручили даже акта конфискации. Следует отметить, что на уведомлении о вручении расписывается не заключенный, а сотрудник администрации якобы "по доверенности".

Некоторые места в корреспонденции заключенных вырываются цензором. Разумеется, никакие законы или нормативные акты таких "вольностей" не предусматривают. Однажды Г. Суперфину удалось разобрать вымаранное место в письме матери. Это оказался номер почтового отделения, откуда она отправила предыдущее письмо.

И, наконец, еще одно мощное средство "почтовой блокады" — "пропажи по вине почты". Чаще всего "пропадают" письма, направленные за границу или приходящие оттуда. У нас нет никаких сомнений, что истинными цензорами, осуществляющими контроль за перепиской того или иного заключенного, причем отнюдь не руководствуясь при этом буквой закона, являются оперативные работники КГБ. К тому есть и прямые подтверждения. Так, например, 26 апреля 1978 года оперуполномоченный Скальнинского ОКГБ М.И. Чепкасов сообщил з/к Э. Саркисяну, что письма, адресованные им, а также заключенными С. Глузманом, С. Ковалевым и М. Казачковым за границу, впредь не будут "ими" пропускаться, каково бы ни было их содержание. Блокируется переписка А. Щаранского, находящегося во Владимирской тюрьме. Он получил за время нахождения в тюрьме 10 из 22 писем, посланных матерью, и лишь одно из 10 — от брата.

Правила легко обходятся, когда этого требуют "оперативные сообщения". В начале ноября 1977 года 9 заключенных Мордовского лагеря особого режима получили из Днепропетровской тюрьмы письма от С. Шинкевича, переведенного туда из этого лагеря. Письма содержали

оскорбления политзаключенных и призывы к уголовникам сплотиться и расправиться с политическими. Вскоре Шинкевич по пересмотру дела был признан невиновным в совершении особо опасного государственного преступления. Уместно будет процитировать по этому поводу ст. 30 ИТК РСФСР: "Переписка между содержащимися в местах лишения свободы осужденными, не являющимися родственниками, запрещается".

Нам известны многие примеры протестов заключенных против незаконной "почтовой блокады".

В августе 1977 года по этой причине голодали И. Стасив-Калинец, Н. Садунайте, П. Айриян; в мае 1978 года держал голодовку С. Глузман.

В 1978 году вынуждены были отказаться от права переписки З. Антонюк, Н. Бондарь, С. Караванский, С. Ковалев, К. Мятник.

30 октября 1978 года

*Елена Боннэр, Мальва Ланда,
Наум Мейман, Виктор Неки-
пелов, Татьяна Осипова, Софья
Каллистратова*

30 ЛЕТ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

О Б Р А Щ Е Н И Е

Всеобщая декларация прав человека, принятая Объединенными Нациями 30 лет назад, стала важнейшим этапом в формировании гуманитарных принципов современного общества. Незадолго до ее принятия окончилась вторая мировая война и был уничтожен гитлеровский нацизм, совершивший величайшие преступления против человечества. Смерть Сталина положила конец его не менее преступной диктатуре.

Но и сейчас во многих странах мира, в том числе в СССР, провозглашаемые Декларацией принципы еще далеки от своего осуществления.

В СССР нарушаются многие важные статьи Всеобщей декларации прав человека —

ст. 19 — свобода убеждений и свобода получать и распространять информацию;

ст. 13 — право на свободный выбор страны проживания и места проживания внутри страны;

ст. 18 — свобода религии;

ст. ст. 10, 11 — гласность и справедливость суда;

ст. 5 — запрещение жестоких и унижающих достоинство человека наказаний;

ст. 20 — свобода ассоциаций;

ст. ст. 23, 26 — в противоречие с духом этих статей не обеспечено отсутствие национальной и идеологической дискриминации в труде и образовании. Не обеспечена свобода профсоюзов;

ст. 15 — право на сохранение гражданства и его изменение;

ст. 12 — тайна корреспонденции и неприкосновенность жилища.

В разной степени нарушаются и некоторые другие статьи.

Серьезным нарушением является то, что, вопреки призыву Генеральной Ассамблеи ООН "сделать все возможное для распространения, оглашения и разъяснения Всеобщей декларации прав человека, особенно в школах и других учебных заведениях", в СССР текст декларации не известен широким слоям населения.

В 60-70-х годах в СССР сформировалось движение за права человека, опирающееся на принципы Всеобщей декларации прав человека. Письма и заявления в защиту отдельных людей, статьи, литературные произведения и исторические труды, письма и дневники из лагерей и тюрем, подробные записи судебных процессов, деятельность Инициативной группы защиты прав человека в СССР, Комитета прав человека, регулярное издание "Хроники текущих событий", документы групп "Хельсинки", Комитета прав верующих, Рабочей комиссии по психиатрии и др. — все это раскрыло перед советской и мировой общественностью множество фактов нарушения основных прав и явилось важным вкладом в формирование общемировой идеологии защиты прав человека, способной объединить на гуманистической основе многих людей на земном шаре, вне зависимости от расы, национальности, вероисповедания, социального положения и гражданства.

Мы убеждены, что ответственность за соблюдение прав человека лежит не только на государстве, но и на гражданах.

Выражая свою приверженность Декларации прав человека, стремясь к гуманизации общества и защите прав человека так, как они сформулированы в Пактах о правах и Хельсинкском Акте, мы считаем необходимым:

Освободить всех узников совести;

Отменить ст. ст. 70 и 190-1 УК РСФСР (и соответствующие статьи УК союзных республик), дающие возможность преследования за убеждения, за обмен информацией и идеями;

Отменить часть ст. 64 УК РСФСР (и соответствующих статей УК союзных республик), дающую возможность преследовать за попытки осуществления права выбора страны проживания и за убеждения, за обмен информацией;

Отменить все препятствия в осуществлении права на свободный выбор страны проживания (права покидать свою страну и возвращаться в нее) и выбора места проживания внутри страны;

Прекратить преследования верующих всех Церквей, обеспечить подлинное отделение церкви от государства;

Кардинально изменить режим в тюрьмах и спецпсихбольницах, гуманизировав Исправительно-трудовое законодательство;

Ликвидировать принудительный труд в местах заключения, в ссылке и при условно-досрочном освобождении; отменить ст. 209 УК РСФСР (и соответствующие статьи УК союзных республик);

Прекратить психиатрические репрессии по политическим мотивам;

Прекратить дискриминацию в образовании и труде по национальности, убеждениям, вероисповеданию, после отбытия наказания по суду и в связи с преследованиями родственников;

Обеспечить гарантии свободы профсоюзов и других ассоциаций;

Прекратить нарушения внутреннего и международного обмена информацией — нарушения почтовой, телефонной, телеграфной связи;

Отменить все решения о лишении гражданства по политическим мотивам.

Настоящим документом мы обращаемся к правительствам СССР и 34 стран, совместно подписавших Хельсинкский Акт, а также ко всем Объединенным Нациям, 30 лет назад провозгласившим Всеобщую декларацию прав человека "в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства".

Обращение открыто для подписей в течение года в нашей стране и вне ее для всех, кто вместе с нами стремится к реальному воплощению в жизнь Всеобщей декларации прав человека, полагая, что это гарантирует не только личную свободу и жизнь, но и мирное существование на Земле.

8 декабря 1978 года

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев

Присоединяемся:

Татьяна Великанова, Андрей Сахаров, Раиса Лерт, Александр Лавут, Леонард Терновский, Евгений Николаев, Мария Петренко-Подъяпольская, Вера Ливчак, Ирина Каплун, Георгий Владимов, Лев Копелев, Лидия Чуковская, Владимир Корнилов, Нина Строкатова (Караванская)

Сбор подписей продолжается.

Как мы узнали из радиопередачи "Голос Америки", 23 января 1979 г. представитель госдепартамента по делам печати Хагер Картер мотивировал решение о направлении в Москву в феврале с.г. американской делегации ученых во главе с советником Президента Картера по науке доктором Прессом для обсуждения вопросов о контактах в области науки и техники.

При этом Хагер Картер заявил представителям печати, что решение о направлении делегации (визит которой был отложен летом 1978 г.) вызвано тем, что положение с правами человека в СССР существенно улучшилось: увеличилось количество евреев, получивших разрешение на эмиграцию; "затихли" судебные репрессии в отношении инакомыслящих.

Хагеру Картеру, по-видимому, неизвестно, что сотни евреев-отказников продолжают безуспешно добиваться разрешения на выезд; продолжают отбывать наказание десятки людей, "виновных" лишь в том, что они настойчиво добивались права на эмиграцию (Ида Нудель, супруги Слепак, Бегун, Нашпиц, Цитленок и др.), не говоря уже о том, что право свободно покидать свою страну и возвращаться в нее предусмотрено не только для евреев. Хагер Картер "забыл", что все необоснованно осужденные в 1978 г. правозащитники (как и сотни ранее осужденных) отбывают жестокие наказания и ни один из узников совести не освобожден, а условия содержания в лагерях значительно ухудшились.

Хагер Картер, очевидно, не знает, что во второй половине 1978 г. арестованы, осуждены или ожидают суда десятки инакомыслящих во многих городах СССР. Отнюдь не свидетельствует об "улучшении" положения с правами человека и разгон мирной демонстрации 10 декабря 1978 г. в Москве.

Но вот новые факты, свидетельствующие о том, насколько "утихли" репрессии: 25 января в Москве и Подмоскowie одновременно произведено шесть обысков у членов редколлегии самиздатского журнала "Поиски" и у лиц, общающихся с членами редколлегии. При обысках изъяты не только машинописные экземпляры журнала "Поиски", но и различные документы и материалы, включая личные литературные и научные архивы обыскиваемых. Изъяты также и личные пишущие машинки и книги зарубежных издательств.

Обыски произведены: у Раисы Лерт, Виктора Сокирко, Юрия Гримма, Валерия Абрамкина, Виктора Сорокина, Глеба Павловского.

Член редколлегии Петр Егидес был подвергнут личному обыску в квартире Юрия Гримма — без ордера и санкции прокурора на обыск.

Из портфеля и карманов Егидеса насильственно изъяты черновые рукописи его статей и личная записная книжка. При обыске у Лерт изъ-

яты архив и личные документы (в том числе пенсионная книжка), принадлежащие Мальве Ланда.

Гримм, Сокирко и Абрамкин после окончания обыска в их квартирах были увезены в прокуратуру г. Москвы, где их подвергли допросам.

Судя по характеру задаваемых им вопросов, можно полагать, что власти затевают новое "дело": о журнале "Поиски".

Это открытое издание, созданное группой лиц, является дискуссионным литературно-публицистическим и теоретическим журналом (всего вышло 4 номера, а готовый 5-й полностью конфискован).

Особо надо отметить цинизм и жестокость, сопровождавшие обыск у члена редколлегии Лерт.

Раиса Борисовна Лерт — член Союза журналистов, профессиональный литератор (журналист, редактор, автор многочисленных статей), сейчас ей 72 года. Несмотря на серьезные хронические заболевания, она продолжает литературную работу, активно участвует в правозащитном движении.

К моменту обыска Раиса Борисовна была тяжело больна (двусторонняя пневмония) и находилась в постели. Это не остановило следователя прокуратуры и участвовавших в обыске, но не назвавших себя и не упомянутых в протоколе обыска двух лиц "в штатском". 5 часов продолжался обыск, не прервавшийся и во время визита медсестры, сделавшей Раисе Борисовне инъекцию антибиотиков. (Медсестре лица "в штатском" сообщили, что идет обыск, и спросили ее о том, кто направил ее к Лерт и в каком лечебном учреждении она работает.)

После визита медсестры обыскивающие, уже заведомо зная, что Лерт тяжело больна, вынудили ее подняться с постели для того, чтобы подвергнуть осмотру постельные принадлежности.

Раиса Лерт, Петр Егидес, Виктор Сокирко, Юрий Гримм, Валерий Абрамкин, Глеб Павловский, Виктор Сорокин не преступники, они открыто и свободно высказывали свои мысли и мнения по социальным, идеологическим, экономическим вопросам, по вопросам культуры и т.д. Тем не менее над ними нависла грозная опасность "уголовной" расправы. Они нуждаются в общественной защите.

Явно конъюнктурное и не отражающее действительности заявление представителя Госдепартамента по делам печати Х. Картера может лишь ввести в заблуждение общественное мнение и ослабить борьбу за права человека.

25 января 1979 г.

*Софья Каллистратова, Мальва
Ланда, Наум Мейман, Виктор
Некипелов, Татьяна Осипова,
Юрий Ярым-Агаев*

О СПЕЦСУДАХ

Законы могут быть хорошими и плохими, можно и нужно критиковать законы, добиваясь их улучшения.

Но непреложно одно: каждое государство, претендующее на статус *правового* государства, требуя от граждан исполнения действующих законов, должно само выполнять свои собственные законы.

К числу грубых нарушений гражданских прав человека в нашей стране относится деятельность целой системы судов, существование которых находится в противоречии с существующей Конституцией СССР и законодательством о судостроительстве СССР.

В ст. 102 Конституции СССР 1936 года было установлено, что правосудие осуществляется не только общими судами, но и *"специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР"*.

За все время действия старой Конституции не было опубликовано ни одного закона (или постановления) о порядке создания и деятельности этих спецсудов.

Однако они существовали и действовали в нарушение принципа равенства граждан перед законом и судом.

В ст. 151 новой Конституции, принятой 7 октября 1977 года, приводится исчерпывающий перечень судебных учреждений СССР, из которого специальные суды исключены: существование спецсудов несовместимо ни с Основами законодательства о судостроительстве СССР (1958 г.), ни с Положением о Верховном Суде СССР (1957), ни с действующими республиканскими процессуальными кодексами.

И тем не менее спецсуды, имеющие не названия, а только номера (например, в Москве Суд-12 по адресу Даниловский вал 13-а), действуют, рассматривают большое количество дел и выносят приговоры и решения не только по уголовным делам, но и по гражданским, в том числе по трудовым, жилищным, семейным и т.д.

Как уже указано выше, никакого опубликованного законодательства об этих судах нет. "Правосудие", творимое в этих судах, строго засекречено.

Кто, когда, где и в каком порядке избирает или назначает спецсудей? ("Все суды в СССР образуются на началах выборности судей и народных заседателей" — ст. 152 Конституции СССР.) В действующем положении о выборах народных судей ответа на эти вопросы нет, так как спецсуды в этом положении не упоминаются. Рассмотрим известные нам "особенности" рассмотрения дел в спецсудах в сравнении с действующими процессуальными нормами РСФСР.

1. УПК и ГПК определяют территориальную подсудность народным судам.

Районному (городскому) народному суду подсудны все дела, кроме дел, подсудных вышестоящим судам и военным трибуналам. (Ст. 35 УПК РСФСР.)

Дело подлежит рассмотрению в том суде, в районе деятельности которого совершено преступление... (Выдержка из ст. 41 УПК.)

Гражданские дела, подведомственные судебным органам, рассматриваются районными (городскими) народными судами. (Ст. 113 ГПК РСФСР.)

Иски предъявляются в суде по месту жительства ответчика. Иск к юридическому лицу предъявляется по месту нахождения органа или имущества юридического лица. (Ст. 117 ГПК РСФСР.)

Существует секретный список предприятий, учреждений и даже отдельных населенных пунктов, по которому из общей подсудности изъяты все уголовные и гражданские дела лиц, работающих в этих учреждениях и предприятиях и проживающих в этих населенных пунктах. Если в этот список попадают такие ведущие институты Академии наук СССР, как Институт химической физики и Физический институт им. Лебедева, то можно предполагать, что в него может попасть любое советское учреждение и предприятие. Дела эти рассматриваются только в спецсудах.

Можно сослаться на следующий пример. Научный сотрудник Института химической физики АН СССР Ярым-Агаев был переведен из одной лаборатории в другую. Считая свой перевод неправильным, Ярым-Агаев в соответствии со ст.ст. 113 и 117 ГПК РСФСР и ст. 201 КЗОТ РСФСР обратился с иском о восстановлении в должности в районный суд Октябрьского р-на г. Москвы.

Однако его дело не было принято к рассмотрению народного суда и было направлено в спецсуд № 12. Жалоба на незаконный отказ в приеме искового заявления, направленная в Мосгорсуд, до настоящего времени не рассмотрена и оставлена без удовлетворения, в нарушение ст. 214 ГПК.

Это один достоверно нам известный случай нарушения равенства граждан перед судом и законом.

2. Ст. 18 УПК РСФСР и ст. 9 ГПК РСФСР провозглашают гласность судебного разбирательства, устанавливая исключительные случаи закрытого рассмотрения дел (охрана государственной тайны, предотвращение разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц). Но и в этих случаях приговоры и решения судов должны оглашаться публично. В спецсудах все дела рассматриваются в закрытых судебных заседаниях, включая оглашение приговоров и решений.

Так нарушаются не только процессуальные нормы, но основополагающий конституционный принцип гласности правосудия (ст. 157 Конституции СССР).

3. Ст. 47 УПК РСФСР и ст. 44 ГПК РСФСР устанавливают, что защитниками (по уголовным делам) и представителями интересов истцов и ответчиков (по гражданским делам) могут быть адвокаты и другие перечисленные в законе лица. (В том числе *любое* лицо, допущенное судом.)

В спецсуды адвокаты и "иные лица" в качестве защитников и представителей интересов не допускаются.

Существуют при спецсудах и "спецадвокаты", не входящие в Коллегию адвокатов и, по имеющимся у нас сведениям, получающие зарплату из средств госбюджета (т.е. государственные чиновники), которые только и могут быть "защитниками" и "представителями" интересов истца или ответчика в спецсуде.

Так нарушается основополагающий конституционный принцип права на защиту (ст. 158 Конституции СССР).

4. Ст.ст. 30 и 213 ГПК РСФСР устанавливают право сторон в гражданском деле получать копии решений суда.

В спецсудах копии решений не выдаются, а стороне (истцу, ответчику) предоставляется лишь возможность ознакомиться с решением в помещении спецсуда.

Мы не располагаем сведениями о том, вручаются ли осужденным по уголовным делам копии приговоров в соответствии со ст. 320 УПК РСФСР.

* * *

Строгая секретность всех данных о деятельности спецсудов лишает нас возможности собрать более полную информацию. Но и приведенных данных достаточно для того, чтобы протестовать против существования и деятельности спецсудов, выражающих существование в нашей стране примата секретности, нарушающих права значительного числа лиц на равенство граждан перед законом.

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЛИЦ, ПЫТАЮЩИХСЯ СОЗДАТЬ НЕЗАВИСИМЫЕ АССОЦИАЦИИ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ. ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ РАБОЧИХ

Лица, пытающиеся создать независимые ассоциации с целью защиты трудовых прав, а также отдельные рабочие, отстаивающие свои права или пытающиеся реализовать их явочным порядком, — подвергаются преследованиям, нередко привлекаются к уголовной ответственности и осуждаются на длительные сроки лишения свободы, часто их помещают в психиатрические больницы, иногда — в больницы-тюрьмы: спецпсихбольницы.

Так, Владимир Клебанов, заявивший в ноябре-декабре 1977 г. об образовании независимого Свободного профсоюза, вскоре после этого был арестован и помещен в психиатрическую больницу. Уже около года он находится в спецпсихбольнице в г. Днепропетровске. Наказаниям и угрозам были подвергнуты и другие лица, заявившие о своей причастности к этой группе (Е. Николаев, Гавриил Яньков и др.).

В ноябре 1978 г. группа представителей заявила западным корреспондентам об образовании Свободного Межпрофессионального Объединения Трудящихся — СМОТ, целью которого является защита трудовых прав и взаимопомощь. Были названы 10 членов Совета представителей СМОТ (кроме того, был назван незадолго до этого арестованный Владимир Сквирский). Представители — члены-основатели СМОТ В. Новодворская, Л. Волохонский, А. Иванченко, Е. Николаев, Н. Никитин и др. — начали подвергаться угрозам и репрессиям, которые осуществлялись непосредственно КГБ или действующими по указанию КГБ сотрудниками МВД, медицинскими работниками, администрацией гражданских учреждений.

Приводим некоторые подробности.

Валерия Новодворская 24 ноября была схвачена сотрудниками КГБ, доставлена в отделение милиции и затем помещена в психиатрическую больницу (Москва, психбольница № 15). До сих пор она находится здесь, в тяжелом отделении. Ей угрожают принудительным лечением и водворением на неопределенно длительное время в спецпсихбольницу ...

Врачи-психиатры допрашивали Новодворскую о СМОТе: кто организатор СМОТ, имеются ли связи с рабочими, каковы политические цели независимых профсоюзов?

Активное участие в аресте Новодворской принимала заведующая библиотекой, где работала Новодворская. Она же за несколько дней до ареста обыскала — в отсутствие Новодворской — ее портфель, яко-

бы обнаружила там самиздатский журнал "Хронику текущих событий" № 49 и сдала в КГБ. Потом провела с Новодворской — "по поручению властей" — "беседу", в которой выражала сожаление, что сейчас не 37-й год, угрожала, что теперь с Новодворской расправятся "теми же методами", которые ей (Новодворской) уже известны: допрашивала о "Хронике".

Валерия Новодворская, 1950 г. рождения, имеет высшее гуманитарное образование (филолог), впервые подверглась репрессиям 9 лет назад. 5 декабря 1969 года она разбрасывала листовки — сочиненные ею стихи, осуждающие ввод советских войск в Чехословакию, за это была арестована и три года находилась в заключении, большую часть времени — в спецпсихбольнице в г. Казани, где подвергалась принудительному "лечению". Диагноз, поставленный ей тогда, — "шизофрения вялотекущая".

Лев Волохонский, 32 лет, окончил 4 курса географического факультета Ленинградского университета, потом работал шофером, лифтером и т.д. Волохонскому через его знакомых угрожают суровыми репрессиями: некоторые знакомые Волохонского вызывались на допросы в КГБ, где им было заявлено, что Волохонский — особо опасный государственный преступник, такой же, как недавно осужденный Александр Гинзбург, однако к последнему власти отнеслись "снисходительно", ему "простили" его "шпионскую" деятельность. Волохонского же власти намерены обвинить в "шпионаже" ... При этом допрашивали о распространении Волохонским книги "Архипелаг ГУЛАг" и другой литературы, "антисоветской" и "идеологически вредной".

Лев Волохонский и Владимир Борисов, находившиеся во время и после заявления об образовании СМОТ в Москве, были задержаны здесь милицией (милиция ворвалась в квартиру), помещены в спецприемник (для бродяг, людей без документов, без жилья и т.п.) и отправлены в Ленинград, где они "прописаны". Здесь за ними тоже была установлена слежка, по-видимому, непрерывная, круглосуточная: за каждым следит — ходит, ездит, стоит у подъезда дома — бригада агентов КГБ, экипированная легковой машиной.

Молодого инженера Александра Иванченко предупредили: он не должен участвовать в деятельности СМОТ, не должен подписывать правозащитные документы; если он не выполнит этого требования, то будет арестован ...; за хорошее поведение обещали дать квартиру (в настоящее время он с двумя маленькими детьми и женой-инвалидом живет в очень плохих жилищных условиях) и хорошую работу. Предупреждение сначала было сделано через отца и сестру А. Иванченко, вызванных для этого в КГБ. Затем в отделение КГБ Бауманского района г. Москвы, прямо с работы, был доставлен сам А. Иванченко. Здесь его продержали несколько часов, угрожали немедленным арестом; с ним беседовали два не назвавших себя сотрудника, потом — подполковник КГБ Лавров. Последний, в частности, разъяснил А. Иванченко, что от него не требуется "ни раскаяния, ни письменных гарантий" — "про-

сто – отойти от СМОТ”, в противном случае – “прокуратура решит, по какой статье сделать” ему (А. Иванченко) “дело”. Подполковник заявил также, что СМОТом руководит ЦРУ (!!).

Евгений Николаев, 1939 г. рождения, окончил географический факультет МГУ и до 1970 г. работал по специальности. Политлот. С 1970 г. подвергался психиатрическим репрессиям – за отказ от участия в так называемых общественных мероприятиях, в соцсоревновании, в субботниках и т.д.

Будучи одним из членов-основателей заявленного В. Клебановым Свободного профсоюза, Е. Николаев в феврале 1978 г. был помещен в психиатрическую больницу (им. Кашенко, в Москве), где находился более полугодом. (Информация о пребывании Е. Николаева в психбольнице и его записи о пребывании там помещены в “Информационном бюллетене” Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях № 12, октябрь 1978 г.)

После заявления об образовании СМОТ Е. Николаеву угрожали пожизненным заключением в психбольнице. На улице к нему подошли милиционер и сотрудник КГБ, тот самый, который в феврале 1978 г. руководил его задержанием и помещением в психбольницу; милиционер сказал Николаеву: “О тебе слишком много говорят по “Голосу Америки” ... Если это будет продолжаться, упечем на всю жизнь, так, что никто не найдет, где ты ...”.

Марк Аронович Морозов, около 50 лет, кандидат математических наук, на квартире которого была проведена пресс-конференция, где было объявлено об образовании СМОТ, через два дня после этого был арестован органами КГБ; по предварительным сведениям ему предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР – “антисоветская агитация и пропаганда”. В настоящее время находится в следственной тюрьме КГБ в Москве (Лефортово).

Через несколько дней после ареста Морозова на его квартире был проведен обыск. Изъяты, в частности, документы СМОТ.

На этой квартире в качестве гостя М. Морозова проживала также член-основатель СМОТ 19-летняя Альбина Якорева с грудным ребенком. После обыска ей было предложено освободить квартиру под угрозой привлечения к уголовной ответственности за нарушение паспортного режима (Якорева у Морозова “не прописана”). Ей пришлось выехать из Москвы.

* * *

Показательна также судьба рабочих, проявивших заинтересованность в создании ассоциаций по защите трудовых прав: Михаила Кукобаки, Эдуарда Кулешова, Евгения Бузинникова, Юрия Валова.

О Е. Бузинникове, 1938 г. рождения, слесаре из г. Светлогорска, арестованном в мае 1978 г. и осужденном на три года лишения свободы в ИТК строгого режима по обвинению в “клевете” на советский строй, сообщается в документе Группы № 70 от декабря 1978 г., а так-

же в Открытом письме Виктора Некипелова, опубликованном в западной прессе. Следует напомнить, что следствие и суд квалифицировали как "преступления" следующее: "размножение" предисловия П. Григоренко к книге Миколы Руденко "Экономические монологи" (Бузинников переписал это предисловие, т.е. "размножил" в одном экземпляре); намерение размножить на обычной пишущей машинке книгу "Экономические монологи" (т.е. намерение сделать несколько копий этой книги); письмо Бузинникова академику А. Сахарову, не достигшее адресата и оказавшееся в архивах КГБ (передано туда 1-м отделом АН СССР); письмо В. Некипелову, также не достигшее адресата, и т.п.

Е. Бузинников, не признавший себя виновным, в настоящее время находится в лагере строгого режима: Свердловская область, ст. Азанка, учреждение И-299/2-1-4.

Михаил Кукобака, 1936 г. рождения, арестован в октябре 1978 г. по обвинению в "клевете" на советский строй, находился в могилевской тюрьме; имеются сведения, что его отправляют на психиатрическую экспертизу в Институт им. Сербского (Москва).

Еще в августе у некоторых знакомых Кукобаки в г. Бобруйске были проведены обыски, изъята литература, якобы принадлежащая Кукобаке, и его письма.

Михаил Кукобака является автором ряда распространенных в Самиздате произведений: "Заметки о Сычевской психбольнице", 1976 г.; статья "Международная разрядка и права человека – неделимы", 1977г.; Открытое письмо министру здравоохранения Петровскому по поводу психиатрических репрессий в СССР, 1977 г.; Открытое письмо председателю КГБ Андропову, 1978 г.; очерк "Украденная родина", 1978 г. и др. Выступая в поддержку заявленного в 1977 г. Свободного профсоюза, М. Кукобака направил в феврале 1978 г. Открытое письмо Л. Брежневу; он приводит там примеры грубого нарушения техники безопасности и других ущемлений прав рабочих, с которыми он сталкивался в своей практике, утверждает, что "государственный профсоюз покрывает злоупотребления властей", и протестует против преследований организаторов Свободного профсоюза, считая, что эти преследования проводятся с целью "запугать наиболее сознательных рабочих, выступающих в защиту своих прав". Подпись М. Кукобаки стоит под многими коллективными правозащитными документами.

Трагическая судьба М. Кукобаки освещается в целом ряде правозащитных документов; он сам рассказывает о себе в некоторых своих очерках. Впервые арестован в 1970 г., обвинен в "клевете" на советский строй, признан психически больным, 6 (шесть) лет провел в заключении, в том числе около трех лет в Сычевской спецпсихбольнице ... Тогда ему инкриминировались такие поступки: выход из профсоюза, открытый отказ участвовать в выборах, субботниках и т.п.; отдельные высказывания в частных разговорах (квалифицированные как "устные измышления"); Открытое письмо английскому писателю (не отправленное).

После освобождения в 1976 г. М. Кукобака, по специальности экскаваторщик, работал грузчиком (на заводе в г. Бобруйске Могилевской области); осенью 1976 и осенью 1977 гг. подвергался насильственной госпитализации в областной психбольнице, первый раз за распространение текста Всеобщей декларации прав человека, второй раз – за отказ снять со стены над койкой в заводском общежитии Всеобщую декларацию, иконку и фотографии Андрея Сахарова и Петра Григоренко. Первое время после выхода из психбольницы в 1977 г. Кукобаке негде было жить (ночевал на вокзале), т.к. по распоряжению директора бобруйского кожкомбината, где работал Кукобака, его выписали из общежития. Только после того как он дал расписку-обещание не "выставлять" Всеобщую декларацию прав человека, фотографии деятелей правозащитного движения и предметы религиозного содержания, Кукобаку прописали и пустили в общежитие. Здесь ему пришлось прожить менее года – до ареста в октябре 1978 г.

Эдуард Кулешов арестован в г. Таганроге 6 декабря 1978 г., обвиняется в "клевете" на советский строй, находится в тюрьме под следствием. У родственников Э. Кулешова в Таганроге произведены обыски, на которых искали книги, машинописные и рукописные тексты.

Э. Кулешову около 40 лет, работал сверловщиком на заводе комбайнов в Таганроге. В 1977-78 гг. подвергался допросам в КГБ по поводу распространения магнитофонных записей книги Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ". По "делу" допрашивалось большое количество людей. В феврале 1977 г. Э. Кулешову было сделано "предупреждение" по Указу от 25 декабря 1972 г.

Письмо Э. Кулешова, где говорится о грубом попрании прав человека в СССР, посланное – по почте – в августе 1978 г. Михаилу Кукобаке, не достигло адресата и, по-видимому, перехвачено госбезопасностью.

Э. Кулешов, которому ранее пришлось отбыть срок заключения в исправительно-трудовых учреждениях, обстоятельно изучил советское уголовное право. Он собрал материал о нарушениях законности и юридических несообразностях процесса Е. Бузинникова и намеревался предать его гласности. Этому помешал арест самого Кулешова.

Юрий Валов, проживающий в г. Тучково Московской области, в конце октября 1978 г. насильственно помещен в психиатрическую больницу.

Ю. Валов, 1938 г. рождения, рабочий, с 1976 г. – вынужденно безработный; инвалид труда 2-й группы (не действует одна рука) с 1961 года. После по существу незаконного увольнения с московского механического завода безрезультатно апеллировал в различные советские инстанции: суды, начиная с районного и кончая Верховным судом РСФСР, прокуратуру, печать ... 7 ноября 1976 г. пытался встретиться с представителем посольства США, был задержан милицией и направлен в московскую областную психбольницу, где находился около 3-х месяцев

и подвергался принудительному лечению. Это была первая психиатрическая репрессия, которой подвергся Ю. Валов.

В последнее время Ю. Валов проявлял большую заинтересованность в создании ассоциации, защищающей трудовые права, в то же время придавал большое значение защите прав человека в СССР. Его подпись стоит под рядом коллективных заявлений в защиту репрессированных членов Группы "Хельсинки".

В октябре 1978 г. Юрий Валов передал Заявление для прессы — "Слово инвалида", в котором он пишет:

... К фактам нарушения прав человека в СССР можно отнести и такие чисто социально-экономические явления:

1. Предельно тяжелое материальное положение низко оплачиваемых категорий рабочих и служащих (а таких десятки миллионов!), получающих заработную плату 60-70 рублей в месяц при самой интенсивной эксплуатации их труда.

...

Подкрепляю эти утверждения фактами собственной биографии:

В 1961 году, 23-х лет от роду, работая на военном заводе в Горьковской области, я стал пожизненным инвалидом труда. В 1962 году я женился на девушке-инвалидке. В 1963 у нас родился сын Валерий, который с 1968 г. также стал пожизненным инвалидом детства (ему выбили глаз на детской площадке) ... Все эти годы мы с женой владели нищенское существование.

...

В 1976 г. меня незаконно уволили, якобы по сокращению штатов, с Московского механического завода ... махинации администрации, замывшей еще одну травму, которую я получил по ее вине в 1975 г., а затем выбросившей меня за ворота завода, надежно защитили и профсоюз, и суды, и прокуроры всех рангов, и Совет Министров СССР, и Президиум Верховного Совета СССР, и даже ЦК КПСС. По этой причине я и стал приверженцем создания в нашей стране как независимых профсоюзов, так и движения по защите прав инвалидов, поскольку существующие в СССР профсоюзные и социальные органы являются организациями декоративными и не выполняют своих функций по защите прав трудящихся.

К фактам гражданской и социально-экономической дискриминации, которой я подвергся в последние годы, отношу следующее:

(Информация о Юрии Валове и полный текст "Слова инвалида" приведены в "Информационном бюллетене" Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях № 13, ноябрь 1978 г.)

* * *

Государство пытается подавить — в самом начале — любые попытки создания независимых ассоциаций для защиты трудовых прав и для легальной борьбы за социальную справедливость.

Мы подчеркиваем, что в приведенных в настоящем документе случаях имеют место грубые нарушения многих положений Всеобщей декларации прав человека, в том числе ст. ст. 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 18, 19, 20 (1) и др., и, соответственно, эти случаи представляют собой примеры полного пренебрежения гуманитарной частью (корзиной) Хельсинкских соглашений.

20 января 1979 г.

Члены Московской Группы "Хельсинки":

Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда, Н. Мейман, В. Некипелов, Т. Осипова, Ю. Ярым-Агаев

ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ИНВАЛИДОВ В СССР — ПОД УГРОЗОЙ РЕПРЕССИЙ

9 марта 1978 г. Московской группой "Хельсинки" был выпущен документ № 38 — о положении в СССР инвалидов труда, детства, случая и общего заболевания, имеющих тяжелые поражения двигательных функций. Вскоре после этого, в мае 1978 г., организовалась, а 25 октября 1978 г. на пресс-конференции в Москве объявила о своем существовании Инициативная группа защиты прав инвалидов в СССР. В нее вошли инвалиды 1 группы Ю. Киселев (Москва), В. Фефелов (г. Юрьев-Польский Владимирской области) и Ф. Хусаинов (г. Чистополь Татарской АССР).

С первых дней Инициативная группа заявила, что существует как легальная общественная организация, не ставящая перед собой никаких других целей кроме объединения инвалидов. В заявлении Группы от 20 мая 1978 г. говорилось, что ее задачами являются сбор и распространение информации о положении инвалидов в СССР, вступление в ходатайства перед компетентными органами СССР об улучшении социального обеспечения инвалидов и только в случае отказа в удовлетворении этих ходатайств — обращение за помощью к международной общественности. Своей главной целью Группа считает создание Всесоюзного общества инвалидов.

Инициативная группа начала выпускать "Информационный бюллетень", в котором публикует свои документы и различные материалы о положении инвалидов. Один из выпусков бюллетеня был послан в адрес органов социального обеспечения с просьбой довести его содержание до сведения Президиума Верховного Совета СССР.

Группой была разработана и распространяется среди инвалидов социологическая анкета. Как показывают результаты (в настоящее время собрано около 70 анкет), все опрошенные единодушно высказываются за создание общества инвалидов, которое существовало бы вне буфаторской опеки органов соцобеспечения, за существенное улучшение социального обслуживания инвалидов в СССР, за издание своего органа печати.

Несмотря на открытую деятельность Инициативной группы, не противоречащую Всеобщей декларации прав человека (ст. 20) и Международному пакту о гражданских и политических правах (ст. 22), власти отнеслись к созданию Группы негативно. Бюллетень, направленный для пересылки высшим органам власти, был передан в КГБ. Вместо того, чтобы выслушать инвалидов, понять их проблемы и вынести по

ним соответствующие решения, власти, кажется, намерены вновь стать на путь запретов и подавления общественной инициативы.

6 декабря 1978 г. на квартиру к одному из членов Инициативной группы В. Фефелову в г. Юрьеве-Польском прибыли представители власти (председатель райисполкома Семенов), органов соцобеспечения (заведующий РайСО Глушенко) и КГБ (полковник Шибаев из Владимирского УКГБ и начальник райотдела УКГБ г. Кольчугино подполковник Коровушкин). Визит повторился 28 декабря 1978 г., при этом вместо предрайисполкома, видимо для большего устрашения, присутствовал председатель Владимирского областного суда.

В. Фефелову было предложено прекратить деятельность Инициативной группы, названную "незаконной" и "антисоветской", а также издание Информационного бюллетеня. Полковник КГБ Шибаев угрожал В. Фефелову принятием тех же мер, что были предприняты против членов общественных групп "Хельсинки" Ю. Орлова, А. Гинзбурга, А. Шаранского, М. Руденко и других. При этом работа Инициативной группы ставилась в зависимость от Московской группы "Хельсинки", также названной "незаконной" и "антисоветской", и были допущены недостойные выпады в адрес членов Группы Е. Боннэр и В. Некипелова.

Одновременно с официальным предупреждением через В. Фефелова усилилось давление на Группу и другими способами. На квартиру к Ю. Киселеву в Москве приходили, также с упреком в "незаконной" деятельности, члены Комитета ветеранов войны СССР. Он стал получать по телефону анонимные угрозы расправиться с ним, а в пос. Планерском на Южном берегу Крыма, где у Ю. Киселева имеется летняя дача-мастерская, власти предприняли попытки конфисковать эту дачу под предлогом незаконной застройки.

Московская группа "Хельсинки" обеспокоена происходящими событиями. Нынешнее "предупреждение" властей Инициативной группе защиты прав инвалидов может означать, что против членов этой группы в самое ближайшее время будут проведены репрессии.

Неужели слежке, обыскам и аресту могут быть подвергнуты даже тяжелые инвалиды — лишь за то, что выступили на защиту своих естественных прав?

Инициативная группа защиты прав инвалидов не является "дочерней" организацией Московской группы "Хельсинки", не входит в ее состав и не направляется ею в своей деятельности. Однако мы сочувственно относимся к работе Инициативной группы, понимаем ее проблемы и будем рассматривать любые репрессии против нее как новое нарушение Советским правительством принятых обязательств по обеспечению своим гражданам необходимых политических, культурных, а в данном случае — и социально-экономических прав, предусмотренных международными документами по правам человека.

25 января 1979 г.

Члены Московской Группы содействия
выполнению Хельсинкских соглашений
в СССР —

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор
Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-
Агаев*

*Документ № 78
(Приложение к док. № 70
от декабря 1978 г.)*

НОВЫЕ РЕПРЕССИИ

Продолжаются репрессии — аресты, суды, суровые приговоры — за правозащитную и религиозно-просветительскую деятельность, за оказание помощи узникам совести.

8 декабря 1978 г. — накануне 30-летия Всеобщей декларации прав человека — в г. Черновцы арестован по обвинению в "клевете" на советский строй Иосиф Зисельс. Находится в тюрьме под следствием.

И. Зисельс, 1946 г. рождения, окончил физический факультет университета, жил с женой и ребенком в г. Черновцы, работал инженером на телестудии. И. Зисельс оказывал безвозмездную юридическую помощь обращающимся к нему рабочим-баптистам, преследуемым за свое вероисповедание; написал ряд заявлений в защиту их попираемых прав; помогал узникам совести, находящимся в тюрьмах, лагерях, ссылке, а также в спецпсихбольницах. Подпись Иосифа Зисельса стоит под многими появившимися в последние годы коллективными правозащитными документами.

Первый обыск И. Зисельс пережил летом 1976 г., изъяты произведения Солженицына и Набокова ("Приглашение на казнь").

В 1977 г. получил "Предупреждение", исходящее от КГБ и подтвержденное прокурором. В феврале 1978 г. был задержан в аэропорту г. Киева, лейтенант МВД произвел "досмотр" — обыск багажа; полковник МВД, потребовав записную книжку, выписал из нее телефоны ... В ноябре 1978 г. на квартире И. Зисельса снова был проведен обыск якобы в связи с делом о распространении порнографии. Порнография у И. Зисельса не обнаружена; в числе изъятых материалов: литература, квалифицируемая, по-видимому, как "антисоветская" и "идеологически вредная" (например, перепечатанные на машинке произведения М. Цветаевой, О. Мандельштама), сведения о политссыльных, об узниках совести, находящихся в спецпсихбольницах, личная переписка с узниками совести и т.д. (Очерк об Иосифе Зисельсе опубликован в газете "Русская мысль", 11 января 1979 г.) Об аресте И. Зисельса сообщается также в Обращении Украинской группы "Хельсинки", датированном 7 ноября — 15 декабря 1978 г.

Александр Огородников арестован в ноябре 1978 г. по обвинению в "паразитическом образе жизни"; или "тунеядстве" (ст. 209 УК РСФСР), осужден на год лишения свободы в лагере общего режима.

Суд состоялся 10 января 1979 г. в г. Канаково Калининской области. Здание суда было окружено милицией и сотрудниками КГБ; в зал суда пустили только отца, мать и жену Огородникова, остальные места были заняты специально ангажированной для этого публикой; приехавшего на суд отца Глеба Якунина в зал суда не пустили. В связи с давней специфической болезнью А. Огородникова – плохая свертываемость крови (болезнь Вель-Гофа) – адвокат требовал медицинской экспертизы для установления трудоспособности Огородникова с участием гематолога. Проведенная – без гематолога – экспертиза установила ограниченную трудоспособность Огородникова: работа без подъема тяжестей.

А. Огородникову около 30 лет, он был студентом института кинематографии, затем рабочим, дворником, вахтером, затем – вынужденно безработным. Исповедовал православие, занимался религиозно-просветительской деятельностью, организовывал и проводил семинары молодежи, на которых рассматривались различные религиозные проблемы.

За свою нескрываемую религиозность, а затем и за семинары подвергался преследованиям: был исключен из института, был уволен с занимаемой им должности дворника; увольняли и из других мест, не мог устроиться на работу; подвергался обыскам, допросам; допросам и обыскам подвергались и его знакомые, участники семинаров и другие; за Огородниковым уже не менее двух-трех лет велась слежка, нередко его задерживали на улице, в метро и т.д. сотрудники КГБ, иногда доставляли в милицию, нередко оскорбляли...

В ряду этих преследований – недавний арест и осуждение за "тунеядство".

Сергей Ермолаев арестован в Москве 10 января 1979 г. по обвинению в "хулиганстве" (?). (Его забрали в метро, когда он оказывал сопротивление гражданам, пытавшимся отвести его в милицию за показавшиеся им политически нелояльными высказывания.) Находится в тюрьме под следствием.

С. Ермолаеву 19 лет, работал слесарем, является студентом-заочником Тартусского университета. Был участником проводимых А. Огородниковым религиозных семинаров; проявлял участие и оказывал посильную дружескую помощь жертвам государственных преследований; подпись Сергея Ермолаева стоит под многими появившимися в последние два года коллективными правозащитными документами.

В течение не менее года подвергается преследованиям. Так, в феврале 1978 г. его задержали в московском метро, доставили в милицию и подвергли "досмотру" – обыску его личные вещи, изъяли "Вестник русского христианского движения" и книгу Солженицына "Бодялся теленок с дубом". В мае 1978 г., во время суда над Юрием Орловым, С. Ермолаев был задержан возле здания суда и осужден – по "Указу" – на 15 суток заключения.

В ноябре 1978 г. заведено "дело" на Василя Овсиенко, село Ленино Житомирской области. Насколько известно, его намереваются обвинить в "сопротивлении власти" (?).

Василь Овсиенко, бывший политзаключенный, отбыл 4-летний срок лишения свободы в лагере строгого режима, в Мордовских политлагерях. После освобождения в 1976 г. над ним был установлен административный надзор – гласный надзор милиции, который продолжается до сих пор и налагает на него ряд ограничений, в частности, лишает права покидать пункт проживания (село Ленино).

В. Овсиенко поддерживал дружескую связь с членами Украинской группы "Хельсинки". 19 ноября, когда его навестили член этой группы О. Мешко и ее знакомая, власти – сотрудники милиции и госбезопасности – задержали Овсиенко и его гостей, мирно направлявшихся к автобусу, доставили всех в сельсовет и подвергли там обыскам и допросам. После этого на Овсиенко заведено "дело" ...

1 декабря 1978 г. Верховный суд Армянской ССР вынес приговор арестованному 22 декабря 1977 г. Роберту Назаряну: 5 (пять) лет лишения свободы в исправительно-трудовой колонии (лагере) строгого режима и 2 года ссылки. Р. Назарян, 1948 г. рождения, окончил физический факультет Ереванского университета, затем окончил духовную семинарию, получил сан дьякона (прослужил недолго), работал физиком, потом инженером; несколько раз подвергался увольнению, по-видимому, по политическим мотивам, член заявившей о своем образовании в апреле 1977 г. Армянской группы "Хельсинки". Осужден по обвинению в "антисоветской агитации и пропаганде".

29 января 1979 г. в г. Ташкенте должен был начаться суд над арестованным в марте 1978 г. Владимиром Шелковым, 84 лет (!!!). Владимир Шелков принадлежит к Церкви Адвентистов, за верность своей религии отбыл около 30 лет в тюрьмах и лагерях. В течение ряда лет, до момента ареста в марте 1978 г., являлся главой неофициально существующей в СССР Церкви Верных адвентистов седьмого дня. Ему приходилось скрываться от охотившихся за ним властей. Владимир Шелков придавал большое значение религиозно-просветительской деятельности. Руководимая им Церковь, несмотря на постоянные жестокие преследования, осуществила издание большого количества религиозной и правозащитной литературы. Шелков является автором ряда книг, в их числе "Правовая борьба с диктатурой госатеизма".

Суд отложен на месяц.

О некоторых репрессиях, имевших место в октябре-декабре 1978 г. – насильственное помещение в психбольницу В. Новодворской и Ю. Валола, арест М. Морозова, Э. Кулешова и М. Кукобаки, – сообщается в документе Группы № 76 от 20 января 1979 г. "Преследование лиц, пытающихся создать независимые ассоциации для защиты трудовых прав. Преследования отдельных рабочих".

Группа имеет сведения далеко не обо всех случаях противоправных репрессий. Однако даже эта неполная информация свидетельству-

ет о продолжающихся вопиющих нарушениях прав человека в Совет -
ском Союзе и о принципиальном игнорировании правительством СССР
гуманитарной части Хельсинкских соглашений.

30 января 1979 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*С. Каллистратова, М. Ланда,
Н. Мейман, В. Некипелов,
Т. Осипова, Ю. Ярым-Агаев*

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ГРУПП "ХЕЛЬСИНКИ"

3/II-77 г. арестом Александра Гинзбурга власти СССР начали новый этап преследований членов групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

До этого в Москве, Киеве, Вильнюсе, Тбилиси, Ереване были обыски, допросы, слежки, угрозы. Ровно два года тому назад начались аресты членов групп.

3/II-1977 г.	был арестован Александр Гинзбург (Москва).
4/II-1977 г.	— Олекса Тихий (Украина).
5/II-1977 г.	— Микола Руденко (Украина).
10/II-1977 г.	— Юрий Орлов (Москва).
15/III-1977 г.	— Анатолий Шаранский (Москва).
7/IV-1977 г.	— Мераб Костава (Тбилиси).
7/IV-1977 г.	— Звиад Гамсахурдиа (Тбилиси).
13/IV-1977 г.	— Микола Матусевич (Украина).
26/IV-1977 г.	— Мирослав Маринович (Украина).
21/VIII-1977 г.	— Викторас Пяткус (Литва).
12/ XII-1977 г.	— Левко Лукьяненко (Украина).
22/XII-1977 г.	-- Шаген Арутюнян (Армения).
22/XII-1977 г.	— Роберт Назарян (Армения).
15/II-1978 г.	— Петр Винс (Украина).
20/III-1978 г.	— Григорий Гольдштейн (Тбилиси).
1/VI-1978 г.	— Владимир Слепак (Москва).
5/VII-1977 г.	была отправлена в ссылку Мальва Ланда (Москва).

Кроме того были арестованы члены Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, работающей в тесном контакте с Московской группой "Хельсинки":

22/VIII-1977 г.	— Феликс Серебров (Москва).
14/V-1978 г.	— Александр Подрабинец (Москва).

Судьба всех этих мужественных правозащитников достаточно широко известна. Все они были осуждены по политическим или искусственно созданным уголовным делам и почти все и сегодня томятся в тюрьмах и лагерях Архипелага ГУЛАГ.

Слепак и Подрабинец отбывают ссылку в далекой Сибири. Инженер Слепак работает кочегаром; фельдшеру Подрабинецу до сих пор не предоставлена работа по специальности.

Возвратилась из ссылки Мальва Ланда. Освобожден по отбытию наказания Феликс Серебров. Они вновь включились в правозащитную деятельность.

Сломленный длительным следствием и "раскаявшийся" Гамсахурдиа отбывает ссылку ("льготную") в Дагестане.

По далеко неполным сведениям большинство заключенных членов групп содействия "Хельсинки" подвергаются преследованиям и репрессиям в местах заключения.

Вот некоторые примеры:

Юрий Орлов, 54 года, в Пермском лагере строгого режима, несмотря на свой возраст и подорванное здоровье, поставлен на тяжелую для него работу слесаря, с непосильной для него нормой выработки. По незначительным поводам он подвергается взысканиям (например, за то, что написал свою фамилию пальцем на пыльном стекле). Невыполнение нормы и взыскания грозят ему штрафным изолятором или внутрилагерной тюрьмой. Орлова лишают возможности продолжать свою научную работу. У него изымают записи научного характера, лишают возможности иметь чистую бумагу и т.д. Письма от друзей зачастую конфискуются. Ни писем, ни научных журналов, посланных физиками Швейцарского Центра, Орлов не получил.

Анатолию Шаранскому, находящемуся в Чистопольской тюрьме, не вручается большая часть адресованных ему писем. Он лишен возможности очередного свидания с матерью и братом.

От Олексы Тихого, содержащегося в Мордовском лагере особого режима, уже около года нет писем. Его состояние и положение в настоящее время неизвестны.

Александр Гинзбург, содержащийся в Мордовском лагере особого режима, несмотря на тяжелое состояние здоровья, выполняет работу шлифовальщика во вредном цехе (шлифовка искусственного хрусталя). Часть писем, адресованных Гинзбургу, "не доходит"; декабрьское письмо его к жене "пропало". (Напоминаем: ему разрешено только одно письмо в месяц.)

Григорий Гольдштейн, отбывающий наказание в Архангельской области, перенес тяжелое рожистое воспаление. В начале ему вообще отказывали в медицинской помощи, потом после 4-дневного лечения, не выздоровевшего, отправили на тяжелые наружные работы.

Левко Лукьяненко, отбывающий наказание в Мордовском лагере особого режима, тяжело больной человек. Посланные для него бандероли с необходимыми ему лекарствами возвращены обратно; многие письма, адресованные ему, в том числе и письма от жены, не вручены. Несмотря на тяжелое состояние здоровья, он вынужден работать в лагере, причем его заработок не достигает 20 руб. в месяц.

Руденко, отбывающий наказание в Мордовском лагере строгого режима, тяжелый инвалид войны (имеет ранение позвоночника); несмотря на частые сильные боли, не освобожден от работы. Писателю Руденко фактически запрещено заниматься творческой работой, так как у него при обысках в лагере изымают рукописи.

Репрессированные члены групп "Хельсинки", несмотря на тяжелые условия, духовно не сломлены. Они, как и прежде, считают себя членами

групп содействия и продолжают свою правозащитную деятельность, поскольку она возможна в условиях заключения. В частности, Юрий Орлов заявил администрации, что он считает себя представителем Московской группы "Хельсинки" в местах заключения. Александр Гинзбург просит ставить его подпись под общими документами Группы.

Массовость и суровость репрессий в отношении членов всех 5-ти групп "Хельсинки" показывает неприкрытое стремление властей СССР разгромить и полностью подавить эту форму правозащитного движения.

Однако группы существуют и продолжают работать.

В частности, Московская группа за истекшие два года, продолжая работу в прежнем направлении, обнародовала более 50-ти документов и обращений по следующим темам:

- а) Общие вопросы защиты прав человека и гражданина;
- б) Репрессии и неправоосудное осуждение правозащитников;
- в) Бесчеловечные условия содержания политзаключенных;
- г) Нарушения прав верующих;
- д) Нарушения прав национальных меньшинств;
- е) Нарушения прав на свободный выезд из страны и свободное возвращение в свою страну;
- ж) Тяжелое экономическое и социальное положение некоторых категорий граждан.

Продолжает активную деятельность и Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях.

Отмечая трагический юбилей начала массовых арестов членов групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, мы призываем всех, кому дорога свобода и независимость мысли и слова, расширить правозащитную деятельность в меру своих сил и возможностей.

1 февраля 1979 г.

Члены Московской Группы содействия выполнению
Хельсинкских соглашений в СССР:

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ВРАЧА СЕМЕНА ГЛУЗМАНА

"Эмнисти Интернейшнл" объявила 1978 г. — годом Семена Глузмана, осужденного в 1972 г. в Киеве на 7 лет лагерей строгого режима с последующими тремя годами ссылки. Официально Глузман был осужден за хранение и распространение Самиздата, но жестокость приговора подтверждает, что действительной причиной расправы с Глузманом явилось то, что он был первым врачом-психиатром, разоблачившим использование психиатрии в СССР для заключения диссидентов в психушки.

Как бы в ответ "Эмнисти Интернейшнл" в защиту Семена Глузмана, власти ужесточили условия его заключения, и в мае 1978 г. он вынужден был объявить смертельно опасную сухую голодовку, а 15-го июня он был помещен на 6 месяцев во внутрилагерную тюрьму — так называемое ПКТ (помещение камерного типа): это сырые холодные помещения, со сниженными и так голодными нормами питания. Через 6 месяцев в ПКТ многих заключенных приходится выносить — идти самостоятельно они не в силах.

15-го декабря Глузман вышел из ПКТ, а уже 25-го декабря его лишили очередного свидания с отцом, лишили права на получение продуктовой посылки и почтовых бандеролей.

8 января 1979 г. его до конца лагерного срока, т.е. на 4 месяца, вновь поместили в ПКТ. Здоровье Глузмана уже давно подорвано многолетним пребыванием в лагере. Повторное длительное пребывание в ПКТ неизбежно превратит Семена Глузмана в инвалида, а возможно приведет к его гибели.

Летом Семен Глузман перенес приступ тяжелого нарушения мозгового кровообращения.

1 февраля 1979 г.

Члены Московской Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:

*Софья Калистратова, Мальва
Ланда, Наум Мейман, Виктор
Некипелов, Татьяна Осипова,
Юрий Ярым-Агаев*

Присоединяются:

Николаев Евгений, Заочная Тьян, Елистратов Виктор, Елистратова Батшева, Цырлин Евгений, Цырлина Галина, Чернобыльский Борис, Чернобыльская Елена, Хасин Геннадий, Хасина Наталья, Черкасский Владимир, Черкасская Людмила, Гудзь Игорь, Рахленко Яков, Белкина Виня, Кремень Михаил, Кремень Галина, Лернер Александр, Мильгром Ида, Шаранский Леонид, Шаранская Рая, Великанова Татьяна

ЗАЯВЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ КАЗНИ СТЕПАНА ЗАТИКЯНА И ДВУХ ДРУГИХ НЕНАЗВАННЫХ ЛИЦ

Приведен в исполнение смертный приговор трем молодым людям, вынесенный в неизвестном месте в неизвестный день в обстановке полной тайны и секретности Судебной коллегией Верховного Суда СССР. Случай беспрецедентный в судебной практике, но указана фамилия лишь одного из приговоренных к смерти, фамилии двух других даже не названы.

Все трое приговорены к смерти по обвинению во взрыве в Московском метро с человеческими жертвами в январе 1977 года. Невозможно понять, почему процесс по такому обвинению понадобилось проводить в полной тайне, не известив даже самых близких родственников обвиняемых. Ведь взрыв в метро вызвал всеобщее возмущение, и убедительное доказательство вины обвиняемых, если только обвинение располагало такими доказательствами, содействовало бы всеобщему осуждению преступников.

Отсутствие гласности и вся обстановка секретности дают основания сомневаться в обоснованности обвинения, в объективности и беспристрастности суда. Ряд лиц, например, утверждает, что С. Затикян вообще не был в Москве в момент взрыва.

Является ли такой суд судом в общепринятом значении этого слова?

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:

Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев

Присоединяемся:

Татьяна Великанова, Евгений Николаев, Тьян Заочная, Виктор Елистратов, Леонид Щаранский, Ю. Закс, Лавут, Ирина Орлова, Ирина Жолковская (Гинзбург), Александр Орлов, Римма Якир, Мария Петренко-Подъяпольская

1 февраля 1979 г.

ЕЩЕ ОДНА ВОЛНА РЕПРЕССИЙ

Грубое нарушение свобод и прав человека на Украине, в Ленинграде, в Москве, в Ташкенте

6 марта арестован Олесь Бердник, писатель, член-основатель Украинской группы "Хельсинки". 6-го днем он вышел из дома и исчез; только 12-го его жене, наконец, сказали, что он арестован ... 7-го утром на квартире О. Бердника был проведен обыск.

6 марта, примерно в 6 часов вечера, была начата серия обысков на Украине, в Ленинграде и в Москве.

На Украине КГБ провел не менее 9 обысков ("по делу № 2") на квартирах членов Украинской группы "Хельсинки" — у О. Бердника, О. Мешко (Киев), Петра и Василия Сичко и Василия Стрельцова (Ивано-Франковская область, г. Долина), у жены находящегося в заключении руководителя Группы М. Руденко Райсы Руденко (Киев), а также на квартирах у Павло Стокательного, Владимира Малиновича (Киев), Юрия Литвина (Киевская область, село Барахты), Михаила Мельника (Киевская область, село Погребы).

Изымались документы Хельсинкской группы; литература художественная и философская, поэзия; личные записи и т.д.; Библия.

Так, на обыске у Павло Стокательного (муж Надии Светличной, бывшей политзаключенной, подвергавшейся после освобождения жестоким преследованиям и эмигрировавшей осенью 1978 г. в США) были изъяты Библия, Евангелие, книги по истории, сборники стихов поэтов Василия Стуса, Ирины Стасив-Калинец, Ивана Сокульского (машинописные тексты), копия приговора бывшего политзаключенного Миколы Горбала, квитанции почтовых отправок и др.

На вопрос, на каком основании забирают приговор, ответили: "Горбаль не имел права иметь его на руках" (!). По поводу Библии, изданной Московской Патриархией, сказали: "Она в магазинах не продается, значит, нет права ее иметь" (!).

На обыске у В. Малиновича (врач) изъяли две Библии — его и его жены; фотографии Солженицына, Гроссмана, Мандельштама, Александра Гинзбурга; книгу русского философа В. Соловьева "Духовные основы жизни"; сделанные на множительных аппаратах копии произведений Цветаевой, Мандельштама и др.

У Юрия Литвина (бывший политзаключенный) изъяты его стихи и документы правозащитного движения.

Михаил Мельник (38 лет, историк и поэт, последние 2 года работал сторожем) 16 февраля адресовал в редакции газет "Радянська Україна" и "Молодь України" заявление в защиту осужденного 8-го февра-

ля Василя Овсиенко (осужденного по сфальсифицированному обвинению в "сопротивлении власти"). М. Мельник пишет: "Не может не беспокоить тот факт, что на Украине практически каждый человек, который отбыл наказание по ст. 62 ч. 1 УК УССР (=ст. 70 УК РСФСР), через короткий срок (1-3 года) вынужден либо эмигрировать, либо снова оказаться в тюрьме".

У М. Мельника изъяты его труды по истории и документы правозащитного движения.

После обыска Михаил Мельник покончил с собой (отравился большой дозой снотворного).

Многих уже вызывали на допросы. Вопросы, в частности, касаются О. Бердника.

На допросе Райсы Руденко речь шла в основном о ее муже. Ей – в который уже раз! – настойчиво предлагали уговорить мужа "покаяться", "советовали" – "отказаться от всякой помощи, от контактов с москвичами" ...

* * *

6 марта в Харькове были арестованы два баптиста – братья Чех. Была задержана и обыскана их личная легковая машина; обнаружено и изъято 1,5 тысячи экземпляров неподцензурного периодического издания "Вестник ЕХБ".

12 марта по этому "делу" проведены обыски, в частности, обыск в доме Винсов (Киев). Изъято большое количество религиозной литературы.

* * *

В Ленинграде и в Москве 6 марта было проведено 5 обысков – у ленинградца Сергея Дедюлина и его знакомых, у двоих в Москве и двоих в Ленинграде. По поручению Московской прокуратуры обыски производились КГБ по "делу № 46012/18-76". (По "делу" с таким же номером были проведены обыски в 1976-77 гг., в том числе у руководителя Московской группы "Хельсинки" Ю. Орлова; в январе 1979 г. – у членов редакции неподцензурного журнала "Поиски").

У С. Дедюлина изъят исключительно ценный уникальный архив: библиографический словарь деятелей общественного движения в СССР в 1950-1970 гг.; библиографические материалы к истории партийных и правительственных органов СССР и других стран социализма; картотека к персоналиям репрессированных писателей, деятелей культуры, ученых; библиография "Советская печать об А.И. Солженицыне" и др. Изъяты также уникальные и являющиеся библиографической редкостью сборники стихов, литературоведческие материалы, воспоминания (изданная и неизданная литература), подобранные по темам или по авторам вырезки из периодических изданий, записи лекций и т.п.

* * *

12 марта в Ленинграде был произведен обыск у Льва Волохонского, члена Совета представителей созданного несколько месяцев назад Свободного межпрофессионального объединения трудящихся. Изъяты документы СМОГ. (О преследованиях учредителей СМОТ см. также наш документ № 76.) Обыск был проведен в отсутствие Л. Волохонского; он в это время был задержан на улице и доставлен на допрос.

Вызывается на следующий допрос — по изъятым на обыске материалам.

* * *

6 марта в Ташкенте осужден на 4 года ссылки — "за нарушение правил надзора" — борец за права крымско-татарского народа Мустафа Джемилев. Суд проходил с грубейшими нарушениями юридических норм: не было адвоката, не было родных Мустафы, не было на суде и самого подсудимого. Процесс был проведен 6-го, хотя родным Мустафы, а через них и адвокату было сообщено, что суд состоится после 10-го. С момента ареста, 8 февраля, Мустафа — протестуя против вопиющего произвола — держит голодовку.

* * *

12 марта в Ташкенте начался суд над обвиняемыми в "клевете" на советский строй пятью членами Всесоюзной Церкви Верных Адвентистов Седьмого Дня, в числе которых глава этой церкви 84-летний Владимир Шелков (см. также док. № 78).

Приехавший на этот суд лауреат Нобелевской премии Мира академик Сахаров в зал суда допущен не был.

* * *

Считаем необходимым обратить внимание глав правительств государств, подписавших Хельсинкский Акт, и мировой общественности на то, что новая волна репрессий демонстрирует — еще и еще — намерение властей СССР нарушать ими же подписанный Хельсинкский Акт.

15 марта 1979 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

С. Каллистратова, М. Ланда, Н. Мейман, В. Некипелов, Т. Осипова

СУД НАД ИОСИФОМ ЗИСЕЛЬСОМ

5 апреля 1979 г. в г. Черновцы закончился суд над Иосифом Зисельсом. Приговор — три года лагерей усиленного режима — максимальное наказание, предусмотренное ст. 187-1 УК УССР (соответствует ст. 190-1 УК РСФСР): распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

Зисельс был арестован 8 декабря 1978 года и в течение четырех месяцев находился под следствием. На суде он заявил, что в процессе предварительного следствия было нарушено около 30 статей УПК. Не были вызваны свидетели. Не были проведены экспертизы, о которых он ходатайствовал. Зисельсу инкриминировалось хранение с целью распространения произведений Солженицына, Амальрика, писем в защиту Подрабиника, Гинзбурга, Орлова, Шаранского, Пяткуса; бюллетеней Рабочей комиссии по расследованию злоупотреблений психиатрией в политических целях; картотеки на 77 заключенных СПБ.

Суд проходил фактически при закрытых дверях. В зал суда была допущена лишь жена Иосифа Ирена. После заседания ее обыскали и изъяли все записи процесса. Большинство знакомых, пришедших к зданию суда, были на несколько часов задержаны милицией. П.А. Подрабинек, прибывший специально на суд из Москвы, был насильно отправлен обратно самолетом.

Все ходатайства Зисельса были отклонены, в том числе и отвод составу суда. Своей вины Зисельс не признал и заявил, что факт распространения им литературы не доказан. Большинство свидетелей, допрошенных в ходе предварительного следствия, на суд вызваны не были, несмотря на требования подсудимого. В ходе допроса вызванных свидетелей были опровергнуты многие пункты обвинения. Несмотря на это, они вошли в речь прокурора Коцюрбы, который потребовал максимального наказания — трех лет лагерей усиленного режима.

Адвокат Немеринская потребовала оправдания Зисельса.

5 апреля районный суд г. Черновцы под председательством судьи Ищенко приговорил Иосифа Зисельса к трем годам лишения свободы в лагере усиленного режима.

Еще до вынесения приговора в своем последнем слове Иосиф заявил, что считает суд заведомо предвзятым. Он сказал, что предварительное следствие и суд проведены необъективно и не дали ему возможности доказать свою невиновность. Далее он сказал: "Мне 32 года. Я выбрал к этому времени свой путь в жизни. Это противостояние лжи и насилию. Я недавно встал на этот путь и сделал по нему всего несколько шагов, но я счастлив тем, что мой выбор сделан и он именно таков.

Где бы я ни был, везде возле меня будут люди, нуждающиеся в слове правды”.

Мы обращаем внимание на очередное грубое нарушение прав человека – осуждение Зисельса за его убеждения и благотворительную деятельность. Мы в очередной раз указываем на необходимость отмены статьи 190-1 УК РСФСР (и соответствующих статей УК других республик), которая фактически используется для подавления свободы убеждений, права на сбор и распространение информации.

Практика применения этой статьи неминуемо связана с грубыми нарушениями процессуальных норм, с полной зависимостью суда и следствия от КГБ, с нарушением гласности судопроизводства, с нарушением права на защиту и т.д.

Иосиф Зисельс осужден необоснованно и должен быть немедленно освобожден.

5 апреля 1979 г.

Члены Московской группы “Хельсинки”:

*Софья Каллистратова, Мальва Ланда,
Наум Мейман, Виктор Некипелов,
Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев*

К заявлению Группы присоединяемся:

*Ирена Зисельс, Семен Зисельс, Татьяна Великанова, Вячеслав Бахмин,
Петр Винс, Владимир Малинкович,
Марина Потоцкая, Ирина Гривнина,
Раиса Руденко*

Петр Винс, начиная с конца 1977 г., подвергается непрерывным преследованиям КГБ чисто уголовного характера. В декабре 1977 г. агенты КГБ избили Петра Винса на вокзале в Киеве, а затем осудили на 15 суток за хулиганство, но держали его в заключении в течение месяца.

После освобождения из этого заключения Петра Винса осудили на год лагерей по обвинению в так называемом паразитизме. В лагере его неоднократно избивали.

Петра Винса осудили, когда он оформлял документы для эмиграции в Канаду. По освобождении из лагеря он пытался встретиться с представителем консульства США в Киеве, который должен был передать ему вызов в Канаду. Агенты КГБ чисто бандитским нападением, описанном в прилагаемом заявлении Винса, не дали возможности встретиться.

Мы выражаем тревогу по поводу положения Петра Винса и призываем мировую общественность взять его под свою защиту.

14 апреля 1979 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Софья Каллистратова, Мальва Ланда,
Наум Мейман, Виктор Некипелов,
Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев*

Приложение

Главам государств, подписавших Хельсинское соглашение

*Генеральному Прокурору СССР Руденко
от члена Украинской Хельсинкской
группы Петра Винса*

23 марта 1979 года я, вместе с мамой, шел в консульство США для оформления эмиграционных документов. Не доходя сто метров до консульства США, на углу улиц Саксаганского и Горького, нас остановили неизвестные люди и предложили мне пройти с ними. Я попросил их предъявить документы и объяснить причину моего задержания. Двое мужчин, одинаково одетых, закрутили мне руки и повели по улице. Мама начала звать прохожих на помощь. Люди, находившиеся возле нас, выражали свое возмущение поведением молодчиков и пытались помочь нам. К тротуару подъехала легковая машина "ГАЗ-24" номер "21-20 КИТ". Вышедший из машины мужчина закрутил маме руки, оторвав

от меня. Меня в это время кинули в машину, один из неизвестных держал меня за горло.

Привезли меня в лес, за 25 километров от Киева, в направлении Бориспольского аэропорта. Из машины вышел один из сотрудников КГБ, лет 50-ти, атлетического телосложения, и предложил мне пройти с ним. Я потребовал, чтобы он предъявил документы или назвал себя, что он категорически отказался сделать.

"Послушайте внимательно, что я уполномочен вам сказать, — обратился он ко мне. — Вы отсидели в лагере год. Но это вам не пошло на пользу. Пора стать мужчиной. Игру, которую вы ведете, мы вам не простим. У нас к вам два требования: 1) прекратите собирать у себя киевскую диссидентскую шваль, 2) прекратите свои контакты с Суорцем. Вы поставляете ему враждебную информацию и враждебные материалы. Если вы нас не слушаете, мы будем вынуждены убрать вас. На Западе вы нужны живой, а не мертвый, мертвого вас там скоро забудут. Вы же понимаете, Петр Георгиевич, политика есть политика, тем более что вы политикой занимаетесь. Вы и ваша семья хотите эмигрировать. Поезжайте в канадское посольство в Москву и там решайте вопрос выезда. А консульство США в Киеве не имеет права заниматься вопросом эмиграции вашей семьи в Канаду. Коли на вас вышесказанное не подействует, мы побеседуем на эту тему с вашей мамой. Можете маме рассказать о нашем разговоре, чтобы она не волновалась".

И, оставив меня в лесу, они уехали. Это все происходило от 11.50 до 13.40.

Я вернулся в Киев в 13.40 и позвонил в консульство США.

Секретарь консульства Дэвид Суорц предложил мне встретиться в парке Шевченко в 14.50. Я согласился. На месте встречи меня ждала машина "ГАЗ-24" номер "21-20 КИТ". Вышедшие из машины двое мужчин, которые в 12 часов оторвали меня от мамы и посадили в машину, закрутили мне руки и толкнули в стоящую машину. Отвезли меня от Киева на 60 км в поле. Вывели из машины. Худощавый мужчина с горбинкой на носу дважды кинул меня на землю, толкая в грудь руками и делая подножки, при этом он размахивал руками и ногами у моего лица и выкрикивал угрозы. Оставив меня в поле, они уехали. В город добрался в 19.40.

В этот же день вечером в 21.30 кто-то стрелял у нашего дома. В воскресенье 25 марта я пошел в лес с собакой погулять. Меня сопровождали семеро не знакомых мне мужчин на расстоянии 50 метров. За время короткой прогулки — 8-10 минут — они стреляли в воздух пять раз. 26 марта наш знакомый В.Д. Малинкович услышал днем выстрелы на нашей улице и пришел к нам узнать, не случилось ли что-нибудь с нами. При выходе из нашего дома неизвестный молодой человек с расстояния полметра сфотографировал его.

27 марта 1979 г. я возвращался домой в 20.20. Возле продовольственного магазина, на расстоянии 250 метров от моего дома ко мне подбежал парень лет 30, атлетического телосложения, и попросил двухко-

печную монету. Он был сильно взволнован и постоянно оглядывался. В это время со стороны дороги подбежал еще один неизвестный мужчина, который дважды отвозил меня за город 23 марта, угрожал и толкал в грязь. Сзади меня ударили чем-то мягким по голове, я упал, потеряв сознание. Подтащив меня на проезжую часть улицы, трое мужчин начали избивать меня ногами, дубинками, металлическими предметами, дважды пробили ногу ножом.

Шедшие по улице люди бросились ко мне на помощь. Подхватив мою сумку и шапку, трое мужчин сели в машину и уехали.

Я полагаю, что шантаж и насилие со стороны КГБ являются попыткой заставить меня, члена Украинской Хельсинкской группы, отказаться от правозащитной деятельности, отказаться от деятельности, направленной на содействие выполнению Хельсинкского Соглашения в Советском Союзе.

Но КГБ никакими методами насилия не удастся сломить участников правозащитного движения в нашей стране. Я и впредь буду выполнять обязанности члена Украинской общественной группы содействия выполнению Хельсинкского соглашения.

29 марта 1979 г.

Петр Винс

НАРУШЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СССР. ПРАВО НА ТРУД.

Советская государственная пропаганда настойчиво уверяет, что так называемые социально-экономические права человека имеют главенствующее значение перед правами гражданскими и политическими.

При этом утверждается, что в СССР, в отличие от стран "свободного мира", социально-экономические права полностью обеспечены. Этот пропагандный шквал, достигая Запада, создает впечатление об СССР как об обществе всеобщего благоденствия, в котором построен так называемый "развитой социализм" и осуществляется принцип высшей социальной справедливости: "от каждого по его способностям, каждому — по его труду".

Главным доказательством всеобщего благополучия в обществе является отсутствие в стране безработицы. Однако все эти заверения есть не что иное, как пропагандистский камуфляж. На самом деле право на труд, на благоприятные условия труда и на справедливое за него вознаграждение — далеко от повсеместного обеспечения. Все 4 пункта ст. 23 Всеобщей декларации прав человека — не выполняются.

Заработная плата рабочих и служащих крайне низка. Официально называемая средняя заработная плата по стране, 161 рубль в месяц, — есть величина статистическая, но даже она, при нынешнем уровне инфляции и росте цен, едва ли обеспечивает то, что следует называть "достойным человека существованием". Что же говорить о минимуме заработной платы, составляющем 70, а в отдельных районах 60 рублей в месяц? О низком уровне зарплаты говорит тот факт, что в советской семье, как правило, вынуждены работать все ее взрослые члены, включая часто пенсионеров по старости. О том же свидетельствует и такое широко распространенное явление как "шабашки" и хищение с предприятий. Уходит рабочий с молочного завода — выносит масло, сливки; со спиртового — фляжку спирта; с лесоперерабатывающего — доску. Ситуация, в которой рабочие вынуждены "добирать" таким образом то, чего не додает им государство, порождает серьезную моральную проблему, вызывая у рабочих чувство душевного разлада, способствуя распространению в обществе лжи и лицемерия.

Следует сказать, что видимый достаток, которым обладает какой-то процент рабочих семей, довольно часто создается именно за счет нетрудовых доходов. Уровень "чистой" заработной платы подавляющего большинства рабочих и служащих в СССР таков, что позволяет лишь

еле-еле сводить концы с концами. Это является, пожалуй, главной причиной снижения в стране роста народонаселения.

В СССР существует произвол в заработной плате. Непомерно велик разрыв между минимальной зарплатой, которую получает значительная часть населения, и максимальной заработной платой у отдельных групп (высшие партийные и государственные работники, генералитет, академики и др.). Эта зарплата может быть в 10-20 и более раз выше минимума.

Неоправдана разница в заработной плате у рабочих различных отраслей и министерств. Практикуется разная оплата за равный труд в центре и на периферии. Например, расценки на ткацких фабриках в Московской области значительно выше, чем в соседних с нею Владимирской и Ивановской областях, хотя нормы выработки — ниже. Особой привилегией пользуется Москва, где зарплата отдельных категорий рабочих и служащих намного выше, чем в провинции.

Неравенство в заработной плате увеличивается за счет неудовлетворительного снабжения периферии продуктами питания. Если москвич покупает основные продукты в государственной торговле, то житель провинции вынужден приобретать их на местном рынке втридорога и далеко не в таком ассортименте. Все это ведет к развитию у населения чувства естественной зависти и антагонизма по отношению к жителям "коммунистического города" Москвы.

Наиболее низко оплачиваются рабочие непроизводственной сферы, служащие государственных учреждений, работники службы быта, торговли, медицины, просвещения, культуры. Не обеспечивают "достойного существования" пенсии, выплачиваемые по старости, инвалидности, в случае потери кормильца.

В стране существует, хотя это слово никогда не произносится вслух, подлинная бедность значительной части населения. Точное число семей, которые следовало бы назвать бедными, не поддается учету, поскольку порог бедности в СССР официально не определен. Прожиточным минимумом полуофициально считается 50 рублей на человека в месяц (если исходить из того, что только в таких семьях, где доход на каждого члена ниже 50 рублей в месяц, назначается дополнительное пособие в размере 12 рублей на каждого ребенка до 8 лет), хотя фактически эта сумма не порог бедности, а порог нищеты. Далеко ниже этого порога живут отдельные многодетные семьи, пенсионеры, матери-одиночки.

В СССР распространена и, мало того, пользуется популярностью у рабочих, поскольку им кажется, что только здесь, в отличие от почасовой оплаты, они могут заработать, — система сдельной оплаты труда, которая в развитых странах давно уже дискредитирована как "потогонная" и с которой активно борются западные профсоюзы.

На советских предприятиях, может быть, за немногим исключением в виде предприятий особо важного значения, оборонных и т.н. "образцово-показательных", — плохая организация труда, низкий уровень са-

нитарно-гигиенических условий и техники безопасности, высокий производственный травматизм. При этом случаи производственных травм скрываются администрацией, акты о них составляются неохотно, администрация идет даже на то, что выставляет пострадавшему "рабочие часы", лишь бы не числить его травмированным по вине производства.

На многих участках (строительные, дорожные работы и др.) применяется тяжелый физический труд, на который по причине низкой оплаты и "не престижности" работы идут в основном женщины.

Женщины с носилками для бетона на строительных лесах, женщины в оранжевой униформе с лопатами и с ломом в руках на полотне железной дороги — одна из безобразнейших картин советской действительности.

На советских предприятиях грубо нарушается трудовое законодательство. Широко практикуется, особенно в дни авралов по "вытягиванию" плана, скрытая, не регистрируемая сверхурочная работа, чем нарушается закон о длительности рабочей недели. Эти переработки часто не оплачиваются, поскольку рабочие вроде бы и так заинтересованы: "Ладим план — будут премиальные".

Привычной формой бесплатного труда стали обязательные "субботники", общесоюзные и местные, а также направление людей, включая пенсионеров и школьников, на работу в колхозы, совхозы, на овощехранилища и т.п.

Совершенно не нормирован рабочий день у сельскохозяйственных рабочих в колхозах. У них нет оплаченных отпусков. Ввиду того, что колхозникам крайне трудно выйти из колхоза и куда-то переехать, эти люди превращены фактически в государственных крепостных.

Всякий конфликт рабочего с администрацией, выступление с критикой, попытка защищать свои права — чреваты серьезными последствиями. В руках администрации немало средств воздействия на рабочего — лишение премии, лишение тринадцатой зарплаты, снятие с очереди на квартиру, отказ в путевке в санаторий и, наконец, увольнение. Администрация имеет широкую возможность увольнять неугодных рабочих, так как в законодательстве отсутствует четкая конкретизация причин увольнения.

В СССР резко ограничен свободный выбор рабочим места работы. Средством закрепощения и дискриминации рабочих служит отсутствующая на Западе система обязательных трудовых книжек, которая является как бы продолжением всеобщей паспортной системы. Поскольку в трудовую книжку заносятся причины увольнения, почему-либо порочащие рабочего (например, запись об увольнении в связи с судимостью), такая книжка становится для ее владельца волчьим билетом. В то же время поступить на работу без трудовой книжки — нельзя.

Ограничивает свободный выбор работы и постыдная система прописки, т.е. отсутствие у населения возможности выбирать место жительства по своему усмотрению.

Несмотря на видимую нехватку рабочей силы, на объявления "требуется", т.е. на формальные признаки отсутствия безработицы, в СССР существует скрытая безработица — когда из-за резкого недостатка жилья, ограничений в месте жительства, отсутствия накоплений человек вынужден наниматься на работу, не отвечающую ни его желанию, ни образованию, ни квалификации. К этому же понуждает аморальная статья Уголовного кодекса о тунеядстве, т.е. обязанность под угрозой тюрьмы оставить поиски нужной работы и устраиваться на любую.

Можно считать, что наряду со скрытой в СССР есть и явная безработица. Если в западных странах безработным считается тот, кто не работает 2 недели, то в СССР всегда имеется огромное и неучитываемое количество людей, не работающих по многу месяцев (да хотя бы те 4 месяца, что "дозволены" законом о тунеядстве). В то же время в СССР отсутствуют какие-либо пособия по вынужденной безработице. Увольняемый с предприятия, скажем, по сокращению штатов, рабочий получает единовременное пособие в размере двухнедельного заработка, и это — все.

Если бы к СССР применить выработанные многолетней практикой рабочего движения представления о безработице, которые существуют на Западе, то миф о стране, не знающей безработицы, был бы развеян.

Наибольшим нарушением прав рабочих и служащих является отсутствие у них реальной возможности защищать свои интересы. В советском законодательстве нет права на забастовку, любая попытка коллективного выступления жестоко подавляется. Имеющиеся в СССР отраслевые профсоюзы есть по сути образование партийно-государственное, они не являются организацией рабочих для борьбы за повышение уровня жизни и улучшение условий труда.

Еще к Ленину восходит определение профсоюзов как "приводных ремней" от партии к массам. В настоящее время они превращены в инструмент прямого подчинения трудящегося населения. Профсоюзы в СССР занимаются вопросами производства, выполнения плана, укрепления трудовой дисциплины, воспитательной и идеологической работой (недаром они называются "школой коммунизма") и лишь в самом ничтожном объеме защищают интересы рабочего.

Одним из свидетельств сказанному стало немедленное подавление властями попытки создания группой рабочих в 1977-78 гг. нескольких независимых ассоциаций по защите своих прав.

Организаторы первого такого объединения (ноябрь 1977 г.), так называемого Свободного профсоюза трудящихся, В.А. Клебанов, В.Т. Поплавский и другие были репрессированы, многие подвергнуты заключению в психиатрические больницы.

Развернуты репрессии и против Свободного межпрофессионального объединения трудящихся (СМОТ; ноябрь 1978 г.), в частности, недавно арестован один из его основателей Л. Волохонский.

Между тем, право создания независимых ассоциаций трудящихся

для защиты своих интересов, гарантированное как советским, так и международным правом*, неоспоримо, и попытки создания таких ассоциаций будут, несомненно, продолжаться.

Говоря о нарушении социально-экономических прав человека в СССР, мы подчеркиваем, что обеспечение этих прав не может быть осуществлено без предварительного обеспечения политических и гражданских прав, в первую очередь — права на свободу слова, печати, объединений, профсоюзов.

Мы приветствуем недавнее решение МОТ сделать официальный запрос правительству СССР в связи с репрессиями против членов независимых профсоюзов и ее намерение добиваться обстоятельного ответа по этому поводу. Заявление представителя СССР на недавней сессии МОТ в Париже, что В.А. Клебанов и другие основатели независимых профсоюзов — "безответственные и психически неуравновешенные люди", является не только намеренной дискредитацией, но и попыткой замолчать наличие серьезных нарушений социально-экономических прав в СССР.

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор
Некипелов, Татьяна Осипова*

21 апреля 1979 г.

*

1. Конституция СССР, ст. 51.
2. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, ст. 95.
3. Всеобщая декларация прав человека, ст. 20.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 22.
5. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, ст. 8.
6. Конвенция МОТ №87 от 9.VII.1948 г. (относительно свободы ассоциаций и защиты права на организацию).

УГРОЗА НОВЫХ РЕПРЕССИЙ ЗА СВОБОДНОЕ СЛОВО

Член редакции свободного дискуссионного журнала "Поиски" (см. наш документ № 74) Валерий Абрамкин в течение февраля-апреля 1979 г. трижды допрашивался следователем Мостгорпрокуратуры Бурцевым по вопросам, связанным с ранее произведенными обысками у членов редакции и с дальнейшей деятельностью редакции.

Валерий Абрамкин, которого допрашивали, как ему заявил следователь, "пока" как свидетеля, отказался давать свидетельские показания, мотивируя свой отказ, во-первых, тем, что ему не ясно существо дела, по которому он должен свидетельствовать, и, во-вторых, тем, что при обысках и изъятии принадлежащего членам редакции имущества были допущены многочисленные процессуальные нарушения.

В ходе последнего допроса следователь предъявил Абрамкину постановление о "возбуждении уголовного дела по ст. 190-1 УК РСФСР по факту изготовления и распространения журнала "Поиски", содержащего заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй". Из постановления видно, что дело № 50611/14-79 о журнале "Поиски" выделено из дела № 46012/18-76, возбужденного еще в 1976 г. по факту изготовления и распространения "Хроники текущих событий". Обвиняемые как по одному, так и по другому делу не названы.

Наличие такого постановления свидетельствует о том, что готовятся новые судебные расправы над людьми, "виновными" лишь в сборе и распространении информации, "виновными" в открытом высказывании своих размышлений по социально-экономическим и политическим вопросам. Это расправа над свободным словом.

При допросах Абрамкина следователь Бурцев неприкрыто угрожал ему и членам его семьи. Эти угрозы сменялись посулами всяких благ в случае "раскаяния". В частности, следователь обещал Абрамкину восстановление на научной работе в научно-исследовательском институте, откуда Абрамкин был изгнан еще в 1976 г., работая с тех пор коचेгаром или сторожем.

Закончился последний допрос прямой и конкретной угрозой: если выйдет шестой номер "Поисков", то он, Абрамкин, станет обвиняемым по делу об изготовлении и распространении журнала "Поиски", а все остальные члены редакции будут высланы из Москвы в административном порядке.

Таким образом Абрамкин объявлен своего рода заложником. Угроза же административной высылки, не предусмотренной опубликованными законами, представляется реальной. Нам известно, что существу-

ет секретное постановление Совета Министров СССР № 700 от 15/VIII-1978 г., по которому производится массовое административное выселение крымских татар из Крыма. Что же помешает властям применить этот тайный, антиконституционный "закон" к неудобным москвичам?

Начало внесудебным репрессиям в отношении членов редакции журнала "Поиски" уже положено. 3/IV-1979 года было организовано собрание профессорско-преподавательского состава Института повышения квалификации руководящих работников (Министерства бытового обслуживания РСФСР), где преподает техническую эстетику член редакции Петр Егидес. На этом собрании принято решение об увольнении Егидеса за его участие в работе журнала и о возбуждении перед ВАКом ходатайства о лишении Егидеса степени кандидата философских наук и звания доцента. 6/IV-79 г. местком Института санкционировал увольнение Егидеса по п. 3 ст. 254 КЗОТ, т.е. за аморальные поступки, не совместимые с должностью преподавателя. Так официально признано, что участие в работе свободного дискуссионного журнала лишает человека права преподавать и вести научную работу.

Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, информируя правительства всех стран, подписавших Хельсинкский Акт, и международную общественность о новых вопиющих нарушениях этого Акта, призывает всех, кому дорога свобода слова и мысли, выступить в защиту членов редакции журнала "Поиски".

25 апреля 1979 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова,
Юрий Ярым-Агаев*

О ПОЛОЖЕНИИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ЛАГЕРЯХ СССР

Мы представляем в качестве документа Московской группы "Хельсинки" доклад, составленный политзаключенными Уральских лагерей: основателем Московской группы "Хельсинки" Юрием Орловым, членом Украинской группы "Хельсинки" Миколой Матусевичем, Зиновием Антонюком и Валерием Марченко.

Ю. Орлов был арестован в феврале 1977 г., осужден в июле 1978 (7 лет лишения свободы в лагере строгого режима и 5 лет ссылки). Находится в лагере с августа 1978 г. (в августе-сентябре находился в зоне № 35, затем — в зоне № 37). С самого начала Ю. Орлов объявил себя представителем Группы "Хельсинки" в лагере.

М. Матусевич, арестованный в апреле 1977 г. и осужденный в апреле 1978 (7 лет лишения свободы в лагере строгого режима и 5 лет ссылки), отбывает наказание в зоне № 35.

З. Антонюк отбывал семилетний срок лишения свободы в Мордовских и Уральских лагерях строгого режима, а также, в течение трех лет, во Владимирской тюрьме; в январе 1979, по окончании срока заключения, направлен в ссылку, где, по приговору, должен отбыть три года.

В. Марченко был арестован летом 1973 г., осужден, как и остальные соавторы доклада, по обвинению в "антисоветской агитации и пропаганде" на 6 лет лишения свободы и 3 года ссылки. Большую часть срока отбыл в Уральских лагерях; в 1977-78 гг. около полугода находился в Киевской тюрьме КГБ на "профилактике" (от него добивались заявления об отказе от своих взглядов — "раскаяния"). Марченко тяжело болен, и предстоящий этап в ссылку угрожает его жизни.

Составить такой доклад в условиях лагеря, переправить его за кордоны лагеря — чрезвычайно трудная задача; если обнаружат, поймут с "поличным" — не только пропадет вся работа, но и подвергнут новым репрессиям. В связи со специфическими трудностями утрачен раздел V доклада.

Этот документ, составленный на основе непосредственных наблюдений его авторов, испытавших на себе и советское "правосудие", и советскую "исправительно-трудовую" систему, содержащий не только изложение фактов, но и анализ ряда аспектов советской пенитенциарной системы, — Группа считает очень важным, очень значимым. Группа полностью разделяет с авторами доклада ответственность за его содержание.

Мы обращаемся к главам правительств стран, подписавших Хельсинкский Акт, а также к общественности этих стран с просьбой о широком распространении документа Ю. Орлова, М. Матусевича, З. Антонюка, В. Марченко.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда,
Н. Мейман, В. Некипелов, Т. Осипова,
Ю. Ярым-Агаев.*

25 апреля 1979 г.

Раздел I. ВВЕДЕНИЕ

Главное в проблеме заключенных в СССР — это большое количество граждан, лишенных свободы полностью или частично, по решению суда или административным порядком. Все они в той или иной форме привлекаются к принудительному труду. Их общее число сохраняется в секрете, но оно поддается приблизительной оценке. Заключенные исправительно-трудовых колоний особого, строгого, усиленного режима; колоний-поселений; воспитательно-трудовых колоний для несовершеннолетних; так называемые "химики", освобожденные условно-досрочно и привлеченные к труду; ссыльные; высланные, встречающиеся на пересылках, в следственных изоляторах-тюрьмах, сравнивают свои наблюдения относительно числа репрессированных. Большинство сходится на том, что общее число з/к, включая следственные тюрьмы и лечебно-трудовые профилактории (ЛТП) для лиц, признанных пьяницами, не менее трех миллионов человек, а общее число включенных в принудительный труд не менее пяти миллионов, то есть порядка 2% всего населения.

Приходится констатировать, что если постоянная армия безработных является типичным злом капиталистической системы, то, наоборот, постоянная, приблизительно такого же масштаба, армия занятых принудительным трудом является типичным злом "реального социализма" тоталитарного толка. Советская пропаганда правильно указывает, что понимание гражданских прав и свобод в Советском Союзе и на Западе — существенно различны. Она грубо обманывает мировую общест-

венность, когда утверждает, что советская концепция якобы автоматически соответствует интересам трудящегося большинства. Эти миллионы заключенных и полужаключенных, занятых принудительным трудом, миллионы прошедших через это в прошлом, миллионы членов их семей — не менее ошутимая часть трудящихся, чем безработные и члены их семей на Западе.

Существуют очевидные связи между возникновением миллионов людей, выброшенных из нормальной жизни, и экономическими, социальными и политическими особенностями общественной системы. Конечно, в любом обществе часть людей носит в себе врожденные наклонности, выходящие за сложившиеся рамки. Однако невероятно, чтобы в советском обществе процент таких людей был в десять раз выше, чем на Западе, но ведь именно таково приблизительное соотношение числа з/к в СССР и, скажем, в США — 250 тысяч по советским данным. Кроме того, значительная часть западных з/к, вероятно, представлена не врожденными преступниками. Учитывая это, можно утверждать, что подавляющее число советских з/к оказываются за колючей проволокой в результате косвенного провоцирования преступлений общими условиями существования. Разумеется, это не означает, что мы хотим оправдать насилие или воровство. Мы лишь указываем на существование коллективного сопреступника — социально-экономическую и политическую систему. Большинство з/к — выходцы из рабочих и крестьян, в лагерях они и сами являются рабочими. Большая часть уголовных преступлений — это хулиганство, воровство, разбой, грабеж, хищения различного масштаба. Значительная часть преступлений совершается в пьяном виде, велик процент пьяниц, и ЛТП составляют уже заметную долю общего числа колоний.

Сами по себе эти пороки характерны для любого современного индустриального общества. Аномальным является здесь не их наличие, а чрезвычайно высокий уровень. Можно указать на следующие источники этого явления:

1) Отсутствие такого канала отвлечения людей, особенно молодежи, от пьянства и преступности, как участие в коллективной борьбе за жизненный уровень, за свои права (имеются в виду не планируемые правительством митинги и демонстрации, а также забастовки и т.д.).

2) Отсутствие еще одного канала отвлечения — возможности инициативного предпринимательства (без эксплуатации чужого труда). Между тем, существует ряд направлений деятельности сферы услуг, снабжения населения некоторыми видами продуктов и прочее, где частная инициатива повысила бы уровень жизни народа.

3) Нежелание части граждан мириться с хронической [нуждой] по сравнению с известными им западными стандартами и по сравнению с обеспеченностью руководящего меньшинства. Еще раз отмечаем, что мы не имеем целью оправдать преступления, совершаемые на этой почве, но мы указываем на условия, провоцирующие их. Государство провозглашает своей целью высокий уровень жизни народа, однако во многих регионах оно не в состоянии реально обеспечить его.

4) Потеря веры в моральные принципы у части молодежи, происшедшая и в результате преследований религиозно-этического характера, и в результате разочарований в государственной идеологии.

5) Запрет на информацию общественности по таким вопросам, как число и динамика роста преступлений, число з/к и режим их содержания, нарушение гуманности, и т.п.

6) Наличие определенной заинтересованности государства в использовании принудительного труда. Недостаточная оплата труда, плохие условия приводят к недобору рабочей силы в некоторых промышленных районах. З/к и "химики" играют здесь роль как бы вынужденных штрейкбрехеров, заменяющих рабочих.

7) Негуманная концепция "перевоспитания", согласно которой большие сроки заключения, жестокие условия содержания и общее преобладание мер устрашения, неотвратимости наказания — наилучший путь избавления общества от преступности. В действительности же, как признают иногда в беседах официальные лица, "исправительные" уголовные колонии — это настоящая школа преступности, аморализма, где человек человеку волк, где из-за узаконенной нехватки продуктов питания и вещей процветают спекуляция и первобытно-хищные принципы взаимных отношений, ибо реальность жизни сильнее красивых лозунгов.

Мы обращаем внимание профсоюзных и других рабочих организаций, что СССР является такой развитой индустриально страной, в которой сохраняется пролетариат в самом первобытном смысле этого слова. Положение миллионов граждан, занятых принудительным трудом, можно было бы сравнить с положением крепостных уральских рабочих давно прошедшей эпохи.

Необходимо иметь в виду, что не только политические, но и немалая часть уголовных преступников осуждены несправедливо даже с формальной точки зрения или, во всяком случае, жестоко. Это результат судебного и в особенности следственного произвола.

Режим содержания заключенных всех категорий во многих аспектах содержит прямые нарушения международных обязательств Советского Союза по правам человека. К сожалению, получение достоверной информации о нарушениях прав человека в уголовных колониях, тюрьмах и местах работы химиков [неразб.]. Такую информацию могли бы предоставить осужденные по ст. 190*, верующие и другие лица, сообщениям которых можно было [бы] доверять. На основании жалоб многих з/к, с которыми встречались политические заключенные, можно уверенно говорить о скудном питании в тюрьмах и большинстве колоний, о низком заработке во многих местах работы "химиков", об избиениях в некоторых тюрьмах (Балашовская, например), о тяжелых условиях этапирования, о плохом медицинском контроле в некото-

* Имеются в виду ст.ст. 190-1 и 190-3 УК РСФСР — Ред.

рых колониях (например, в Мордовской ИТК-5 заключенным не давали освобождения от работы при повышенной температуре, если она ниже 38°), об угнетающем действии локальных зон, в которых колючая проволока окружает каждый барак в нескольких метрах от его стен и т.п. Информация о положении политзаключенных является существенно более детальной и, несмотря на репрессии, поступает из лагерей и тюрем систематически в течение многих лет.

Проводимая внутри страны национальная политика находит свое отражение в национальном составе политзон. Среди заключенных Мордовских и Уральских лагерей 30-40, а иногда и более, процентов составляют украинцы, около 30% прибалты и менее 30% русские и представители других народов СССР. Именно украинцы вынесли основную тяжесть борьбы против произвола сталинских лагерей, несут они ее и теперь.

Составители доклада комиссии конгресса США накануне Белградской встречи недоумевают по поводу большого числа наказаний з/к в СССР, но ведь советская пенитенциарная система направлена на уничтожение личности, и сохранить личность как таковую можно лишь в сопротивлении. Сопротивлении, несмотря ни на какие наказания.

Мы, осужденные члены Группы содействия, имеем теперь возможность лично наблюдать положение и можем сказать, что вся прежняя информация была правильной. Более того, жизнь политзаключенных во многих ее деталях оказалась драматичней, чем это представлялось на основании вынужденно кратких сообщений из мест заключения: больные более больны, придирки и наказания более бессмысленны и произвольны.

Представляемый доклад суммирует, в основном, положение в политзоне № 35, в которой мы находимся, за последние примерно 2 года. Его различные разделы написаны разными ПЗК — за исключением Орлова и Матусевича, не членами группы, — давно изучившими соответствующие проблемы. Они отмечают улучшение положения в последние месяцы и недели, однако неясно, насколько эти изменения стабильны, не являются ли они временной тактикой.

Требования малого объема и другие трудности привели к тому, что масса фактов осталась за пределами доклада.

Ю. Орлов

Раздел II. О ТРУДЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

В советской пенитенциарной системе "общественно полезный труд" провозглашен чуть ли не основным средством воспитания. А поскольку пенитенциарная система — это слепок с общества, то ей присущи пороки, характерные для общества в целом, но в более оголенной форме. Сама же по себе идея воспитания трудом, если ее принимать

разумно, содержит положительное зерно. Однако в советском агрессивно-бюрократическом исполнении самая разумная идея способна превратиться в свою противоположность.

В исправительно-трудовых учреждениях (ИТУ) СССР принудительный труд является существенной частью наказания — это его главная особенность. Далее, в ИТУ власть выступает по отношению к заключенным в качестве бессовестного эксплуататора, стремящегося урвать побольше, а дать поменьше, используя для этого не только силу, но и обман; наконец, труд в политических ИТУ — это один из рычагов, с помощью которых КГБ и администрация стараются сломить невыносимую моральную и политическую позицию человека, и не только в заключении, но и после освобождения, ибо полное перевоспитание понимается в КГБ только в одном смысле: как сотрудничество с властями. В этих условиях было бы нелепо говорить о каком-либо воспитательном труде.

Вызывает большое сомнение и общественная полезность труда заключенных. В социально-психологическом плане общество привыкает, как к чему-то естественному, к существованию миллионов современных крепостных рабочих.

В плане экономическом существенно, что заключенные работают на самом устаревшем, часто давно списанном оборудовании, с применением устаревшей же технологии. Следовательно, миллионы людей проходят в заключении школу технологического отставания, а большой отряд инженеров и техников, управляющих трудом з/к, свывается с устаревшими методами. Таким образом, дешевизна продукта принудительного труда едва ли покрывает убытки, связанные с консервированием архаических методов технологии.

Труд как наказание сопряжен с очевидными физическими и моральными потерями, унижает человеческое достоинство, воспитывает не граждан, а рабов. В некоторых случаях труд заключенных так изнурителен, что его можно назвать пыткой. Например, труд в ПКТ осуществляется на пониженном питании, которое можно еще более понизить при невыполнении выработки, или, к примеру, в части камер Владимирской тюрьмы работа организована по системе, которую з/к называли "СССР" (спальня, столовая, сортир, работа — все это совмещено в камере размером в 10 кв.м, где годами живут и работают 2-3 заключенных). В камерах установлены лампы, которые включаются в 6 часов утра и работают до 10 часов вечера, т.е. в течение 16 часов. Изнуренные скудным питанием, заключенные вынуждены соглашаться на эту "услугу" работодателя, им нужно заработать тюремный ларек — 3 рубля в месяц, ведь, как известно, продукты питания и предметы первой необходимости разрешается закупать только на деньги, заработанные в ИТУ. По словам заключенных, работающих по системе "СССР", здоровье человека редко выдерживает более полугода этот труд и непрерывный стук по 16 часов в день; обычно срываются через три месяца. Уходят из рабочей камеры путем отказа от дальнейшей работы, то есть через

карцер и строгий режим. Но отказ от работы дает администрации формальный повод вычитать стоимость питания, одежды и обуви из денежных средств, имеющихся на лицевом счете у неработающего з/к. Поэтому многие из неополитических заключенных через год, когда кончаются заработанные гроши, снова вынуждены возвращаться к системе "СССР" (если администрация не предложит "по благу" работу на заводе, имеющемся при тюрьме), быстро разрушающей их здоровье. Несмотря на такие тяжелые условия труда, тюремная администрация всегда имеет "свободный рынок рабочей силы", так как заключенные (неполитические), испытывая постоянное чувство голода, готовы работать на любых условиях.

Политзаключенные более стойко переносят голод и наказания и отказываются от работы по принципиальным соображениям — например, новое движение за статус политзаключенного явочным порядком, начавшееся в 1975 г. Не все, конечно, работы являются тяжелыми и вредными, но такие работы имеются все-таки во многих уголовных и политических лагерях. Так, в многочисленных лесных зонах очень тяжелые работы на лесоповале и на так называемой "бирже", где часто приходится вручную затаскивать под распил бревна большой толщины. В политической ИТК-36 очень вредна работа по набивке ТЭНов (деталь электроутюга), на которой приходится работать с респираторами или марлей на лице (систематически перерабатывая на этой работе, чтобы иметь хоть какие-то деньги для помощи семье, за короткое время надорвал свое здоровье заключенный Загурский, которого в сентябре 1978 г. активировали в тяжелом состоянии). Необходимость помощи семье — главная причина сверхурочных работ заключенных. Расценки, однако, столь низки, что, работая по 12 часов в сутки, заключенные едва могут посылать семье 50-60 рублей в месяц. Согласно Исправительно-трудовому законодательству РСФСР и союзных республик, труд заключенных оплачивается по нормам и расценкам, действующим в народном хозяйстве. Согласно же приказу МВД, расценки работ заключенных должны быть примерно на 5% ниже, чем у вольных рабочих. Действительная ситуация с расценками еще хуже, так как заключенные работают на более устаревшем оборудовании, чем вольные, а также ввиду произвола в расценках, допускаемого в ИТУ.

Иногда нормы и расценки устанавливаются откровенно индивидуально, то есть в зависимости от поведения политэзика. Например, стоило Симчичу принять участие в защите Марченко от произвола (осенью 1976 г. администрация обрушила на больного Марченко обильное наказание, заставляя его, больного, выполнять нормы выработки), как норма по фрезерной обработке резцов, где работает Симчич, стала просто невыполнимой, несмотря на сверхурочную работу. С переходом на эту работу вместо Симчича более лояльного человека (Хохлова А.) были возвращены прежние нормы и расценки. Вообще говоря, нормы выработки очень высоки, выполнить норму нелегко. Норму часто и произвольно повышают без внедрения каких-либо технологических

и организационно-технологических нововведений, иногда только ссылаясь на выработку заключенных, работающих сверхурочно. Следует учесть, что 50% реального заработка заключенного вычитается в пользу МВД, которое не жалеет расходов на свои постоянно растущие штаты. Из каждого процента сверх 100% нормы выработки вычитается, однако, лишь 25%, а из каждого процента сверх 200% не вычитается ничего, поэтому для МВД невыгодно, чтобы у заключенного, несмотря на сверхурочную работу, получалась выработка не только выше 200% нормы, но существенно выше 100%. Отсюда и постоянное взвинчивание норм. И вот администрация, манипулируя нормами выработки, идет на такие обманы рабочих-заключенных, какие использовались капиталистами давно прошедших времен. Из денег, оставшихся после этих вычетов на МВД и снятия сумм по искам, вычитают стоимость питания, одежды, обуви. Причем при раскладе питания на 12 рублей в месяц со счета з/к снимают под видом разных накладных затрат примерно в два раза больше. Заключенных заставляют работать существенно больше, чем вольных рабочих: не по 41 часу, а по 48 часов в неделю (по 8 часов 6 дней в неделю), но необходимо еще учитывать дополнительные 2 часа общественных работ и отработку дней, проведенных на свидании с родственниками. Заключенные не имеют отпусков, они не получают надбавок за сверхурочные работы, их могут заставить работать и в праздничные дни. Так, 7-8 ноября 1977 г. и 1 января 1978 г. политзаключенного Плумпу заставили работать в котельной без отгула и без положенной по закону двойной оплаты. Когда же в другой раз Плумпа не вышел на работу в воскресенье, он был лишен так называемой производственной надбавки (права расходовать в ларьке на 2 или 4 рубля больше положенных 5 рублей в месяц). Производственная надбавка дается за перевыполнение нормы, но в ИТК-35, как, впрочем, и в других политзонах, она немедленно снимается; например, из-за непосещения политзанятий или когда появляется рапорт надзирателю о случае нарушения режима, где бы это нарушение ни происходило (например, Лисовой шел из столовой "не строем"). Как правило, такие рапорты появляются в результате беззастенчивых придинок к заключенным, проявляющим нежелание "перевоспитываться", то есть в той или иной мере сотрудничать с администрацией.

Часто такие рапорты, придирки сыплются даже на заключенных, просто обращающихся с жалобами и заявлениями о фактах незакония в зоне в различные советские органы, поскольку это расценивается как нелояльность к советской власти.

Здесь можно приводить бесконечное количество примеров. Закон предусматривает в ИТУ профессионально-техническое обучение для заключенных, но ученические деньги начальство нередко старается не выплачивать, принуждая учеников сразу выполнять нормы выработки, дополнительную плату (как ученику) утаивая. Марченко, например, по всем инстанциям добивался своих ученических прав. Практикуют абсолютно неаргументируемое снятие эзков с уже оформленного при-

казом по колонии ученичества (заодно и с оплаты). Так было с Антонюком, которого сняли с ученичества через неделю после начала производственного обучения на новом месте (фрезеровщиком). Потом выяснилась причина этого нарушения приказа об ученичестве: КГБ решил скрутить его через систему наказания от карцера до ПКТ [неразб.], а потому его списали с производственной зоны и предложили вместе с Пронюком работу по ремонту запретзоны. Поскольку труд — это и рычаг, с помощью которого вводится в действие вся система наказаний, начиная с лишения права покупать продукты в ларьке или лишения права на свидание с родственниками и кончая штрафным изолятором, ПКТ и тюремным заключением на срок до 3 лет, то соответственно посыпались и наказания.

Казалось бы, единственное, что нельзя отобрать у непокорного заключенного, это надбавки в питании за вредность (например, металлосты ИТК-35 получают за вредность по стакану молока в день). Но и здесь бывают "забывания" включить в список на спецмолоко под видом уточнения перечня работ по степени их вредности. Например, в 1978 г. число заключенных Владимирской тюрьмы, получающих молоко за вредность, сокращено более чем в два раза, хотя никаких изменений технологического (ни даже организационного) характера в производстве не произошло.

Закон гласит, что труд заключенных организуется с соблюдением правил охраны труда и техники безопасности, установленных законодательством о труде. На практике это положение полностью игнорируется. Кого только ни принуждали приступать к работе на станке до сдачи экзаменов или даже без какого бы то ни было обучения, начиная с Антонюка в декабре 1972 г. и кончая Плумпой в марте-апреле 1978 г. И наказывают за неподчинение. Собственно, наказывают за отказ подчиненного нарушать законодательство о труде. Впечатляющим примером того, как начальство идет на полное игнорирование не только всех законов и правил по технике безопасности, но и просто элементарной человечности, является эпопея принуждения Светличного, у которого на руках отсутствуют 8 пальцев, работать на компрессорной установке. Решением ВЦСПС за последние годы создана разветвленная сеть правовой инспекции труда. Существует и указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 октября 1976 г. "Об административной ответственности за нарушение законодательства о труде и правил по охране труда". Не вдаваясь в анализ эффективности этих узакониваний на вольных предприятиях, отметим, что предприятия МВД, на которых трудятся миллионы современных пролетариев, остались вообще вне этих узакониваний.

Вообще говоря, система ИТУ, через которую пропускают весьма значительную часть населения государства, является очень важным звеном функционирования реального социализма, сохранения атмосферы бесправия, чувства незащищенности рядового члена общества перед произволом начальства.

Ю. Орлов, З. Антонюк

Раздел III. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ АДМИНИСТРАЦИЕЙ И ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫМИ

Взаимоотношения между администрацией и заключенными преследуют цель "перевоспитания и исправления осужденных", то есть добиться от них отказа от своих убеждений, используя прежде всего Исправительно-трудовое законодательство РСФСР и закрытые инструкции МВД, по-видимому, относящиеся к наиболее жестоким из действующих ныне в мире. Той же цели служат изнурительный труд; низкокалорийная, даже не восстанавливающая сил пища; поток наказаний, сыплющийся за малейшее нарушение; строжайшая изоляция от внешнего мира.

Подъем в лагере ИТК-35 производится в 6 часов утра. И достаточно з/к остаться в постели на 1-2 минуты дольше, как дежурный помощник начальника колонии, обычно поджидающий у двери, заскакивает в секцию и, торжественно оглашая, вносит штрафников в список. Наказания за то, что не встал по подъему, особенно широко практиковались в 1973-74 г., тогда им подвергался почти каждый "не вставший на путь исправления". Что упомянутые наказания производились выборочно, легко было заметить по тому, как капитан Поляков или старший лейтенант Чайка отворачивались от з/к, сотрудничавших с администрацией, которые замешкались на своих койках, и тут же "брались на карандаш" Пришляк, Хнох, Давиденко. Старожилы-двадцатипятилетники рассказывают, что в пятидесятые годы "будители" обычно заскакивали с деревянными колотушками и били проспавших по чему попало, так что в семидесятые годы наказание, скажем, лишением права приобретения продуктов питания в ларьке на очередной месяц ретроспективно можно расценивать как гуманное.

В 6 часов 35 минут проводится поверка. Наказывают за опоздание все ту же категорию "неисправимых".

В Мордовии лагадминистрация, снедаемая заботой о здоровье осужденных, обязала всех делать утреннюю гимнастику — унылая картина, где выделяется отнюдь не бодрая группа инвалидов, которая под мелодию "Прощание славянки" выполняет надлежащий комплекс. Неучастие в мероприятии наказывается.

На завтрак и с него, после поверки, отправляются строем. Причем, чтобы не утруждать себя, а то и по издевательским побуждениям, прапорщики заставляют большинство ожидать во дворе, пока поедят инвалиды, получившие диетпитание. Ускорить эту процедуру могут только крайне неблагоприятные погодные условия. За 25 минут до 8 — начала работы — з/к выстраивают перед производственной зоной и после по-

именной переключки выводят на завод. Так начинается здесь каждый день 48-часовой рабочей недели (новая Конституция пока не затронула Основ ИТЗ, регламентирующих труд миллионов советских з/к).

После вечерней поверки в 18 часов 30 минут трижды в неделю проводится политчас. За неявку, например, в Мордовских лагерях наказывают, формулируя откровенно: за неучастие в политико-воспитательной работе. В 35-м лагере удалось добиться отмены подобных наказаний многочисленными протестами прокурору в 1974 году. Тогда администрация стала использовать здесь как средство давления невыдачу 2-4 рублей на ларек за перевыполнение нормы. Доказать, что "производственные" деньги не имеют к лекциям и информации никакого отношения, не удавалось на протяжении нескольких лет. Политико-воспитательную работу, направленную на прививание з/к коммунистического мировоззрения, естественно, игнорируют лица, придерживающиеся других, немарксистских, убеждений. Подобного свободомыслия не могут допустить работники МВД, а представитель такой сугубо гуманной нейтральной профессии, как медицина, доктор Соломина с гневом бросила И. Светличному, заболевшему воспалением легких: "Мы вас лечим, а вы такое говорите!" — речь шла о плюрализме в СССР. Отбой в 22 часа по местному времени означает "мертвый час" в полном смысле этого определения. И. Залмансона неоднократно наказывали за хождение после отбоя. Д. Верхоляк едва сумел доказать, ссылаясь на диагноз в медкарточке, что он задержался в туалете по причинам чисто физиологического, а не антисоветского свойства.

Для видимости объективности к перевоспитанию з/к, не желающих отказываться от своих убеждений, подключают и лиц, работающих в ИТК по вольному найму. В роли послушных статистов они, входя в состав воспитательной комиссии, подписывают любые постановления. Так, в 1975 г. возникло ходатайство перед администрацией ИТК ВС-389/35 о помещении Пронюка в ПКТ. Одним из оснований послужило то, что он якобы не выполнил нормы выработки. Туберкулезник Пронюк, у которого нет одного легкого, отсидел 5 месяцев камерного режима. Так КГБ и МВД отплатили, наконец, "виновнику" массовой месячной голодовки и забастовок лета 1974 г.

Администрация часто использует в своих целях аморальных, раздавленных репрессивно-карательным прессом людей. Так, в 1974 г. з/к, члены совета коллектива колонии, Островский и Ефимов по "собственной" инициативе обратились к начальству с ходатайством о применении ст. 77-1 УК РСФСР к нарушителям (заклученные, "терроризирующие других, 'вставших на путь исправления', либо нападающие на администрацию, либо организующие в этих целях 'преступные группировки'", могут быть осуждены по этой статье на 8-15 лет лишения свободы или приговорены к смертной казни). Рвение двух "отличников труда и быта" было вскоре отмечено всевозможными поощрениями.

"Ходовым" является наказание "за отсутствие на рабочем месте". В 1974-75 г. по этому поводу составляли рапорты даже не служащие

МВД— начальник цеха Азаров, инженер по технике безопасности Жилин и др. Свои действия эти вольные мотивировали тем, что з/к обязаны трудиться. Когда же им пытались объяснить, что нормы завышены, а еды не хватает, в ответ шел всеоправдывающий штамп: "Вы ведь наказаны".

Сам факт заключения уже служит причиной наказания. "Поводы" в таком случае находятся путем по-саdistски скрупулезного следования режимным требованиям ... Так, Пидгородецкий зашел к цензору, старшему лейтенанту Колесниченко, в куртку парикмахера. Поздоровавшись, он спросил, нет ли ему письма (рабочие часы парикмахерской совпадают со временем приема у цензора). Она потребовала, чтобы Пидгородецкий привел себя в надлежащий вид и доложил, как положено: "Осужденный такой-то явился по вашему вызову". Пидгородецкий отказался от выполнения бессмысленной процедуры. После этого Пидгородецкий был наказан за "несоблюдение формы одежды и грубость с представителем администрации", хотя все 26 лет заключения он является примером вежливости и опрятности. По рапорту капитана Кытманова, Б. Шахвердян был лишен ларька за то, что "не поднялся для приветствия".

Обычно очередность наказаний такова: устное предупреждение, выговор, лишение ларька на месяц, карцер, ПКТ и тюрьма. Часто, однако, этот порядок не выдерживается и как к наиболее эффективному средству прибегают к лишению ларька и карцеру. С 1977 г., после ввода новых Правил внутреннего распорядка ИТУ, стало возможным бессрочное помещение в карцер. Этим не преминуло воспользоваться начальство Владимирской тюрьмы, "прокрутив" 45 суток (июнь-июль 1978 г.) З. Попадюка. Однако это положение Правил, ныне дозволенное "де юре", широко использовалось "де факто" ранее. Так, на те же 45 суток был водворен в карцер С. Сапеляк (ИТК ВС-389/36).

Атмосфера безнаказанности, в которой действует администрация, превращает каждого прапорщика, не говоря уже об офицерах, в настоящих профессиональных истязателей в зависимости от степени озлобленности. "Дай мне его в отряд, он у меня шелковым станет", — говорил старший лейтенант Кузнецов начальнику другого отряда о В. Павленкове, и такие слова не были пустым бахвальством. Отрядный Кузнецов, вечно пьяный, развлекался тем, что выискивал повод для наказания. С. Сорока в рождественский вечер поставил на своей тумбочке свечку и елочную ветку — в карцер. Неаккуратно заправленная койка — в карцер. Растегнутый ворот — в карцер. Да мало ли за что можно карать "государственных преступников".

Широкая шкала довольно разнообразных наказаний зачастую оказывается недостаточной, и тогда в ход идет составление ложных рапортов. Классическим примером подобной фальсификации может служить акт, составленный по распоряжению нач. оперчасти Храмушина на Буковского об отсутствии на рабочем месте. В своей жалобе в прокуратуру Буковский указал, что отсутствовать, равно как и присутствовать

на рабочем месте он в тот день не мог, поскольку это был выходной — воскресенье. Пронюка наказали за невыход на работу, хотя у него имелось освобождение по болезни.

Раздел IV. О МЕДОБСЛУЖИВАНИИ

Нижеследующее изложение говорит о медобслуживании ИТК ВС-389/35 со времени руководства Центральной больницей Ю.Ш. Шелией (то есть с сентября 1976 г.) с привлечением особо одиозных нарушений и в других лагерях (достаточно подробное освещение этой темы до указанной даты можно найти в материалах уже опубликованных).

Очевидно, что серьезность медобслуживания больных определяется видом и сложностью заболеваний. Трудоспособность, а также размер возможных наказаний для з/к должны определяться администрацией, исходя из заключения комиссии ВТЭК, которая раз в год свидетельствует всех з/к. Заключение же ВТЭКовских комиссий, как правило, подвержены рекомендациям сотрудников МВД и КГБ, а также зачастую предвзятым характеристикам главврача зоны. Так, в свое время были признаны инвалидами, а затем лишены II группы инвалидности (группы, дающей право работать почти всегда по желанию) И. Светличный, В. Пидгородецкий, Г. Гимпу, В. Филоненко. Противозаконность таких решений очевидна, поскольку у Светличного не отросли 8 пальцев на руках, у Пидгородецкого не исчез горб, у Гимпу не появился оперированный желудок, а у Филоненко не прекратилось прогрессирующее заболевание костного мозга (тромбоцитопения). Кстати, когда у последнего отбирали II группу, то ему вписали в медкарточку анализы крови, которые не наблюдались на протяжении многих лет лечения в диспансере.

Фальсификация результатов анализов, то есть запись их в улучшенном виде, в Центральной больнице ИТУ, а также в медчастях зон 35, 36, 37 — распространенное явление. Например, в историю болезни Марченко заносились данные, не соответствующие истине. Результаты анализов, проведенных ему до ареста в Киевском институте заболевания почек, разительно отличаются от аналогичных, проведенных в киевском изоляторе КГБ во время пребывания там на "профилактических собеседованиях".

От инвалидов III группы (определяющей работу с ограничениями) администрация требует норму выработки, строго наказывая в случае ее невыполнения. С ведома и одобрения врачей за это понесли наказание Светличный, Пронюк, Марченко. За отказ от работы подверглись моральному террору с угрозами дальнейших наказаний инвалиды III группы С. Мамчур (ныне покойный), Е. Пришляк, Д. Басараб. Как следует из всего приведенного, группа инвалидности не только не является фактором, обеспечивающим з/к облегченные условия содержания, но даже не спасает от режимных преследований.

Атмосфера нарушения законности и злоупотреблений, царящая в ИТК, приносит свои зловещие плоды. Показательна здесь смерть Мамчура. После нескольких вызовов к заболевшему з/к сначала явился прапорщик, затем ДПНК*, замполит, и прошло значительное время, пока нашли дежурную медсестру Кузнецову (но она не знала, что предпринять, спрашивала у з/к Черкавского, "давать ли укол магнезии?"). Потом, наконец, явилась Т.А. Соломина (врач, исполняющая обязанности терапевта, но окончившая факультет сангигиены), которая, видя катастрофическое состояние Мамчура, сумела лишь распорядиться: "госпитализировать". А больной, у которого сначала была резкая головная боль, потом галлюцинации и рвоты, впал в беспамятство ... У него начались судороги, исказилось лицо. Явные симптомы инсульта — у Мамчура несколько лет была инвалидность по поводу гипертонии — не были обнаружены ни медсестрой, ни лечащим врачом на протяжении почти трех часов, пока не пришел терапевт-консультант Утыро. В результате на месте не была оказана первая неотложная помощь. Вскрытие показало кровоизлияние в мозг. Уместно будет привести небольшую хронологию контактов покойного с представителями лагерной медицины. Месячное диетпитание Мамчур получал обычно не чаще 2-3 раз в год. Январь 1977 г. — находился в стационаре и на протяжении трех месяцев до смерти (10/5/77) тщетно просил о диетпитании. На следующий день после смерти разрешение на диетпитание поступило. Лишь в начале мая ему предложили снова госпитализироваться, однако, приученный терпеть, Мамчур чуть затянул с согласием — в больнице почти тюремный режим содержания и это, как он жаловался, на него действует угнетающе.

Медработники ИТУ ВС-389 являются исполнителями самых возмутительных распоряжений администрации. Летом 1975 г. по оперативному заданию майор Ярунин лично осматривал анальные отверстия и прямую кишку Б. Шахвердяну перед свиданием. В июле 1976 г. в присутствии прапорщика Ермаковой женщиной-медиком производился гинекологический осмотр матери Марченко. Врач ИТК ВС-389/36 Петров выступает в роли раздатчика продуктов и приемщика информации у з/к, сотрудничающих с КГБ (разоблачительное заявление С. Таратухина, зима 1976 г.). Возможность "безболезненного" получения диетпитания и "регулярного отдыха в больничке" обещал К. Исмагилов при попытке вербовки М. Горбала — плату за сотрудничество с КГБ (ноябрь 1974 г.). Таким образом, налицо обкрадывание больных з/к, нанесение ущерба здоровью ожидающих своей очереди в больницу.

Транспортировка из 36 и 37 зон в Центральную больницу (35 лагерь) осуществляется в обычных автозаках (смерть Плейша была ускорена из-за этого), тогда как в законе оговорена необходимость перевозки

* Дежурный помощник начальника колонии — Ред.

больных в специально оборудованном транспорте.

Диетпитание в ИТУ ВС-389 остается на крайне неудовлетворительном уровне. В рационе постоянно несвежие, даже не пригодные к употреблению продукты. Так, с августа 1977 г. по сентябрь 1978 г. еда готовилась из квашеной капусты, которая была несъедобна еще зимой. Масло в диетпитании летом-осенью 1978 г. заменялось маргарином либо комбижиром. В августе-сентябре готовили сушеный картофель. За 6 лет существования зоны 389/35 больные не получали свежих фруктов. Да и стоимость так называемой диеты – около 23 рублей – вряд ли разрешает приобретение минимума калорий, необходимых больному.

Центральная больница – небольшое двухэтажное здание, чистое внутри благодаря з/к-уборщикам, куда свозятся больные из 35, 36, 37 зон. Из-за желания администрации всячески ограничить контакты между зонами три группы больных постоянно находятся в постоянно закрытых помещениях, куда сестра и врач входят в сопровождении прапорщика. Отсутствие круглосуточного дежурства медиков (медсестра в Центральной больнице формально находится от 8 до 20 часов) подвергает опасности жизнь тяжело больных, равно как и отсутствие дежурного санитаря причиняет им дополнительные страдания. В связи с вышеупомянутым оперативным соображением (пресечение контактов) прогулка разрешена лишь два часа в день на локализованных участках. Медперсонал ЦБ состоит из главврача Шелии (хирург), лечащего врача Черкасовой Т.Н. (терапевт), штата медсестер (3-6 человек). Операционная, лаборатория и рентгенкабинет, оснащенные отнюдь не полно и далеко не новым оборудованием, позволяют проводить на месте операции и исследования в зависимости от квалификации исполнителя, но обычно несложные. На консультации, а также в более тяжелых случаях операции приглашаются врачи из Чусовской больницы.

В каждой из зон имеется санчасть с одним (37) – двумя (36 зона) врачами, однако из-за нерегулярности завоза медикаментов, а также отсутствия специалистов (стоматолог на 36 зоне не появлялся почти полтора года – 1976-1977 гг.) положение с медобслуживанием остается неудовлетворительным. Около 30% з/к, находящихся в ИТК ВС 389/35, серьезно больны. В их числе, с недугами, практически неизлечимыми в местных условиях: Герович – рак мочевыводящих путей, Филоненко – воспаление костного мозга, Марченко – нефрит. Активирование же находится в прямой зависимости от убеждений осужденного, его поведения, позиции в лагере.

Трагический итог такого медобслуживания в Скальнинском ИТУ начиная с лета 1972 г. выражается в следующем списке безвременно умерших: Митюк (умер при этапировании из Мордовии на Урал, не была оказана помощь при сахарном диабете), Гантварс (гипертония), Куркис (прободение язвы), Кибартас (рак печени), Мишкенис (послеоперационное осложнение), Опанасенко (повесился в больнице), Рудокас (сердечная недостаточность), Кнавиных (инфаркт), Плейш (заболе-

вание желудочно-кишечного тракта), Луц (инфаркт), Мамчур (инсульт), Межалс (инфаркт), Строганов (астма, сердечная недостаточность). Последние шесть умерли за время работы начальником Шелии. Поскольку диагнозы тщательно скрываются от больных, а тем более других з/к, в проставленные здесь причины смерти могли закрасться ошибки. По рассказам з/к, прибывших из Мордовии, там положение с медобслуживанием еще хуже.

Надо отметить, что в последнее время с медобслуживанием в ИТУ ВС-389 наблюдаются определенные изменения к лучшему. Сейчас больницы обеспечены непросроченными и эффективными медикаментами по ряду ходовых заболеваний сердечно-сосудистой системы, печени и желчных путей, органов пищеварения, туберкулеза, хотя по-прежнему отсутствуют препараты для лечения редких заболеваний и администрация отказывается принимать бандероли с ними, высылаемые из дома на имя главврача. Медкомиссия (в составе Шелии и Черкасовой) в нескольких случаях разрешала получение посылок тяжело больным. Еще год назад такого выполнения ИТЗ добиться от администрации было невозможно. Не наблюдается в последние месяцы и вывода з/к на работу с высокой температурой, принудительного труда тяжело больных, как это имело место у майора Ярунина в 1974 г. с В. Гандзюком (костный туберкулез, вес 47 кг при росте 176 см). Есть основания считать, что подобные улучшения – реакция властей на массовые протесты з/к и поддержку мировой общественности. Благодаря главным образом второму фактору, вначале неэффективные, часто заканчивавшиеся репрессиями протесты и жалобы в медотдел ГУИТУ, Министерство здравоохранения, МВД, ЦК КПСС, Красный Крест дали возможность говорить об определенных сдвигах.

В. Марченко

Раздел VI. ОБ ЭТАПИРОВАНИИ

Мы знали, что этапы часто бывают тяжелы, но не представляли себе, насколько этап в большинстве случаев тяжелое испытание для з/к. Он длится бессмысленно долго – в 7-10 раз дольше, чем при обычной поездке. За время этапирования з/к обычно несколько раз перегоняют в воронку из вагона, из воронка в одно, другое, третье помещение очередной пересыльной тюрьмы и обратно: "быстрее, быстрее..." (вместо точек нередко следует мат), автоматчики, собаки, "садись, встать", обыск, еще обыск и т.д. Для з/к с тяжелым багажом это превращается в кошмар. Правда, все имущество большинства уголовных з/к укладывается в жалкие узелочки. Что касается больных, то конвой, как правило, не проявляет к ним снисхождения. Они должны передвигаться так же, как и все, сопровождаемые руганью и толчками. Поразительно, что, если тяжело больного з/к нужно отправить в тюремную

больницу, его перегоняют обычным этапом — лишь бы он передвигал ноги, но можно и на носилках. В большинстве наблюдаемых нами (и другими политзаключенными) случаев их не сопровождает врач или сестра. Если больница недалеко, то тяжело больного перевозят на обычном воронке. Дорога ухабистая, она вытряхивает из него всю душу. По рассказу В. Марченко, во время перевозки автозаком (воронком) заключенных от железнодорожной станции до Казанской пересыльной тюрьмы (7.04.78) в общую камеру воронка, рассчитанную на несколько человек, затолкали 28 человек. Их держали в железном воронке, на солнцепеке, около часа на тюремном двореке (это обычно). Задышавшиеся люди умоляли конвой выпустить их, но безрезультатно. Он же сообщает, что в тесном даже для одного человека одиночном боксе 24.04.78 держали троих: Циоса, Зейтуяна и Марченко. Их выпустили через полчаса только после обещания пожаловаться прокурору. Но другие, оставшиеся в общей камере, не политические, ждали еще несколько часов. Кто-то мочился на пол. В автозаках и тесных, грязных, туалетных камерах-«отстойниках» пересыльных тюрем люди ожидают часами. Еще хуже маленькие, всегда вонючие боксы на одного-два человека. З. Антонок в июле 1978 г. просидел целый день в изоляторе в таком боксике (при этапировании из Владимирской тюрьмы в ИТК-35). Антонок болен костным туберкулезом и тяжелым заболеванием печени.

Камера столыпинского вагона имеет размер полного или половинного плацкартного купе без окна, с решетчатой стенкой в коридор, где шагает часовая. Окна туалета закрашены или обычно закрыты, вентиляция выключена. Вместо 10 и, соответственно, 3 человек, которые могут лежать поместиться в этих камерах, туда обычно набивают 14-18 и, соответственно, 5-6 человек, вынужденных проводить там 1-3 суток. Иногда на короткое время (несколько часов) туда набивают до 25 человек. Туалет не имеет воды, умыться невозможно, постельных принадлежностей, конечно, нет.

В большинстве случаев конвойные грубы и циничны. Они выдают воду и выводят в туалет лишь после того, как весь вагон начинает колотить ногами в решетчатые двери, иногда это бывает два, чаще 3-4 раза в сутки. При этом на каждый день этапа з/к получает около 600 граммов хлеба, селедку средних размеров, 20 граммов сахара. Когда на перегоне Москва — Киров в июне 1978 г. Ю. Орлов попросил у конвойного дать попить, ответ гласил: "Обойдешься без воды". Вместе с ним в половинной камере поместили двух стариков-туберкулезников, при ходьбе поддерживавших друг друга. Не допросившись туалета, один из них помочился в целлофановый мешочек, разлив половину по полу и нижней полке. Затем, для изоляции от политического, их перевели в другую камеру, набитую битком. Когда один из них хотел лечь на пол, конвой не разрешил. В. Лисовой, после тщетных просьб вывода в туалет, вынужден был мочиться прямо в камере в случайную банку. З. Попадюка в августе 1977 г. в Пензенской тюрьме держали в одной камере с ту-

беркулезными и сифилитическими больными. Антонюк на перегонах Харьков — Свердловск — Пермь и в самой Свердловской пересылке наблюдал в ноябре 1972 г., как офицеры выводили из камер женщин к себе для сожительства.

М. Матусевич, как голодающий, сопровождался врачом на этапе из Киева в ИТК-35 (июнь 1978 г.). Однако врач отказалась оказать какую-либо помощь уголовному з/к соседней камеры вагона с тяжелым внутренним заболеванием и с тяжелым заболеванием кожи. Его должна была бы сопровождать сестра, но этап отправился без нее. Он был весь мокрый от гноя, и другие з/к, включая, конечно, Матусевича, рвали рубашки и портянки для перевязок.

Таковы вкратце условия этапирования.

Ю. Орлов

ЗАЯВЛЕНИЕ АНТОНЮКА
ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР
И ЗАВ. ОТДЕЛОМ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ
ЦК КПСС

Я уже неоднократно обращался к вам по поводу провокаций в местах лишения свободы, но — безответно. Сейчас речь пойдет о куда более серьезном.

Ответьте мне, гражданин Генеральный Прокурор, хотя бы на сей раз, зачем меня, наказанного по всей строгости советских законов, провоцируют на действия, караемые, скажем, по ст.ст. 64 и 77-1 УК РСФСР? Что, кому-то неймется, что у меня срок заключения близится к концу? Провоцируют не только меня, а еще, как минимум, четверых. Провоцируют на действия, которые легко привязываются к шпионажу и бросают тень на всех моих товарищей в ИТК-ВС/35, да и не только в ИТК-35. Конкретнее, речь идет о следующем. Свердлов В.И. провоцирует на нелегальную передачу из зоны № 35, куда он прибыл в августе сего года, своего письма Президенту Картеру, которое должно содержать шпионскую информацию, которую он не успел передать иностранной разведке до ареста. Провоцирует в зоне на создание подпольной организации и предлагает свои услуги опытного человека, закончившего академию КГБ и имеющего 9-летний опыт сексота с иностранцами, приезжающими в СССР. Мол, только благодаря каким-то особым деталям своего дела и связям он получил 7 лет за попытку измены Родине, а не за хорошо проведенную роль насадки у других подследственных в Лефортово. Прибегая к приему частичного самораскрытия, Свердлов утверждает, что работники КГБ Афанасов и Щукин предложили ему внедриться в ядро зоны, в частности, в украинскую среду, забросить и обнародовать через зону 35 письмо, утверждающее, что к тем сионистам, которые дружески относятся к украинцам, плохо относятся в Из-

раиле. Утверждает, что агентами ЧК являются Симокайтис, Бутченко и 18-летний Тилгалис, что несколько раз встречался с Афанасовым, Шукиным и опером Бабиджашвили, имеет связного и прочее. Прошу Вас расследовать, кто стоит за спиной провокатора, и привлечь к уголовной ответственности как провокатора, так и его пособников и вдохновителей, а не ждать, пока попадется на их крючок какая-то несчастная жертва. Отдаю себе отчет в том, что за свой гражданский подвиг буду наказан. Поэтому небезынтересно Вам взять под контроль мою дальнейшую судьбу.

15.11.78 г.

Антонюк З.П.

Раздел VII. ПРЕСЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ

Приведенные ниже данные о нарушении элементарных прав человека в области прав переписки и информации вообще не могут отобразить всей картины со всеобъемлющей полнотой из-за крайне сложных условий написания.

Кроме того, ограничивают и возможность выхода из лагеря все той же информации. Поэтому придется остановиться лишь на некоторых фактах из жизни политзаключенных ВС-389.

В 1974 г. на пресс-конференции в Москве академик А.Д. Сахаров предоставил западным корреспондентам материалы из лагеря 389/35, переписанные рукой з/к З. Антонюка. Поскольку эти документы были корреспондентами сфотографированы и опубликованы, они стали достоянием и КГБ. Несколькими месяцами позднее в лагере ВС 389/35 З. Антонюка вызвали на так называемую наблюдательную комиссию и предложили написать в газету письмо с раскаянием, в противном случае ему пообещали, что он будет приговорен к тюремному заключению.

Поскольку З. Антонюк от подобной сделки отказался, в июле 1975 г. он был отправлен во Владимирскую тюрьму. В 1978 году С. Глузман и С. Ковалев в лагере 389/36 были приговорены к камерному заключению в ПКТ на шесть месяцев за то, что собирали и хранили информацию о положении заключенных в лагере. Чтобы помешать выходу информации за пределы лагеря, администрация самым варварским способом мешает свиданиям заключенных с родными. Так, Ю. Хведько за 11 лет заключения имел возможность лишь два раза повидаться с матерью (в 1969 и 1974 гг.). Как только кто-либо из родственников сообщал, что собирается приехать, администрация отвечала, что Хведько лишен права на очередное свидание.

В мае 1978 г. во Владимир на свидание с З. Попадюком приехала его мать. Тюремная администрация сразу за какую-то мелочь лишила Попадюка права на свидание. Лишь через несколько недель Дойников проговорился об истинной причине лишения свидания: "Мать по доро-

ге во Владимир заходила в Москве по разным адресам антисоветчиков и собирала новости. Ее и впредь будут лишать свидания с сыном".

По мнению Г. Суперфина, постоянные конфискации писем и лишения свидания с матерью явились одной из причин инсульта и смерти его матери. Однако капитан Дойников набрался наглости обвинить в смерти матери сына.

Если заключенному предоставляются длительные свидания, то приехавших женщин и детей часто раздевают догола и обыскивают, подвергают самому унизительному осмотру. 22.9.1977 г. перед свиданием четыре надзирателя завели П. Плумпу в отдельную комнату, раздели догола, а лагерный врач Петров засунул пальцы в прямую кишку и долго ковырял там, разыскивая какую-то "информацию". Хотя не было и не могло быть никаких данных, что П. Плумпа в своем теле носил эту "информацию".

В 1976 г. перед свиданием, обыскивая девятилетнего сына и пятилетнюю дочь П. Плумпы, надзиратели отделили их от матери, увели в отдельную комнату, раздели догола и разорвали одежду.

В мае 1978 г. Р. Маркосяну во время двухчасового свидания с братом не разрешили поздороваться с пожатием руки. Было также запрещено разговаривать на родном, армянском языке. Присутствующий при свидании надзиратель все время предупреждал, что если будет сказано хоть одно слово по-армянски, то свидание сразу прекратят.

Как правило, во время краткосрочных свиданий разрешается разговаривать только на русском языке. Если дети или родственники заключенного нерусской национальности не знают этого языка, то они и не имеют возможности воспользоваться общим свиданием.

Национальные или религиозные моменты администрация мест заключения часто использует для конфискации или задержания корреспонденции. Письмо З. Антонюка от 1.9.76 г. к жене было конфисковано администрацией Владимирской тюрьмы под тем предлогом, что в письме цитируется Геродот на украинском языке. В результате такой дикой украинофобии у З. Антонюка на целый год прервалась переписка. Письмо З. Антонюка от 2.1.78 г. просто было уворовано под предлогом отправки его на перевод. Все запросы о судьбе письма остались без ответа.

Во время пребывания Марченко в Киевском КГБ (осень и зима 1977-78 г.) в лагерь 389/36 на его имя поступило значительное количество корреспонденции, в том числе и заказной. Однако после возвращения В. Марченко в лагерь администрация отказалась выдать ему письма и поздравления, в том числе присланные по поводу его юбилея, тридцатилетия.

Администрация лагерей на несколько недель задерживает письма заключенных нерусской национальности. Еще в 1976 г. М. Кийренд обратился к Чусовскому прокурору: "Обращаю Ваше внимание на грубое нарушение ВС-389/35 установленного законом порядка выдачи личной корреспонденции. Так, письма мне выдаются через месяц после достав-

ки в лагерь: письмо от 23 апреля я получил 3 июня, от 12 мая получил 10 июня. То же самое происходит с отправкой моих писем. Я протестую против произвольной и необоснованной задержки моей корреспонденции".

Поскольку жалоба М. Кийренда не дала результатов, а лагерный представитель КГБ Утыра сообщил, что письма, написанные на национальных языках, направляются в КГБ, то М. Кийренд послал заявление начальнику Скальнинского управления КГБ Дегтянникову: "По существующему закону я должен получать и отправлять письма в течение трех дней, однако администрация лагеря 35, ссылаясь на то, что мои письма и письма ко мне пишутся на эстонском языке, вручение и отправку писем автоматически затягивает более, чем на месяц. Этот факт расцениваю как проявление шовинизма". Всем, кто с подобными жалобами обращается к администрации лагеря ВС-389/35 и 36, цензор или другие представители внушают мысль, что заключенные нерусской национальности должны отказаться от привычки писать письма на родном языке. Например, П. Плумпа начиная с 4.12 77 г. послал в Литву 15 заказных писем, но ни разу не получил квитанции об отправлении.

Когда 5 сентября 78 года Плумпа спросил цензора, почему заказные письма не достигают адресатов и почему не выдаются квитанции об отправке, цензор ответила, что в случае выдачи квитанции по-литовски написанные письма будут идти в одну сторону около трех месяцев, теперь же они идут лишь пять недель.

К категории враждебной или клеветнической информации, подлежащей конфискации, относятся и религиозные книги или письма на религиозные темы.

Так, в мае 1977 г. И. Огурцову (ВС-389/35) пришла пасхальная посылка, в которой кроме прочего была Библия. Работники администрации лагеря посылку вскрыли, Библию похитили, а посылку, уже без Библии, отослали назад.

П. Плумпе, ВС-389/36, пришли письма с переписанными главами из Библии. 17.1.77 начальник оперчасти Рожков ему сообщил, что эти главы конфискованы. Как религиозные и тенденциозные.

Заключенные почти никогда не получают писем из-за рубежа, за исключением писем из Израиля, которые конфискуются чуть реже. За все время пребывания в лагерях не получили ни одного письма, присланного из-за границы, М. Кийренд, В. Марченко, З. Антонюк, И. Грабанс и многие другие. И. Огурцов изредка получает письма только из Польши. П. Плумпа за все годы получил только одно заграничное письмо (6 февраля 1976 г., из Швейцарии).

В лагерях ВС-389/35 и 36 как вид запрещенной информации рассматриваются даже жалобы политзаключенных, направляемые в государственные инстанции. Так, 1.4.77 у В. Марченко при личном обыске была изъята жалоба, адресованная Генеральному Прокурору СССР Руден-

ко, в которой сообщалось о ряде нарушений законности, допущенных во время следствия и судебного разбирательства дела В. Марченко.

В лагере 389/35 было конфисковано заявление В. Лисового от 31.12.78 председателю Совета Союза Шитикову, в котором он выразил пожелание, чтобы в лагерной столовой было больше свежих овощей.

В марте 78 года И. Грабанс направил жалобу в Президиум Верховного Совета СССР в связи с тем, что письма из Латвии к нему идут два-три месяца. Вскоре после этого переписка И. Грабанса была вообще прервана, и в течение уже пяти месяцев он не получает ни одного письма.

Эти факты, которые составляют лишь малую часть общего целого, свидетельствуют, что управление лагерей ВС-389 имеет весьма обширные возможности для нарушения прав человека и государственных законов в отношении политзаключенных. Так, ему предоставлено право пресечения любой информации о подобных нарушениях вплоть до конфискации жалоб заключенных в вышестоящие инстанции.

В лагерях строгого режима не положено иметь телевизоры и радиоприемники кроме офицерской радиоточки. Количество корреспонденции, которое заключенный имеет право отправить – писем, открыток, телеграмм, то есть в неофициальные инстанции, – ограничивается двумя в месяц. Использование телефонной связи полностью запрещено. Запрещена отправка заявлений, жалоб и другой корреспонденции такого характера в негосударственные организации.

Заключенному не разрешается в жалобе защищать других заключенных, а также не разрешаются коллективные жалобы. Представители Красного Креста, иностранные корреспонденты и другие иностранные лица никогда не разговаривали с заключенными советских политлагерей. Нужно сказать прямо: советские заключенные смеются, когда читают в советской прессе сообщения о том, каким ограничениям в своих правах подвергаются полит. з/к на Западе или даже в чилийских лагерях. Эти ограничения не идут ни в какое сравнение с ограничениями прав в советских лагерях.

Сентябрь 1978 г.

П. Плуйрас-Плумпа

ЖИЗНЬ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО ИГОРЯ ОГУРЦОВА В ОПАСНОСТИ

15/II-1967 г. в Ленинграде был арестован молодой ученый филолог-семитолог Игорь Огурцов. В том же году он был осужден Ленинградским городским судом по ст. 64 УК РСФСР ("измена родине") к заключению в тюрьме на 7 лет, к заключению в лагере на 8 лет и к ссылке на 5 лет — всего к 20 годам лишения свободы. Как "заговор с целью захвата власти" судом было квалифицировано создание Игорем Огурцовым вместе с другими молодыми учеными и студентами нелегального социал-христианского союза (ВСХСОН), в который входило всего 20 человек.

Четырех человек (в том числе Огурцова) судили отдельно по ст. 64 УК РСФСР. Все остальные члены союза были осуждены по ст. 70 УК.

На суде, признавая организацию социал-христианского союза Огурцов категорически отвергал измену родине. По этому поводу в письмах к родным из тюрьмы Огурцов писал:

... Юридическая сторона дела никого не интересовала с самого начала. Неужели Вы думаете, что судьи были настолько безграмотны, что не понимали, чем отличается заговор с целью захвата власти от создания нелегальной группы, отдаленной целью которой было развертывание социал-христианского движения?

И далее:

... Нелепость обвинения в измене ... и нелепость обвинения двух студентов и двух литературоведов в стремлении захватить власть в стране в свои руки (это само по себе неправдоподобно, но даже и в программе нашей сформулировано совершенно противоположное) — все это было ясно с самого начала ... Присяга, которую давали все, начиналась словами: "Я, сын Великой России, клянусь Отечеству и Народу не жалеть сил в борьбе за свободу и благосостояние Родины".

Как нам известно, практическая деятельность Огурцова и других членов ВСХСОН сводилась к изучению и обсуждению философской и исторической литературы (в том числе Бердяева, Вл. Соловьева и др.).

Совершенно очевидно, что столь суровому наказанию Игорь Огурцов был подвергнут не за "измену" и не за "заговор", а за свободную мысль, за свободное общение с людьми, разделяющими его философские и религиозные взгляды, за создание свободной ассоциации людей, размышляющих о судьбе своей Родины.

Все осужденные по этому делу уже освобождены по отбытии срока наказания. Игорь Огурцов уже 13-й год находится в заключении. Не-

человечески тяжелые условия заключения во Владимирской тюрьме, где он провел 7 лет, и уже пятый год в условиях Уральского лагеря, где он работает к о ч е г а р о м , полностью подорвали здоровье Игоря Огурцова.

Этот мужественный человек, переносящий с христианским терпением тяжесть своего многолетнего заключения, раньше не писал родителям о своей болезни. С прошлого года в его письмах появляются строчки о тяжелом состоянии здоровья. В письме от 14/II-79 г. он пишет:

... Последний год унес столько здоровья, вернее больше, чем предыдущие одиннадцать лет. Боль круговая в брюшной области и пояснице такая, что отдается каждый шаг, даже кашель, а мне приходится работать днем и ночью. Эта боль длится непрерывно двенадцать месяцев. Трудно сказать, чем это кончится .

В письме от 28/II-1979 г.:

... Чувствую себя весьма плохо, работать очень трудно — непрерывная боль в пояснице и внизу живота, ломит тазовые кости. Поскольку я не могу с уверенностью определить, в чем дело, то не могу даже принять и своих каких-либо мер. Довериться же местной санчасти невозможно, да там я и не получил абсолютно никакой помощи и никакого определения заболевания, когда год назад обратился к ней с такими симптомами.

Еще в прошлом году Игорь писал:

... Самочувствие весьма скверное, отчасти, конечно, благодаря "курортным" двум месяцам (находился в ПКГ — помещении камерного типа), это если учитывать только ближайшее, если же взять глубже — тюремное семилетие, еще глубже — двенадцатый год... Подправить здоровье здесь, конечно, и мечтать нечего, если все действует в обратном направлении, да и лечиться нелегко .

К моменту ареста Игорь был здоровым 29-летним человеком, спортсменом, активно занимавшимся научной деятельностью. В невыносимых условиях тюремного и лагерного заключения он изучил языки (английский, испанский, итальянский, французский и польский, до ареста он уже владел немецким, арабским, сирийским, изучал древневосточный и др. восточные языки), много читал, активно участвовал в борьбе за статус политзаключенного, в протестах политзаключенных против несправедливостей и поправам прав заключенных.

Сейчас, после двенадцати лет заключения, родители, имевшие личное свидание с Игорем в лагере, увидели его изможденным, больным, непрерывно страдающим стариком (это в 42 года!).

Игорь сказал родителям, что он слабеет с каждой неделей, что симптомы болезни усиливаются, начали разрушаться зубы, выпали почти все волосы.

Попытка самого Огурцова и его родителей добиться через Медицинское Управление МВД СССР помещения для обследования и установления диагноза в Центральную больницу МВД в Ленинграде повлекла лишь безоговорочный отказ со ссылкой на "удовлетворительное состояние здоровья осужденного" (отношение № 11-1759 от 20/IV-1979 г.).

Мы помним трагическую смерть Юрия Галанскова, которому также отказывали в помещении в Ленинградскую больницу МВД, предлагая оперироваться у местных тюремных врачей, которым он не доверял ...

Игорь Огурцов погибает. Для его спасения нужны не только врачи и лекарства, но и, главное, нормальные условия человеческого существования.

Мы призываем всех глав правительств стран, подписавших Хельсинкский Акт, и общественность (в частности, врачей) этих стран использовать все доступные способы и средства для спасения жизни Игоря Огурцова.

13 мая 1979 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Мальва Ланда, Виктор Некипелов,
Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев*

О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ПСИХИАТРИЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

Как стало известно, видный правозащитник генерал Петр Григоренко с его согласия был обследован крупнейшими психиатрами США (в их числе — профессор Алан Стоун, избранный недавно президентом Американской ассоциации психиатров). Три высококвалифицированных специалиста-психиатра, обследовавшие Григоренко независимо друг от друга и по разной методике, пришли к одинаковому заключению: Петр Григоренко психически здоров, никаких признаков психического заболевания у него нет.

Такое заключение не явилось неожиданностью. Никто из людей, знавших Григоренко, никогда не сомневался в его психической полноценности. Восемь лет тому назад молодой киевский психиатр Семен Глузман смело выступил со своей "Заочной психиатрической экспертизой" Петра Григоренко. В своем заключении, основанном на доступных ему документальных медицинских данных и имеющейся в его распоряжении информации о личности и деятельности Григоренко, Глузман пришел к такому же заключению, что Петр Григоренко психическим заболеванием не страдает и является вменяемым. Это заключение Глузмана явилось причиной его ареста и осуждения по ст. 70 УК РСФСР, и Глузман в течение семи лет отбывал наказание в Пермских лагерях и сейчас находится в тяжелых условиях ссылки в таежном поселке Нижняя Тавда, Тюменской области. В результате 4-месячной голодовки протеста, продолжавшейся и во время этапирования в ссылку, Глузман сейчас находится в больнице.

Еще раньше в процессе следствия по делу Григоренко квалифицированная экспертная комиссия под председательством известного психиатра профессора Детингофа в Ташкенте дала заключение о том, что Григоренко психическим заболеванием не страдает и что помещение его в психиатрический стационар окажется вредным для его здоровья.

И только повторная "экспертиза" в Институте Сербского в Москве признала Григоренко невменяемым параноиком, вследствие чего он был по приговору суда подвергнут принудительному "лечению" в специальной психиатрической больнице МВД, которая фактически является психиатрической тюрьмой.

Мы не сомневаемся в том, что и врачам-психиатрам Института им. Сербского, и судебным и административным властям также было совершенно ясно, что Григоренко здоров.

По действующему закону признанные невменяемыми, не несут ответственности за свои действия, т.е. являются не виновными, а боль-

ными. Заболевший офицер подлежит увольнению в отставку с назначением пенсии и сохранением воинского звания. Однако генерал Григоренко после признания его невменяемым — психически больным — был разжалован и лишен генеральской пенсии (в силу чего Григоренко в промежутке между двумя периодами заключения в психиатрических тюрьмах был вынужден работать грузчиком).

Актом разжалования и лишения военной пенсии власти по существу признали, что Григоренко считают не больным, а виновным и наказывают путем помещения в психиатрическую специальную больницу МВД.

Таким образом, очевиден факт преступного помещения в психиатрическую больницу заведомо здорового человека.

"Дело" Григоренко, участника войны, боевого генерала и военного ученого, — возмутительно само по себе. Но еще большее значение это дело приобретает как бесспорное доказательство наличия в СССР развращенной системы использования психиатрии в качестве репрессий, применяемых в политических целях для расправы с сотнями инакомыслящих и верующих в Бога людей.

Эта преступная система, хотя до известной степени и подорванная усилиями таких людей, как Буковский, Глузман, Александр Подрабинек (находящийся сейчас в ссылке за созданную им книгу "Карательная медицина"), и широкими кампаниями протестов на Западе, все еще продолжает действовать.

Многие годы томятся за свои убеждения в психиатрической больнице Микола Плахотнюк, Иосиф Тереля. При этом они подвергаются интенсивному "лечению", разрушающему их здоровье. Лишь недавно освобожден из психбольницы публицист-инакомыслящий Борис Евдокимов, здоровье которого непоправимо подорвано многолетним пребыванием в психбольницах. После долгих лет заключения в психиатрических больницах вышел на свободу желавший эмигрировать из СССР Михаил Луцик, с которого сняты все ранее поставленные диагнозы психического заболевания. Но кто вернет ему годы и здоровье, потерянные в заключении?

Это лишь отдельные примеры, количество которых может быть значительно увеличено. Сотни узников совести (а мы их даже не всех знаем) еще продолжают страдать за свои убеждения и религиозные верования в тяжелых условиях специальных психиатрических больниц МВД. Сотни других, находящихся на психиатрическом учете, могут быть в любой день схвачены и насильственно помещены в психиатрические больницы по указанию властей.

Продолжающаяся практика психиатрических репрессий в СССР подробно освещается в Информационных бюллетенях Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях.

Борьба с злоупотреблениями психиатрией требует придания широкой гласности каждого такого случая. Кроме того, мы считаем необхо-

димым тщательное и объективное расследование не только дела Петра Григоренко, но и всех известных случаев необоснованного помещения людей в психиатрические больницы. Расследование это должно иметь своей целью привлечение виновных к ответственности и проводиться с широким участием общественности и зарубежных специалистов – врачей-психиатров.

Мы призываем приложить усилия к освобождению доктора Глузманна из ссылки.

20 мая 1979 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Мальва Ланда, Виктор Некипелов,
Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев*

Члены Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях:

*Вячеслав Бахмин, Феликс Серебров,
Леонард Терновский*

НОВАЯ УГРОЗА А.Д. САХАРОВУ

13-го мая 1979 года член Группы Виктор Некипелов, а 16 мая член Инициативной группы по защите прав инвалидов Валерий Фефелов, проживающие во Владимирской области, получили анонимные письма, отправленные из Москвы, следующего содержания:

На 3-е июня 1979 г. планируется покушение на жизнь А.Д. Сахарова.

В связи с этими письмами мы выражаем серьезную тревогу и считаем необходимым широко информировать об этом мировую общественность.

20 мая 1979 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Мальва Ланда, Виктор Некипелов,
Юрий Ярым-Агаев*

ОБ ЭМИГРАЦИИ ИЗ СССР

Эмиграционная политика в СССР в настоящее время являет собой непрерывную цепь нарушений прав человека и гражданина, беззакония и произвола.

На Западе в последнее время появилась выраженная тенденция всякое увеличение числа евреев, получивших разрешение на выезд, расценивать как принципиальное улучшение эмиграционной политики СССР. Между тем при всей значительности и принципиальности вопроса о репатриации евреев этот вопрос ни в коей мере не исчерпывает всей проблемы свободы эмиграции.

Из чисто конъюнктурных соображений советские власти то приоткрывают, то закрывают клапан, выпуская то большее, то меньшее количество евреев, создавая впечатление выполнения своих международных обязательств в области эмиграции. Все остальное население страны лишено и этой узкой и произвольной "свободы эмиграции".

Заключительный Акт Хельсинкского соглашения в третьем разделе обязывает государства, его подписавшие, оказывать содействие объединению семей, члены которых живут в разных странах. Это отнюдь не меняет, а лишь дополняет основное право человека на эмиграцию и на возвращение в свою страну, гарантированное статьей 13 Всеобщей декларации прав человека и статьей 12 Международного пакта о гражданских и политических правах, необходимость выполнения которого подтверждается статьей 7 1-го раздела Хельсинкского Акта.

Однако советские власти, полностью игнорируя принципы свободы эмиграции, независимо от причин, побуждающих человека выехать из своей страны, не принимают и не рассматривают заявлений об эмиграции при отсутствии "вызова" родственников. (Нельзя не отметить, что и при наличии такого "вызова" тысячи граждан такого разрешения не получают.)

Пункт 3 статьи 12 Пакта о гражданских и политических правах устанавливает, что право на эмиграцию не может быть объектом никаких ограничений кроме тех, которые предусмотрены законом. Но в нашей стране нет закона (по крайней мере опубликованного), устанавливающего основания для отказа в праве выезда из страны и в праве возвращения в нее, и закона, обуславливающего процедуру рассмотрения и разрешения эмиграционных дел. Вместо закона здесь царит произвол чиновников ОВИРа, а зачастую и высших государственных чиновников, отказывающих, как правило, в разрешении на выезд немотивированно и в устной форме.

В тех редких случаях, когда удается получить письменный отказ, произвол и беззакония властей становятся наиболее очевидны. Мы приведем здесь один пример такого письменного отказа, полученного правозащитником Виктором Некипеловым от исполкома Владимирского областного Совета депутатов трудящихся 10 апреля 1979 г. :

По поручению соответствующих инстанций сообщая, что ваша просьба о выезде на постоянное жительство в государство Израиль и о выходе из гражданства СССР не может быть удовлетворена, так как ваш родственник, проживающий в государстве Израиль, не является членом вашей семьи, а выход из гражданства противоречит государственным интересам СССР.

Начальник УВД Владисполкома —

А.Ф. Петров

Не затрагивая в этом документе вопроса о серьезных недостатках нового закона о гражданстве СССР, надо отметить, что эмиграция сама по себе не должна служить основанием для лишения гражданства.

Десятки тысяч евреев, немцев, русских, украинцев, литовцев, эстонцев и людей других национальностей и разных вероисповеданий годами добиваются разрешения на выезд из страны. Отсутствие закона, регулирующего право на эмиграцию, а также установившаяся тенденция рассматривать людей, желающих выехать из страны, как полупреступников, чуть ли не изменников, приводят к тому, что тысячи людей не только не получают разрешения на выезд, но и подвергаются преследованиям и притеснениям. Их вынуждают увольняться с работы, исключают из учебных заведений, а нередко и привлекают к уголовной ответственности по сфальсифицированным делам.

Для подлинного улучшения условий эмиграции необходимо принять и широко опубликовать закон об эмиграции. Этот закон должен соответствовать принятым на себя нашим государством международным обязательствам. Закон должен содержать в себе четко сформулированные причины, по которым может быть отказано в разрешении выезда из страны, и детально разработанную процедуру рассмотрения эмиграционных дел и обжалования отказа на эмиграцию.

С учетом сложившихся десятилетиями типичных для нашей страны нарушений прав на эмиграцию закон должен содержать в себе следующие основные пункты:

1. Общее декларирование права каждого гражданина на выезд из страны и на возвращение в свою страну, со ссылкой на соответствующие статьи Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах.
2. Указание на то, что эмиграция сама по себе не влечет утраты гражданства СССР.

3. Запрещение всех видов дискриминации и преследований за желание эмигрировать.

4. Отмену вызова от родственников в качестве обязательного условия принятия к рассмотрению эмиграционных дел.

5. Исчерпывающий перечень причин, по которым может последовать отказ в разрешении на эмиграцию, расшифровывающий конкретно, какие неисполненные обязательства и какие интересы государства ограничивают право выезда и на какой срок.

6. Установление, что споры между родителями о выезде несовершеннолетних детей должны разрешаться в судебном порядке на основе реальных отношений между детьми и каждым из родителей.

7. Исчерпывающий перечень документов, прилагаемых к просьбе о разрешении на выезд из страны.

8. Обязательное вручение лицу, возбудившему ходатайство об эмиграции, в случае отказа в его просьбе письменного уведомления с указанием причин отказа и срока действия отказа, со ссылкой на соответствующие статьи закона.

9. Установление срока, в течение которого должно быть рассмотрено заявление об эмиграции.

10. Установление судебного порядка обжалования отказа в разрешении на эмиграцию с обеспечением гласности судебного разбирательства.

Издание и широкое опубликование такого закона может способствовать улучшению условий эмиграции и даст возможность проверять международные обязательства государства в вопросах соблюдения прав человека в области свободы эмиграции и выбора страны проживания.

4 июня 1979 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда, В. Некипелов, Т. Осипова, Юрий Ярым-Агаев

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА "ПОИСКИ" ПРОДОЛЖАЮТСЯ

29 мая 1979 г. в метро был задержан, подвергнут личному обыску и допрошен член редакции самиздатского московского дискуссионного журнала "Поиски" Виктор Сокирко.

Ордер на обыск подписан зам. прокурора г. Москвы Нестеровым. Задержание и допрос производились старшим следователем Московской городской прокуратуры Бурцевым по делу № 50611/14-79 (дело, возбужденное по ст. 190-1 УК РСФСР по факту составления и распространения неподцензурного журнала "Поиски").

При личном обыске у Сокирко изъято 11 экземпляров (машинописных) 5-го номера журнала "Поиски" и ряд рукописных материалов.

От дачи показаний Сокирко отказался. После этого он был приведен в его квартиру, где также был произведен обыск, во время которого изъяты различные рукописные материалы, копии статей, предназначенных для последующих номеров "Поисков", самиздатская литература, записные книжки и пишущая машинка.

Во время обыска к Сокирко пришел Глеб Павловский, который также был подвергнут личному обыску при отсутствии ордера на его обыск. У него изъята рукопись и записная книжка.

Новое задержание и обыск, так же как и допросы Петра Егидеса и других членов редакции, имевшие место в мае с.г., свидетельствуют о том, что право на свободу слова неуклонно нарушается в нашей стране и людей преследуют за свободную мысль, за неподцензурное слово.

Мы еще раз подчеркиваем, что члены редакции журнала "Поиски" находятся под угрозой репрессий и нуждаются в защите международной общественности.

5 июня 1979 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор
Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий
Ярым-Агаев*

Справка: Виктору Сокирко 40 лет. Он имеет высшее образование. Работает в качестве старшего научного сотрудника ВНИИ-нефтемаш. Женат и имеет четверых несовершеннолетних детей.

СВОБОДУ ВСЕМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ ЧЛЕНАМ ГРУПП "ХЕЛЬСИНКИ" В СССР

Несколько более года тому назад процессами Миколы Руденко и Олексы Тихого на Украине и основателя движения общественных Групп содействия выполнению Соглашений в Хельсинки известного физика профессора Юрия Орлова в Москве началась серия судов над членами этих общественных Групп. Все они были арестованы в преддверии конференции в Белграде по проверке выполнения Заключительного Акта Соглашения в Хельсинки. Их арест был преднамеренным демонстративным нарушением Соглашения в Хельсинки с расчетом на отсутствие решительных протестов со стороны Запада. Этот расчет оправдался, и в результате делегации западных стран в Белграде заранее были поставлены в невыгодное, трудное положение.

Все суды над членами Групп "Хельсинки" были фактически закрытыми, их исход был заранее предрешен, обвиняемые были фактически лишены защиты, и суды предварялись жестоким предварительным заключением. В этом отношении все процессы разнятся лишь деталями, но процесс Анатолия Щаранского отличается от остальных одним крайне важным обстоятельством, приобретающим сейчас особое значение.

Анатолий Щаранский был приговорен к 13 годам тюрьмы и лагерей по обвинению в измене родине, в связи с ЦРУ и шпионаже в пользу США.

Президент США Джими Картер еще до суда в нескольких публичных заявлениях формально заявил, что Анатолий Щаранский не имел никаких связей с ЦРУ. Эти заявления являются беспрецедентными в практике международных отношений и заслуживают безусловного доверия, так как, не говоря уже о чувстве чести Президента Картера, выступить в условиях демократического строя США в такой ситуации с неверным утверждением равносильно политическому самоубийству. Тем не менее советские власти отказали Президенту Картеру в доверии и предпочли его категорическим заверениям лжесвидетельства заведомого провокатора Липавского.

Все это приобретает особое значение сейчас в связи с предстоящим подписанием договора ОСВ-2 с последующей его ратификацией в сенате США. Это договор чрезвычайного значения и чрезвычайной сложности. С одной стороны, договор такого типа является насущной необходимостью, а с другой — он таит в себе потенциальные грозные опасности. В таком договоре, например, невозможно заранее учесть и оговорить все способы его нарушения, совершенно очевидно, что под-

писание и ратификация его требуют определенной степени доверия двух договаривающихся сторон. Более того, ратификация договора сенатом возможна лишь при доверии американского народа и сената к заверениям защитников ОСВ-2 и в первую очередь к заявлениям по этому поводу Президента Картера.

Советские средства массовой информации активно включились в в развернувшуюся в США острую полемику по поводу предстоящей ратификации сенатом ОСВ-2, в частности, советские представители и советская печать всячески подчеркивают значение заверений Президента Картера в пользу ОСВ-2. Совершенно непонятно, как можно совместить оскорбительное пренебрежение к заявлению Президента Картера в таком простом вопросе, как ложное обвинение Анатолия Шаранского в сотрудничестве с ЦРУ, со ссылками на его авторитет в таком предельно сложном вопросе, как ОСВ-2.

Вопрос о доверии к советской стороне явно и подспудно будет играть существенную роль при обсуждении ОСВ-2 в сенате. Несомненно, многие сенаторы будут ссылаться на нарушение Советским Союзом принятых на себя с особой торжественностью обязательств Заключительного Акта Соглашения в Хельсинки, и в первую очередь на арест и осуждение на длительные сроки членов общественных Групп содействия выполнению Соглашений в Хельсинки в СССР.

Мы считаем совершенно необходимым, чтобы подписание ОСВ-2 сопровождалось таким минимальным проявлением доброй воли, как освобождение всех членов Групп "Хельсинки" в СССР, а именно Ю. Орлова, А. Шаранского, А. Подрабиника, В. Слепака, М. Руденко, О. Тихого, М. Мариновича, М. Матусевича, Л. Лукьяненко, О. Бердника, В. Пяткуса, Б. Гаяускаса, Р. Назаряна, Ш. Арутюняна, М. Коставы, В. Рцхиладзе, З. Гамсахурдиа.

11 июня 1979 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов, Татьяна Осипова,
Юрий Ярым-Агаев*

Присоединяюсь —

Андрей Сахаров

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ УЧАСТНИКОВ
НЕЗАВИСИМЫХ АССОЦИАЦИЙ ДЛЯ ЗАЩИТЫ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ТРУДЯЩИХСЯ.**

**Ленинградским судом осужден член-основатель Свободной
межпрофессиональной организации трудящихся (СМОТ)
Лев ВОЛОХОНСКИЙ**

Попытки создания ассоциации с целью борьбы за трудовые, социально-экономические права, а также для осуществления взаимопомощи и непосредственной помощи (моральной, юридической, материальной) тем, кто особо в ней нуждается, — сурово пресекаются властями.

Ранее уже сообщалось о репрессиях в отношении ряда лиц, образовавших в конце 1977 — начале 1978 года Свободный профсоюз (руководитель этого профсоюза Владимир Клебанов был арестован и затем направлен в спецпсихбольницу — тюрьму для опасных преступников, признанных психически больными; здесь он находится до настоящего времени); сообщалось об уголовных и психиатрических преследованиях рабочих, выступивших в поддержку Свободного профсоюза. Сообщалось также о преследованиях лиц, образовавших в октябре-ноябре 1978 г. Свободную межпрофессиональную организацию трудящихся — СМОТ (см. документы Группы от марта 1978 г., от января 1979 г., № 76).

* * *

19 марта с.г. был арестован и 12 июня осужден член-основатель СМОТ Лев Волохонский. Суд признал его виновным в "клевете", "распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй" — ст. 190-1 УК РСФСР. Два года лишения свободы в "исправительно-трудовой колонии" (лагере) общего режима. Л. Волохонского, как и других лиц, осужденных по этой статье, направят отбывать наказание в так называемый "бытовой" лагерь, вместе с осужденными за воровство, хулиганство, взятки и другие "бытовые" преступления.

Очевидно, в связи с тем большим вниманием, которое проявила западная общественность, в том числе многие профсоюзы, к образующим-

ся в нашей стране ассоциациям профсоюзного характера, суд не называл СМОТ ни "антисоветской", ни "нелегальной" организацией.

Инкриминировалось, однако, составление документов СМОТ, квалифицированных судом как "содержащие сведения, порочащие советский общественный и государственный строй", а также передача иностранным корреспондентам информации о создании СМОТ.

Наряду с участием в деятельности СМОТ Волохонскому инкриминировалось распространение литературы "антисоветского содержания", в качестве каковой на суде фигурировали "Архипелаг ГУЛаг" Солженицына, сборник статей А.Д. Сахарова, самиздатский бюллетень "Хроника текущих событий" и несколько издающихся за рубежом журналов на русском языке. Доказательства распространения Волохонским этой литературы в сущности отсутствуют (сам Волохонский утверждает, что эту литературу, за исключением сборника А.Д. Сахарова, он не распространял. Свидетели, давшие на предварительном следствии показания о распространении Волохонским этой литературы, на суде от тех показаний отказались и сказали, что дали их под давлением.). Повидимому, обвинение в распространении литературы нужно для того, чтобы не столь явной была действительная причина преследования Волохонского — его активное участие в СМОТ.

Заявив на суде, что он является основателем и членом Совета представителей СМОТ — организации профсоюзного типа, Л. Волохонский, защищая свою позицию (он отказался от участия в суде официального адвоката), настаивал на том, что СМОТ — легальная организация, поскольку Конституция СССР гарантирует право организации любых профсоюзов; создание свободных, независимых от государства профсоюзов стало в нашей стране насущной необходимостью; СМОТ и ВЦСПС преследуют разные цели: ВЦСПС — школа коммунизма, а дело СМОТ — забота о сегодняшнем дне, непосредственная защита прав трудящихся.

* * *

Преследования за участие в мирных и не призывающих к насилию ассоциациях, осуждение одного из членов-основателей Свободной межпрофессиональной организации трудящихся Льва Волохонского — это проявление полного пренебрежения к основным правам человека, в частности, к правам, оговоренным в статье 20 Всеобщей декларации прав человека.

Содержание в документах СМОТ "заведомо ложных измышлений" или "клеветы" судом по существу не доказано (и даже не доказывалось). Инкриминируемые Волохонскому акции (передача информации — несекретной, а также распространение литературы) представ-

ляют собой реализацию права на свободу убеждений (ст. 19 Всеобщей ДПЧ). Преступлением и нарушением международных обязательств является привлечение за это к уголовной ответственности.

Отсутствие основных человеческих прав и свобод неизбежно сочетается с социально-экономической несправедливостью. Трудовые, социально-экономические права и социальная справедливость могут быть реализованы лишь при наличии борющихся за них ассоциаций трудящихся, свободных и независимых от правящей партии и государства.

15 июня 1979 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Мальва Ланда, Наум Мейман,
Виктор Некипелов*

**ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ВЕРУЮЩИХ,
ПОДАВЛЕНИЕ СВОБОДЫ СОВЕСТИ,
СВОБОДЫ УБЕЖДЕНИЙ, СВОБОДЫ СЛОВА
И СВОБОДЫ ПЕЧАТИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ —
НЕ ПРЕКРАЩАЮТСЯ.
СУДЫ НАД АДВЕНТИСТАМИ**

В марте с.г. был осужден арестованный год назад глава Всесоюзной церкви адвентистов (ВЦ ВСАСД) 83-летний Владимир Шелков.

Пять лет лишения свободы в "исправительно-трудовой колонии" (лагере) строгого режима. Шелков осужден за религиозную и религиозно-правозащитную деятельность. За такую же деятельность он неоднократно арестовывался и ранее, отбыл в заключении более 20 лет.

Вместе с Владимиром Шелковым в марте-апреле 1978 г. были арестованы и в марте с.г. осуждены к лишению свободы деятельные члены Церкви адвентистов Илья Лепшин (5 лет лишения свободы), Арнольд Спалинь (5 лет), Софья Фурлет (3 года).

У осужденных конфискованы принадлежавшие им жилые дома (единственное жилище их семей), а также изъятые на обысках деньги, пишущие машинки, магнитофоны, магнитофонные кассеты и ленты, литература — все это квалифицировано судом как "предметы и орудия преступления".

Одновременно с арестами и вслед за ними на протяжении длительного времени проводились многочисленные обыски у членов Церкви адвентистов — изъято большое количество литературы, изготовленной в подпольной типографии неофициального издательства Всесоюзной церкви адвентистов "Верный Свидетель", а также литература, изготовленная машинописным и рукописным способами.

Владимиру Шелкову и его поделщикам инкриминируются статьи и письма, информирующие о нарушении прав верующих, о преследованиях верующих в СССР, в частности, открытые письма, адресованные Президенту США и Белградскому совещанию по проверке выполнения Хельсинкских соглашений.

" Обнаружение указанных писем на имя Президента США Картера, подписанных Шелковым В.А., явилось основанием к возбуждению 21 марта 1978 г. прокуратурой Ставропольского края уголовного дела № 30019 по признакам преступления, предусмотренного статьей 190-1 УК РСФСР", — из Обвинительного заключения.

" ... изготовленные типографским способом 34 брошюры с текстом письма на имя Президента США Джими Картера от имени Шелкова В.А., именовавшего себя Председателем Всесоюзной церкви "Адвентистов 7-го дня, реформационного движения" ... Были изъяты ... письма и обращения Шелкова к Президенту США, в которых Шелков призывает Президента вмешаться во внутренние дела СССР с целью защиты "борцов за права человека", в частности, Гинзбурга и Орлова, и защиты верующих от гонений со стороны "госатеистов" ...

... Настоящее уголовное дело подлежит направлению в прокуратуру г. Ташкента для утверждения обвинительного заключения.

Обвинительное заключение составлено в г. Ташкенте 1-7 декабря 1978 г. ... "

Письма и другие документы декларативно определены следствием и судом как "клеветнические", "заведомо ложные ...". Продолжавшееся около года предварительное следствие и затем областной суд (в г. Ташкенте) проходили с грубыми нарушениями советского законодательства.

(Так, например, лицам, в домах которых проводились обыски, не давали протоколов обысков — очевидно, опасаясь их огласки. Не были приглашены на суд и не были учтены заявления лиц, желавших свидетельствовать в защиту обвиняемых — дать показания о тех преследованиях, которым лично они подвергались и подвергаются за веру. У осужденного А. Спалиня сразу же после суда отобрали все документы и записи, необходимые для самозащиты: обвинительное заключение, приговор, сделанные Спалинем записи о суде и др. Зал суда почти полностью был заполнен сотрудниками КГБ и лицами, ангажированными властями. Отказались пустить на судебное заседание приехавшего на этот суд лауреата Нобелевской премии Мира академика А.Д. Сахарова.)

Местная и центральная советская печать публиковала дезинформацию о процессе, клевету на обвиняемых-осужденных.

В течение уже более двух месяцев не проведен кассационный суд. (Ожидается, что он состоится в Верховном суде Узбекской ССР в конце июня.)

Здоровье Владимира Шелкова ухудшается; жалобы на сердечную недостаточность, перебои сердечной деятельности.

* * *

11 июня с.г. в г. Ставрополе начался суд над адвентистами, которым инкриминируется размножение — печатание типографским способом — религиозной и религиозно-правозащитной литературы.

Перед судом предстали арестованные 10 месяцев назад печатники издательства "Верный Свидетель" Всесоюзной церкви адвентистов Рихард Спалинь, Анатолий Рыскаль, Яков Долготер.

Предъявлены обвинения по статьям: "распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский ..." (= ст. 190-1 УК РСФСР), "занятие запрещенным промыслом" (= ст. 162), а также Р. Спалиню — "хищение государственного имущества" (= ст. 92) — в связи с закупкой бумаги, краски, деталей к печатной машине и приобретением списанного на металлолом печатного станка.

О суде над адвентистами — печатниками издательства "Верный Свидетель" сообщает Совет Церкви адвентистов и призывает международную общественность выступить в их поддержку.

* * *

В последнее время, особенно в последние месяцы, все более и более усиливаются преследования адвентистов.

* * *

Преследования и суды над адвентистами — это посягательство на основные права и свободы граждан: свободу мысли, совести, религии и убеждений, свободу слова и печати. Это грубое нарушение принципа Хельсинкских соглашений: "Государства-участники признают всеобщее значение прав человека и основных свобод, уважение которых является существенным фактором мира, справедливости и благополучия".

Целесообразно проведение международными религиозными и правозащитными организациями тщательного расследования заявленных самими верующими нарушений их права на свободу совести и других прав. Наибольшее количество таких заявлений исходит от религиозных лиц и общин, отказывающихся от государственной регистрации, связанной с подчинением веры указаниям и контролю партии и государства.

О грубых нарушениях прав верующих и о преследованиях за вероисповедание заявлено также в документах комитетов защиты верующих и в ряде документов групп "Хельсинки".

16 июня 1979 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда, Н. Мейман, В. Некипелов

ЗАПРЕТ НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ РАБОТУ ПРАВООЗАЩИТНИКАМ

Многие правозащитники являются учеными, инженерами, врачами и представителями других высококвалифицированных профессий. Не прекращаются преследования правозащитников в профессиональной деятельности. Увольнение с работы означает не только материальные лишения, но и постепенную дисквалификацию. В то же время, оказавшись вынужденно безработными, они оказываются также под угрозой уголовного преследования по закону о так называемых "тунеядцах" ("систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством" — ст. 209 УК РСФСР). Реальность этой угрозы подтверждает, в частности, горький опыт двух членов групп "Хельсинки": ученого-физика Григория Гольдштейна и Петра Винса, освобожденных в начале 1979 г. после года заключения в уголовных лагерях по обвинению в "тунеядстве" — "паразитическом образе жизни".

Недавно преследованиям в сфере профессиональной деятельности подверглись: член Московской группы "Хельсинки" молодой ученый физико-химик Юрий Ярым-Агаев, члены Рабочей комиссии, расследующей злоупотребления психиатрией, молодой математик-программист Вячеслав Бахмин и врач-рентгенолог Леонард Терновский, а также один из распорядителей Фонда помощи политзаключенным инженер-программист Сергей Ходорович.

Приводим более подробные сведения об этих случаях.

Юрий Ярым-Агаев — научный сотрудник отдела полимеров Института физической химии Академии наук — был уволен в январе 1979 г. Его увольнение было осуществлено способом, который сам по себе представляет опасность для свободного развития науки. Начальник отдела и дирекция Института потребовали, чтобы он "засекретился", заполнив для этого специальные анкеты. Ярым-Агаев заявлял ранее и снова заявил, что по своим убеждениям он не может согласиться на засекречивание. Тогда его уволили. К моменту увольнения Ярым-Агаев находился в разгаре своей весьма успешной работы (внесенной в план Института) по открытой теме, и не было никаких деловых мотивов для его засекречивания.

Вячеслав Бахмин работает в должности старшего инженера в Институте "Информэлектрон" с 1973 года, все это время успешно выполняет свою работу, считается хорошим специалистом. Начальник лаборато-

рии, в которой он работает, официально предложил повысить его в должности, но директор Института, сославшись на требование заместителя министра, потребовал, чтобы Бахмин был уволен.

Очевидно, чтобы увольнение не выглядело столь явным, Бахмину сначала предложили перейти на конкурсную должность научного сотрудника, что дало бы возможность осенью этого же года уволить его как непрошедшего по конкурсу. Бахмин от перевода на эту должность отказался и 15 июня был официально предупрежден об увольнении. Решение об увольнении Бахмина принято, несмотря на существенное значение его работы для Института. Об этом заявили дирекции Института начальник лаборатории, где работает Бахмин, и начальник смежной лаборатории; последний заявил, что уход с работы Бахмина замедлит выполнение плана работ его лаборатории на полгода.

Леонард Терновский работает врачом-рентгенологом в клинике 1-го Московского мединститута с 1960 г. 4 апреля Терновский был вызван к ректору Института проф. В.И. Петрову. Петров в присутствии проректора проф. А.П. Савченко принял Терновского весьма грубо и начал разговор с вопроса: "Когда Вы прекратите свою вредную антигосударственную деятельность?" В ответ на спокойные слова Терновского, что он действует в соответствии со своими убеждениями и считает эту деятельность полезной, профессор-ректор обозвал Терновского "хамом". Терновский предупредил, что в таком тоне он разговаривать не склонен. Ректор заявил Терновскому, что ему не место в Институте. Затем ректор пытался получить от Терновского обещание изменить свое "общественное поведение", от чего Терновский категорически отказался. Дальнейших мер против Терновского пока не последовало.

Сергей Ходорович работает в должности старшего инженера-программиста в Вычислительном центре Управления Мосторплодоовощ. С работой всегда справлялся хорошо и за все годы никаких нареканий и замечаний не имел. За последнее время Ходоровичу по явно надуманным поводам один за другим было объявлено два выговора. По существующим законам три выговора — достаточная причина для увольнения.

Мы обращаем внимание МОТ и свободных профсоюзов на грубое нарушение прав трудящихся во всех описанных случаях. Местные профсоюзные организации (государственный профсоюз) не оказали поддержки преследуемым.

Мы обращаем внимание ученых, сотрудничающих с Институтом химической физики и вообще с Академией наук СССР, на увольнение Юрия Ярым-Агаева по политическим мотивам. Мы обращаем внимание медицинских учреждений и врачей на преследование по политическим мотивам их коллеги Леонарда Терновского.

20 июня 1979 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда, Н. Мейман, В. Некипелов, Т. Осипова

В ЗАЩИТУ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО СЕРГЕЯ КОВАЛЕВА

Известный правозащитник Сергей Ковалев, содержащийся в Пермском лагере № 36, объявил бессрочную голодовку протеста. Требования Ковалева содержат четыре пункта:

1. Свидание с женой и детьми.
2. Вручение ему необоснованно задержанных писем от членов семьи.
3. Свидание с адвокатом.
4. Вручение ему его личных выписок из материалов судебного дела, незаконно отобранных у него при этапировании в лагерь.

Последнее общее (двухчасовое) свидание с женой и детьми Сергей Ковалев имел 4.12.78 г. Полагающееся 7.4.79 г. очередное личное свидание с женой и детьми было перенесено на 7.10.79 г. (т.е. отодвинуто на 6 месяцев — срок нахождения Ковалева в ПКТ).

4.6.79 г. жена с сыном и дочерью Ковалева приехали на очередное краткосрочное свидание, но им сообщили, что Ковалев лишен свиданий за то, что не поздоровался с представителем администрации лагеря. Таким образом, уже более полугода Ковалев лишен возможности увидеть жену и детей и не сможет их увидеть по крайней мере до 7.10. с.г.

Письма, адресованные Сергею Ковалеву его сыном Ковалевым Иваном, систематически конфискуются, и уже более года ни одно письмо сына Сергею Ковалеву не вручено. Письма жены вручаются Ковалеву очень редко.

Свидания с адвокатом Резниковой Е.А. Ковалев добивается с октября 1978 г. Свидание неоднократно откладывалось по разным причинам. 1.3.79 г. адвокат Резникова приехала на свидание к Ковалеву, но свидание не состоялось в силу того, что представители администрации лагеря пытались подвергнуть адвоката обыску, на что адвокат Резникова категорически не согласилась.

На многочисленные запросы и требования о возврате личных выписок из судебного дела Ковалев в течение более двух лет ответов по существу не получает.

Все перечисленные нарушения прав заключенного вынудили Сергея Ковалева прибегнуть к крайней мере протеста — голодовке.

Резко ухудшившееся состояние здоровья Сергея Ковалева вызывает тревогу, т.к. в условиях голодовки могут наступить необратимые последствия, угрожающие не только здоровью, но и жизни политзаключенного Сергея Ковалева.

Мы считаем необходимым информировать о положении Сергея Ко-

валева глав правительств стран, подписавших Хельсинкское Соглашение.

Одновременно мы призываем мировую общественность и в особенности ученых продолжить свои усилия в деле освобождения Ковалева, осужденного за свободную мысль, за свободное слово, за сбор и распространение информации.

26 июня 1979 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Мальва Ланда, Наум Мейман, Вик-
тор Некипелов, Татьяна Осипова,
Юрий Ярым-Агаев*

Приложение к документу № 97

**Произвол в отношении политзаключенных.
Голодовка Сергея Ковалева —
протест против непрекращающегося произвола**

Советская пенитенциарная система направлена на уничтожение личности, и сохранить личность как таковую можно лишь в сопротивлении, несмотря ни на какие наказания. От политзаключенных — узников совести власти пытаются добиться отказа от своих убеждений, используя для этого изнурительный труд, недостаточное питание (вплоть до пытки голодом), наказания, связанные с физическими и моральными страданиями, строжайшую изоляцию от внешнего мира ... — Это мнение многих вчерашних и сегодняшних политзаключенных, мнение многих участников правозащитного движения (см., в частности, документы Группы № 3 от июня 1976, № 17 от января 1977, № 62 от сентября и № 66 от 30 октября 1978, № 87 от апреля 1979; см. также "Хронику текущих событий" — "Борьба за права человека в Советском Союзе продолжается").

* * *

Сергей Ковалев — один из наиболее достойных и самоотверженных участников правозащитного движения в нашей стране. Член Инициативной группы защиты прав человека в СССР с момента ее основания в середине 1969 г. вплоть до своего ареста в последних числах декабря 1974 г. Издатель неподцензурного бюллетеня "Хроника текущих событий" — "Борьба за права человека в Советском Союзе продолжается" (На суде Ковалеву инкриминировалось издание и распространение ве-

сной-летом 1974 г. 28-34-го выпусков "Хроники"). Сергей Ковалев посвятил много времени и сил исследованию условий содержания политзаключенных и преданию гласности имеющейся у него информации.

Сергей Ковалев через год после ареста, в декабре 1975 г., был осужден — в условиях грубейших нарушений законности — по обвинению в "антисоветской агитации и пропаганде" к семи годам лишения свободы в "исправительно-трудовой колонии" (лагере) строгого режима и трем годам ссылки.

Направленный для отбытия срока лишения свободы в Уральский лагерь № 36 (Пермская область, Чусовской район, пос. Кучино, учреждение ВС-389/36), Сергей Ковалев то и дело подвергается дополнительным жестоким наказаниям, не раз его подвергали пытке, каковую представляет собой длительное пребывание в ШИЗО (карцере); с мая 1978 г. он в течение 6 месяцев находится в ПКТ (внутрилагерная тюрьма, строгий тюремный режим) ... Как правило, назначение этих наказаний С. Ковалеву является вопиющим произволом даже по лагерным стандартам. Сергей Ковалев не раз держал голодовки протеста. Его поддерживали и выступали в его защиту многие политзаключенные этого лагеря.

В интервалах между этими наказаниями сотрудники КГБ уговаривали Сергея Ковалева "раскаяться", отказаться от своих убеждений.

Сергей Адамович Ковалев, 1930 г. рождения, талантливый эрудированный ученый, биолог, автор ряда ценных научных работ, принуждается к изнурительному и отупляющему физическому труду. Он выполнял и выполняет некоторые операции в производстве электроутоягов, нередко относящиеся к категории особо вредных работ; в течение нескольких месяцев зимой 1978-79 г. работал кочегаром, приходилось колоть смерзшийся уголь, возить и таскать большие количества угля и шлака (преимущество работы кочегара заключается в том, что здесь не требуется "норма выработки": выполнение "нормы" часто непосильно для С. Ковалева).

В результате пребывания в заключении у С. Ковалева развились тяжелая стенокардия — частые стенокардические приступы; сильные головные боли, сопровождающиеся тошнотой и головокружением; разрушены зубы — полон рот больших зубов, частые и сильные боли (в лагере нет зубного врача). Частые и сильные кишечные боли. С. Ковалев страдал тяжелым, сопровождавшимся сильными кровотечениями геморроем и перенес в начале 1977 г. соответствующую операцию; однако условия по возвращении обратно в лагерь не благоприятствовали выздоровлению; по произволу администрации Ковалева — в качестве "меры взыскания" — лишили назначенного врачами и необходимого ему диетпитания, принудили к тяжелому непосильному труду.

Переписка Сергея Ковалева подвергалась и подвергается произвольным ограничениям — сверх тех ограничений, которые наложены Исправительно-трудовым законодательством, — вплоть до фактически полного лишения переписки.

Так, находясь в ИТК (лагере) строгого режима, Ковалев, согласно Исправительно-трудовому законодательству, "имеет право" отправлять до 2-х писем в месяц; количество получаемых писем не ограничивается; все письма должны проходить через лагерную цензуру, правила которой устанавливаются закрытыми (секретными) инструкциями МВД. Однако корреспонденция С. Ковалева то и дело подвергается конфискации, причем в ряде случаев ему не сообщают даже формальные причины конфискации; многие письма, адресованные Ковалеву, ему не вручаются по неизвестным причинам, они просто "пропадают".

Более года С. Ковалеву не вручают письма его сына, Ивана Ковалева.

Требую прекращения произвола — незаконного блокирования его переписки — Сергей Ковалев с октября 1977 г. отказался отправлять письма. Вот уже почти два года от него нет ни одного письма ...

Очевидно, с целью еще большей изоляции С. Ковалева, для ограничения возможности передачи информации о нем, о зоне (лагере) № 36 и т.д. освобождаемым по отбытии срока заключения не разрешается приезжать, даже заезжать в Москву.

Степень изоляции Сергея Ковалева усугубляется еще и тем, что его лишают даже тех редких свиданий, которые предусмотрены законодательством. В лагере строгого режима разрешается до 3-х свиданий в год (интервалы между свиданиями не менее 4-х месяцев): одно личное свидание продолжительностью от одних до 3-х суток, два "общих" — продолжительностью 2-4 часа, в присутствии контролеров, представителей администрации. (Продолжительность свиданий в указанных диапазонах устанавливается администрацией, обычно в зависимости от "поведения" заключенного, а иногда и от поведения приехавших на свидание родственников.) Одно из наказаний — лишение очередного свидания; кроме того, автоматически лишаются свидания заключенные, находящиеся в ШИЗО (карцере) и в ПКТ; в соответствии с новыми инструкциями МВД, время, проведенное заключенным в ШИЗО, карцере, ПКТ, не учитывается при расчете минимально допустимого интервала времени между свиданиями.

В 1978 г. Сергей Ковалев имел всего 2 свидания, в 1979 — ни одного.

В первых числах июня с.г. жена, сын и дочь С. Ковалева приехали в пос. Кучино на очередное свидание. Однако в свидании им было отказано: Ковалев лишен свидания ...

Сергей Ковалев настаивал и продолжает настаивать на своем праве на встречу с адвокатом. Формально его этого права не лишают, но под разными предлогами и разными способами препятствуют этой встрече, которой С. Ковалев добивается с октября 1978 г.

1-го марта с.г. адвокат С. Ковалева Е.А. Резникова приехала в 36-ю зону, чтобы встретиться с Ковалевым для оказания ему юридической помощи. Это был ее третий визит к своему подзащитному со времени его пребывания в этом лагере с февраля 1976 г. Все формальности бы-

ли ею выполнены заблаговременно, время свидания согласовано с администрацией лагеря. Прождав в штабе колонии (лагеря) ВС-389/36 довольно длительное время (ей объяснили, что в это время "готовили" к свиданию С. Ковалева), она в сопровождении нескольких человек из администрации была впущена в дом свиданий. Ей предложили предъявить содержимое ее сумки; она категорически отказалась, сославшись на отсутствие санкции прокурора ... Она настаивала на своем законном праве пройти на свидание с заключенным подзащитным, не подвергаясь ни обыску, ни "досмотру". Администрация не разрешила свидания без предварительного обыска личных вещей адвоката.

Свидание Ковалева с адвокатом не состоялось.

До сих пор нет указаний от соответствующих организаций, и адвокат Резникова лишена возможности встретиться — в условиях соблюдения ее законных прав — со своим подзащитным.

В поддержку своего требования прекратить произвол Сергей Ковалев намеревался начать голодовку. Он долгое время все еще надеялся на разумное решение этого вопроса со стороны администрации.

Получены сведения, что 15 июня Сергей Ковалев начал бессрочную голодовку ...

Он требует реализации его законного права на встречу с адвокатом; права пользоваться записями-выписками из своего судебного дела; реального права на переписку, на свидание.

Голодовка Сергея Ковалева может оказаться смертельной.

* * *

Мы подчеркиваем, что Сергей Ковалев осужден именно за его выдающуюся правозащитную деятельность. Эта деятельность, а также позиция Сергея Ковалева после ареста, нежелание идти на недостойные компромиссы с властями — причина того произвола, того чрезвычайно жестокого обращения, которому он подвергается в заключении.

Мы напоминаем, что Сергей Ковалев — один из тех, кто был осужден за реализацию права на убеждения, за правозащитную деятельность уже после заключения Хельсинкских соглашений, что является грубым нарушением этих Соглашений.

Мы также обращаем особое внимание ученых, коллег Сергея Ковалева, на все творящиеся в отношении него беззакония и нарушения человеческих прав и человечности.

Жизнь Сергея Ковалева в опасности.

Член Московской группы "Хельсинки":

Мальва Ланда

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НАД РАБОЧИМИ В СССР

В июне 1979 года в СССР состоялись два суда над рабочими — участниками правозащитного движения, обвиненными в распространении "заведомо ложных сведений, порочащих советский общественный и государственный строй" (ст. 190-1 УК РСФСР).

4 июня в г. Ростове-на-Дону — над 43-летним рабочим-сверловщиком Таганрогского комбайнового завода Эдуардом Кулешовым и 20-21 июня в г. Бобруйске (БССР) — над 43-летним рабочим-грузчиком Михаилом Кукобакой, в недавнем прошлом уже отбывшим 6-летнее заключение за убеждения в психиатрических больницах.

В обоих случаях вынесен максимальный приговор, предусмотренный по этой статье, — 3 года исправительно-трудовых лагерей. Оба суда представляли собой лишь прикрытую видимостью законообразности расправу за убеждения и слово. "Хочу обратить ваше внимание на то, что суд надо мной противоречит Всеобщей декларации прав человека", — сказал на суде Михаил Кукобака.

Основу обвинения М. Кукобаки составили его публицистическая статья "Международная разрядка и права человека — неделимы" и очерк "Украденная родина", утверждающий право на эмиграцию. Известно, что М. Кукобака еще в апреле 1977 г. в результате непрекращающихся репрессий (увольнение с работы, помещение в психбольницу) отказался от советского гражданства и просил о выезде из СССР, однако ответом на это прошение были новые репрессии и в конце концов арест.

Э. Кулешов осужден за написание черновика (!) заявления в защиту осужденного в 1978 г. его друга Е. Бузинникова, запись с эфира книги А. Солженицына "Архипелаг ГУЛаг" и "клевету в устной форме", причем обвинение, после того как трое свидетелей на суде отказались от ранее сделанных показаний, строится на показании единственного свидетеля. Обвинение, предъявленное Кулешову, настолько ничтожно, что даже государственный защитник, адвокат из г. Таганрога Шиштанов, потребовал, что бывает крайне редко в практике советских политических процессов, оправдания Кулешова за несостоятельностью обвинения.

Оба суда проходили с грубым нарушением процессуальных норм. И Кулешову, и Кукобаке было отказано в вызове просимых ими свидетелей. Судья Ребров в Ростове-на-Дону грубо обрывал Кулешова и нарушал его право на защиту. Судья Иванов в Бобруйске кричал на свидетелей, наводящими вопросами вытягивал из них нужные показания.

Оба подсудимых мужественно и терпеливо отводили от себя обвинения, показав всю их несостоятельность. Михаил Кукобака убедительно доказывал, что в СССР нарушаются права человека и отсутствуют демократические свободы; он выдвинул широкую программу демократизации страны. Именно это обстоятельство — твердость и умение отстоять свои убеждения, знание закона и высокая эрудиция подсудимых, их явное моральное превосходство над обвинением — вызывало нескрываемое раздражение судей и обусловило максимальный приговор.

Процессы Э. Кулешова и М. Кукобаки выходят за рамки частных, "провинциальных" расправ за инакомыслие. Их следует поставить в один ряд с подавлением деятельности независимых профсоюзов в СССР, с арестом В. Клебанова, с осуждением в 1978 г. рабочего из Белоруссии Е. Бузинникова, с недавним судом в Ленинграде по делу одного из основателей СМОТ Л. Волохонского.

Значение этих процессов состоит в том, что они символизируют рост правосознания рабочих, осознания рабочими необходимости демократизации общества, проведения в стране широких социальных преобразований.

Мы обращаем внимание правительств и общественности стран, подписавших Хельсинкский Акт, а также рабочих организаций этих стран, в частности — Конгресса производственных профсоюзов США, на прошедшие процессы. Мы надеемся на выступления в защиту осужденных в СССР рабочих Михаила Кукобаки, Эдуарда Кулешова и других.

Мы просим не оставлять без внимания любые другие попытки подавить рабочее движение в СССР.

8 июля 1979 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Елена Боннэр, Софья Каллистратова,
Мальва Ланда, Виктор Некипелов,
Наум Мейман, Татьяна Осипова,
Юрий Ярым-Агаев*

**РЕПРЕССИИ ПО ИДЕОЛОГИЧЕСКИМ МОТИВАМ,
АВГУСТ 78 — АВГУСТ 79.
АРЕСТОВАНЫ ЕЩЕ ЧЕТЫРЕ ЧЛЕНА
УКРАИНСКОЙ ГРУППЫ "ХЕЛЬСИНКИ" —
ОЛЕСЬ БЕРДНИК, ПЕТРО И ВАСИЛЬ СИЧКО,
ЮРИЙ ЛИТВИН**

В марте с.г. в Киеве был арестован член-основатель Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений, писатель Олесь Бердник; до настоящего времени он находится в следственной тюрьме КГБ, в полной изоляции. 5 июля с.г. в г. Долина Ивано-Франковской области арестованы члены Группы Петро и Василь Сичко, отец и сын; обоим предъявлено обвинение в "клевете" на советский строй; П. Сичко находится в следственной тюрьме в КГБ в г. Львов, В. Сичко направлен на судебно-психиатрическую экспертизу (см. приложения — из заявления С.В. Сичко). 6 августа с.г. в Киеве арестован член этой же Группы Юрий Литвин (см. приложения. — список арестованных и осужденных с августа 78 по август 79).

В ночь с 1 на 2 августа с.г. в Киеве избит неизвестными в штатском и затем подвергнут административному аресту на 15 суток новый член Украинской группы "Хельсинки" врач-рентгенолог Владимир Малинкович.

Кроме того, арестованы и осуждены:

близкий к Украинской группе правозащитник Иосиф Зисельс (г. Черновцы, арестован в декабре 78, осужден в апреле 79); выпешедший на улицу с призывом помочь узникам совести Виктор Монбланов (Киев, арестован 30 декабря 78, осужден в апреле 79); поддерживавшие контакты с членами Украинской группы "Хельсинки" или с другими правозащитниками Василь Овсиенко (Житомирская область, арест и суд — февраль 79), Тарас Мельничук (Ивано-Франковская обл., арест — март 79), Юрий Бадзьо (Киев, арест — апрель 79; на обыске изъята его рукопись — философско-историческое исследование).

Покончил жизнь самоубийством после проведенного у него в марте с.г. обыска Михаил Мельник (изъята рукопись — историческое исследование, многолетний труд М. Мельника). Михаил Мельник (село недалеко от Киева) покончил с собой, чтобы избавить свою семью — жена и двое детей — от преследований в случае его возможного ареста.

Члены Украинской группы "Хельсинки" Иван Кандыба (село Пустомыты Львовской области), Виталий Калиниченко (Днепропетровская об-

ласть), Нина Строкатова (г. Таруса Калужской области) находятся под административным надзором, который официально накладывает на них ряд ограничений и дискриминационных мер, в частности, лишает права покидать пункт — село или город, в котором им разрешено жить.

Члены Украинской группы "Хельсинки", а также их родственники и знакомые неоднократно подвергались обыскам, допросам, задержаниям, а в некоторых случаях и бандитским нападениям. Многочисленные обыски были проведены в марте — августе с.г. На обысках, проведенных в марте у жены находящегося в заключении руководителя Группы писателя М. Руденко, изъято все, что до этих пор удавалось сохранить из его архива: сборники его стихов, оригинал еще нигде не напечатанного художественного произведения и др.

Пять членов Украинской группы "Хельсинки" — М. Руденко, О. Тихий, Л. Лукьяненко, М. Маринович, М. Матусевич, — арестованные и осужденные в 1977-78 гг., отбывают длительные — по 7-10 лет — сроки лишения свободы в бесчеловечных условиях исправительно-трудовых учреждений, после чего им предстоит еще годы ссылки.

(См. также документы Московской группы "Хельсинки": № 59, август 78 — суд над Л. Лукьяненко; № 79, февраль 79 и № 93, июнь 79 — об арестованных членах групп "Хельсинки"; № 70, декабрь 78; № 78, январь 79; № 82, март 79, № 83, апрель 79 — об уголовных репрессиях в отношении И. Зисельса, В. Овсиенко, О. Бердника, об обысках у Ю. Литвина, М. Мельника и др.; № 84, апрель 79 — похищения и бандитские нападения на П. Винса; а также документы Группы, сделанные до августа 78 г.)

* * *

В декабре 78 г. в Ереване осужден находящийся в заключении с декабря 77 г. член Армянской группы "Хельсинки" Роберт Назарян; в настоящее время отбывает 5-летний срок лишения свободы (затем ему предстоят два года ссылки). В июле с.г. в Ереване арестован член (руководитель?) этой Группы Эдуард Арутюнян. Ранее, в январе 78 г., был осужден на три года лишения свободы проживавший в Ереване член-основатель Армянской группы Шаген Арутюнян. Таким образом, из четырех заявленных до 79 года членов этой группы трое находятся в заключении; один получил разрешение и эмигрировал.

* * *

В декабре 78 г. в Вильнюсе арестован Ромас Рагайшис; суд уже несколько раз откладывался. Ему предъявлялись обвинения в присвоении государственного имущества и в спекуляции; последнее обвинение — занятие незаконным промыслом. Действительная причина преследований: Р. Рагайшис поддерживал дружеские контакты с членами Литовской группы "Хельсинки", отказался давать показания на суде над Викторасом Пяткусом.

Арестованные и осужденные в 1977-78 гг. руководитель Литовской группы В. Пяткус и присоединившийся к Группе летом 77 г. Балис Гаяускас отбывают десятилетние сроки лишения свободы, после чего им предстоят 5 лет ссылки. (Суд над В. Пяткусом — см. док. Московской группы № 56.) Б. Гаяускас обвинялся в помощи политзаключенным и в попытках сохранить архив литовского вооруженного национально-освободительного движения.

За попытку способствовать восстановлению исторической памяти — участие в съемке фильма "Руины обвиняют" — летом 78 г. арестован и осужден на 12 лет лишения свободы Янис Скудра (Латвия).

* * *

В марте с.г. в Ленинграде арестован и в июне осужден на два года лишения свободы член-основатель межпрофессиональной ассоциации — СМОТ Лев Волохонский (см. док. № 94, июнь 79). 4 августа арестован член-основатель СМОТ Николай Никитин (Ленинград); как и Волохонскому, ему предъявлено обвинение в "клевете" на советский строй. С октября-ноября 78 г., когда было заявлено об образовании СМОТ — Свободной межпрофессиональной организации трудящихся, подвергаются различным преследованиям многие его члены. (Насильственное помещение в психиатрическую больницу Валерии Новодворской и Юрия Валова, а также некоторые другие преследования освещены в док. № 76, январь 79; по истечении нескольких месяцев Новодворская и Валов были выпущены из психбольницы. Арест и суд над выразившими симпатии свободным профсоюзам рабочими Бузинниковым, Кулешовым и Кукобакой — см. док. № 76, январь 79 и № 98, июль 79.)

4 августа подвергнуты административному аресту на 15 суток члены-основатели СМОТ Владимир Борисов и Альбина Якорева.

* * *

С января 79 г. подвергаются обыскам, допросам, задержаниям и угрозам ареста члены редколлегии начавшего выходить летом 78 г. в Москве неподцензурного литературно-публицистического журнала "Поиски". (См. док. № 74, январь 79; № 86, апрель 79; № 92, июнь 79.)

11 августа с.г. на улице Москвы задержан и подвергнут административному аресту на 15 суток член редколлегии "Поисков" Юрий Гримм. Вместе с ним задержан и подвергнут административному аресту Вячеслав Репников, бывший член редколлегии издававшегося ранее журнала "Вече". В июле Ю. Гримма задержали и обыскали в метро. Негласный обыск был проведен у его родителей. В конце июля среди бела дня в центре Москвы был избит и ограблен [...] сын Юрия Гримма. (Отняли 400 рублей, только что взятые им из сберкасс. Он страдает заболеванием печени, и били его именно по печени.)

* * *

В октябре 78 г. арестованы и в апреле с.г. осуждены участники молодежной группы, заявившей весной 78 г. о своем намерении содействовать мирными средствами, независимо от КПСС, формированию коммунистического — в понимании этой группы — сознания и общества; с весны 78 г. группа начала издавать журнал "Перспективы" (Ленинград). Обвиненный в "антисоветской агитации и пропаганде" Аркадий Цурков осужден на 5 лет лишения свободы; Александр Скобов направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу.

В апреле с.г. арестован причастный к этой группе Александр Хавин. На суде над Цурковым и на суде над Скобовым Хавин отказался от данных им ранее, на предварительном следствии, показаний. Его пытаются обвинить в "изготовлении и сбыте наркотических веществ".

Подвергнуты административному аресту на 15 суток пытавшиеся попасть на суд Цуркова Виктор Павленков (18 лет, из г. Горького) и Л. Кучай. Во время заключения надзиратели били В. Павленкова, угрожали поместить его в камеру к педерастам; чтобы предотвратить осуществление этой угрозы, Виктор Павленков начал сухую голодовку, которую снял на 4-е сутки ...

* * *

В ноябре 78 г. арестован и в январе 79 г. осужден организатор семинара по проблемам религиозного возрождения (православие) Александр Огородников. В январе арестованы и до сих пор находятся в заключении в ожидании суда участники этого семинара Сергей Ермолаев и его знакомый Игорь Поляков (Москва; см. также док. Московской группы № 78, январь 79).

1 августа с.г. арестован участник этого семинара Владимир Пореш (Ленинград). Одновременно с арестом у В. Пореша и не менее чем еще у 5 лиц в Ленинграде и в Москве проведены обыски с целью изъятия издаваемого семинаром журнала "Община".

По-видимому, по этому же "делу" 7 августа произведен обыск у близкого к СМОТ Всеволода Кувакина, юриста по профессии. Изъяты машинописная копия Всеобщей декларации прав человека, машинописная копия опубликованных в газете "Труд" положений о профсоюзах и др. (Обыск производился "с целью изъятия клеветнических, порочащих советский строй" материалов).

В течение нескольких лет деятельности Христианского семинара его участники то и дело подвергаются обыскам, налетам, просто издевательствам. В 79 г. на обысках изымались Библия, Евангелие, книги Бердяева, Булгакова, богословские труды, а также издаваемый семинаром журнал "Община".

Постоянным преследованиям подвергаются христиане-пятидесятники, евангельские христиане-баптисты (ЕХБ), адвентисты и иеговисты. О преследованиях ЕХБ сообщается в "Бюллетене родственников узников ЕХБ в СССР", о преследованиях адвентистов — в открытых письмах и обращениях Совета Церкви адвентистов (ВЦ ВСАСД): дискриминация верующих детей и родителей, разгон молитвенных собраний, свадебных и иных обрядов, штрафы, обыски, на которых изымается вся религиозная, духовная литература, а заодно и деньги, а также документы и информация о преследованиях за веру; административные аресты (до 15 суток); уголовные преследования — осуждение на длительные сроки лишения свободы. Инкриминируются религиозная деятельность, религиозное обучение-воспитание детей и т.п. (в этом случае используются статьи Уголовного кодекса "Нарушение законов об отделении церкви от государства" и "Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов"); инкриминируются заявления, обращения, письма, бюллетени и т.д., в которых сообщается о преследованиях за веру (используются статья Уголовного кодекса о "клевете" на советский строй, статья о "занятии незаконным промыслом" и др.).

С августа 78 по июнь 79 арестовано и осуждено не менее 25 баптистов и адвентистов. В том числе — председатель Церкви адвентистов СССР 84-летний Владимир Шелков и его "подельники" (у осужденных конфискованы также дома — жилище их семей), печатники нелегального издательства Церкви адвентистов "Верный Свидетель" (Рихард Спалинь, Анатолий Рыскаль и др.), печатники нелегального издательства ЕХБ "Христианин" (Яков Скорняков и др.) и другие. По сфальсифицированному обвинению в "покушении на жизнь работника милиции" осуждены адвентисты Виктор Бедарев и Петр Ракша; кассационный суд в ноябре 78 г. отменил приговор Ракши, однако Ракша уже 16 месяцев находится в тюрьме КГБ (см. также док. № 45, апрель 78, № 64, сентябрь 78, № 95, июнь 79).

В связи с непрекращающимися преследованиями за веру хотят покинуть страну многие пятидесятники. В течение нескольких лет они безрезультатно добиваются разрешения на эмиграцию. Пресекается и эта активность.

Вот что пишет о положении пятидесятников г. Находка и г. Владивостока представитель пятидесятников Борис Перчаткин (обращение передано 28 июня с.г. на пресс-конференции, состоявшейся на квартире еврея-отказника Виктора Елистратова в Москве):

... Все труднее и труднее пробиваться к правозащитникам в Москве, сообщать факты преследований и передавать обращения. Их (пятидесятников) ловят в аэропортах и на вокзалах, как преступников, и под конвоем отправляют назад. ... В ию-

не (1979 г.) Борис Перчаткин и Юрий Жеребилов, представители дальневосточных христиан-пятидесятников, прибыли в Москву на Всесоюзный съезд пятидесятников. Съезд проходил 16 июня, решался вопрос о централизации и более активной правовой борьбе. Перчаткин и Жеребилов добирались до Москвы кружными путями, и им помогали в этом десятки людей, потому что Перчаткина (ранее) не раз арестовывали. Он первый из христиан-пятидесятников получил предостережение по Указу за свою правозащитную деятельность. 10 июня жена Б. Перчаткина, Зинаида, с 8-летним сыном Олегом и с активисткой в борьбе за право на выезд Валентиной Полешук выехали поездом, чтобы доставить в Москву ждавшим их (там) Б. Перчаткину и Ю. Жеребилову заявления, письма и фото ...

Зинаида Перчаткина и Валентина Полешук были сняты с поезда, не доезжая Читы, их подвергли обыску, отняли все имеющиеся при них документы (заодно пропали и 500 рублей денег). При этом им было сказано, что Б. Перчаткин — американский шпион и он уже арестован ...

Б. Перчаткина и Ю. Жеребилова задержали в Москве 19 июня. Жеребилова наутро насильно отправили по месту жительства. Б. Перчаткина, после обыска и допроса, тоже отправили по месту жительства (по дороге ему удалось сбежать...).

На допросе Перчаткину, в частности, сказали, что Виктор Елистратов (у которого остановился Б. Перчаткин) — "еврей", что не надо иметь с ним дело, не надо "пачкаться" (поддерживая дружбу с "евреем").

* * *

Всего с августа 78 г. по август 79 г. осуждено на длительные сроки лишения свободы или же находится в заключении в ожидании суда — не менее 80 человек.

Три человека — Степан Затикян, Акоп Степанян и Завен Багдасарян, обвинение которых в совершении взрыва в московском метро не доказывалось в открытом гласном суде с участием независимых выбранных самими обвиняемыми защитников (есть основания сомневаться в том, что вообще состоялся какой-либо суд), — приговорены к смертной казни, и, как сообщила центральная советская пресса 31 января 79 г., приговор немедленно был приведен в исполнение.

Нам, безусловно, известно далеко не обо всех репрессиях, собирать информацию в этой области, как и в ряде других — чрезвычайно трудно. (В приложениях — список арестованных и осужденных.)

* * *

Осужденные к лишению свободы в 78-79 гг. и в предыдущие годы, в том числе 12 членов групп "Хельсинки", отбывают наказание в осо-

бо жестоких условиях исправительно-трудовых учреждений. При этом они нередко подвергаются дополнительным преследованиям — наказаниям, которые причиняют тяжелые физические и моральные страдания и пагубно действуют на здоровье, а также иным, формально не относящимся к наказаниям, лишениям и издевательствам (фактическое лишение переписки, неоказание медицинской помощи и др.). Все это делается с целью так называемого перевоспитания — наказывают именно тех, кто "не встал на путь исправления". Цель "исправления" — подавление личности.

* * *

Помимо арестов и осуждения на более или менее длительные сроки лишения свободы и на ссылку или же заключения в психиатрические больницы широко используются и другие меры профилактики, подавления и искоренения инакомыслия:

1. Лишение работы по специальности (профессии) или вообще лишение какой бы то ни было работы — возможности получить работу в государственном учреждении или на предприятии. (Об увольнении члена Московской группы "Хельсинки" Юрия Ярым-Агаева и члена Рабочей комиссии Вячеслава Бахмина см. документ № 96.) Увольнению с работы подвергаются не только более или менее явные инакомыслящие — "диссиденты", но нередко также и рабочие и другие трудящиеся, которые пытаются в рамках своего предприятия или населенного пункта, где они живут, настаивать на соблюдении элементарных норм социальной и экономической справедливости, разоблачают коррупцию руководящих работников и т.д.

Люди, искусственно ставшие безработными, находятся под угрозой уголовного преследования за "паразитический образ жизни" — "тунеядство".

2. Отключение телефонов, прерывание телефонных разговоров; недооставление корреспонденции адресату, арест корреспонденции.

3. "Задержание" — краткосрочный, официально не оформленный арест, принудительное прерывание пути следования и т.д.; часто сопровождается личным обыском. Осуществляется либо силами милиции под руководством и при участии сотрудников КГБ, либо сотрудниками КГБ в штатском. Некоторые задержания похожи на похищения, киднапинг. Иногда задержанному заявляют, что он обвиняется (или подозревается) в краже, ограблении и т.д. (Отдельные случаи задержания описаны в приложениях.)

4. Бандитское нападение, сопровождающееся избиением, нанесением тяжелых ранений. Участие в таких акциях КГБ или лиц, ангажированных для этой цели КГБ, является в ряде случаев совершенно явным.

5. Административный арест сроком до 15 суток по сфальсифицированному обвинению в мелком хулиганстве, неповиновении милиции или

дружинникам и т.п. (Отдельные случаи таких арестов приведены в приложениях.)

6. Административный надзор. Применяется к освобожденному по отбытию полного срока наказания политзаключенному, если он "не встал на путь исправления". В правила надзора обязательно входят строгие ограничения передвижения — запрещено выезжать и даже выходить за пределы того населенного пункта, где разрешено проживать поднадзорному; нельзя выходить из дома (со двора), в котором прописан поднадзорный, в течение 10-12 часов в сутки — и ряд других "правил надзора". За нарушение — уголовное преследование.

7. Обыски, допросы, профилактические беседы.

Под какими бы формальными предлогами ни проводились эти обыски (с целью изъятия "клеветнических антисоветских" материалов, в поисках "порнографии", "подделанных документов", "наркотиков" и т.д., и т.п.), изымается литература, документальные свидетельства о нарушениях прав человека (и др. нарушениях), информационный материал, а также вообще весь авторский архив в форме рукописных, машинописных и т.д. текстов, а заодно и личная переписка, фотографии и т.д. В качестве "орудий преступления" изымаются пишущие машинки, фотоаппараты, магнитофоны.

Профилактические беседы, беседы-предупреждения (предостережения), а нередко и допросы имеют целью с помощью угроз, шантажа и обещаний убедить, заставить прекратить предосудительные с точки зрения властей действия — отклонение от советских стандартов. В специальном указе о предупреждении-предостережении такие действия называются "антиобщественной деятельностью".

Применяются и другие меры воздействия.

* * *

Для понимания сущности и целенаправленности этих и аналогичных репрессий и различных форм преследований надо иметь в виду, что, невзирая на международные обязательства в области человеческих прав и свобод, таковые по-прежнему принципиально не признаются. От гражданина — подданного СССР требуется соответствие (конформность) определенным идеологическим стандартам, недопустимым и нетерпимым являются сам факт самостоятельности, интеллектуальный духовный поиск и творчество, не оглядывающиеся и не ограничивающие себя партийно-государственными установками. Безусловно недопустимо критическое отношение к советскому строю ("советской власти"), даже к отдельным аспектам того, что именуется советской действительностью. Нетерпима любая не зависящая от КПСС общественная ассоциация (в том числе, конечно, и профсоюзного типа). Не положено проявлять сочувствие и оказывать помощь лицам, преследуемым государством. Пресекается и преследуется обмен информацией и идеями внутри страны и с гражданами других государств. В особенности той информацией и теми мнениями, которые так или иначе разоблачают претензии представить советскую си-

стему как гуманное, социально справедливое, правовое и демократическое общество.

Все это происходит в стране, которая давно уже пережила свою революцию и гражданскую войну; в стране, где завершено формирование заранее запланированного "строга", именуемого развитым реальным социализмом (первая стадия коммунизма) и представляемого как образец будущего человеческого общества. Все это происходит в сверхдержаве, правительство которой декларирует свою верность международным обязательствам.

Август 1979 г.

Члены Московской группы "Хельсинки"

Мальва Ланда, Виктор Некипелов

ЗАЯВЛЕНИЕ

Пять лет назад, в 1973 году, СССР ратифицировал Международный Пакт о политических и гражданских правах, вступивший в силу в 1976 году.

В официальном докладе СССР в Комитете ООН по правам человека от 24-го октября 1978 года о претворении в жизнь этого Пакта в СССР указывается, что ратификация Пакта и его вступление в силу не сопровождались какими-либо изменениями или дополнениями в советском законодательстве (см. "Правда" 25 октября 1978). Этот факт приводится как доказательство высокого уровня советского законодательства.

Никем не опровергнутые документы Московской Группы "Хельсинки", публикации журнала "Хроника текущих событий" доказывают систематическое нарушение советскими властями ряда основных статей Пакта, а отсутствие изменений в советском законодательстве в связи с ратификацией Пакта говорит лишь о пренебрежении к реальному претворению Пакта в жизнь.

Деятельность Группы "Хельсинки" направлена на предание гласности фактов нарушений гражданских, политических и социальных прав, гарантированных Пактами и Соглашением в Хельсинки, которые становятся известны Группе.

25 октября 1978

Члены Московской группы "Хельсинки":

*Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда,
Н. Мейман, В. Некипелов, Т. Осипова*

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПРЕССЫ

9 июля жене члена-основателя Московской группы "Хельсинки" Александра Гинзбурга, освобожденного из заключения в обмен на пойманных в США двух советских шпионов и одновременно высланного из СССР, было заявлено, что фактического члена семьи Гинзбургов Сергея Шибаева не выпустят из страны, не выпустят никогда.

Обязательство допустить и способствовать воссоединению всех членов их семей входит в условия соглашения между правительствами США и СССР об обмене осужденными.

Ирине Жолковской-Гинзбург, официально приглашенной для этого в московский ОВИР, было сообщено представителем Всесоюзного ОВИРа Герасимовым в присутствии и при участии заместителя начальника московского ОВИРа Зотова:

1. Сергея Шибаева, 19 лет, не выпустят из страны ни сейчас, ни позже, никогда. Жолковской-Гинзбург, приемной матери Шибаева, дали понять, что формально это решение мотивируется возражением родителей Шибаева против его эмиграции (Шибаев уже более пяти лет не живет с этими родителями). На вопрос, разве не было случаев, когда дети уезжали без согласия родителей, зам. начальника ОВИРа Зотов ответил, что он таких случаев не знает. Жолковская-Гинзбург заявила, что она согласна удовлетворить материальные претензии родителей Шибаева, если таковые будут предъявлены. Она заявляла это и ранее.

2. Жолковской-Гинзбург было сказано, что до 25 июля она должна сообщить в ОВИР о том, что она согласна выехать без Сергея Шибаева. При этом ей было разъяснено, что после 25 июля ей придется добиваться разрешения на эмиграцию уже "на общих основаниях", то есть "только через Израиль при наличии вызова от проживающих там родственников".

Беседовавшие с Жолковской-Гинзбург ответственные сотрудники отметили, что изложенное ими решение принято на высоком уровне при участии МВД и КГБ.

Жолковская-Гинзбург заявила, что она не может уехать без Сергея Шибаева, особенно теперь, когда он из-за своей честности и преданности семье Гинзбурга подвергается преследованиям и находится под угрозой жестоких репрессий. Ответственные работники сказали, что это их не касается и выходит за рамки данного разговора. (Армейское начальство угрожает рядовому стройбатальона Сергею Шибаеву многочисленными дисциплинарными взысканиями, переводом в дисциплинарный штрафной батальон, а также обвинением в "измене родине", и с помощью этих угроз от него пытаются добиться заявления об отречении от семьи Гинзбурга и об отказе от эмиграции.)

Таким образом, кроме демонстративного нарушения условий договоренности об обмене осужденными между СССР и США руководители Советского Союза демонстрируют также пренебрежение к духу и букве Хельсинкских соглашений, принципиальный произвол в вопросах эмиграционной политики. (Никогда не получит Шibaев разрешения покинуть страну. Эмиграция на общих основаниях — только через Израиль.)

Власти явно заинтересованы в демонстрации политики с позиции силы. Жертвами этого являются конкретные люди: страдает вся семья Гинзбурга — его старая мать, маленькие дети, жена. Под угрозой быть раздавленным мощной машиной власти Сергей Шibaев.

Внимание международной общественности, выражение озабоченности нарушениями человеческих прав и свобод уже не раз останавливало или ограничивало произвол.

Мы надеемся, что в данном случае это внимание спасет Сергея Шibaева и поможет воссоединению семьи Гинзбурга.

9-10 июля 1979 г.

Члены Московской группы "Хельсинки":

Мальва Ланда, Елена Боннэр, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев, Виктор Некипелов

Присоединяемся:

М. Петренко-Подъяпольская, В. Ливчак, И. Валитова-Орлова, Н. Федорова, С. Павленкова, В. Павленков, А. Шустер, Ю. Гастев, В. Бахмин, В. Лашкова, С. Ходорович, В. Дзядко, В. Помозов, Е. Николаев, Е. Цитовская

\$ 5.00